

История русской эмиграции Первой волны как история Исхода: Библейское начало в экранизации пьесы М. Булгакова «Бег»

*Но в полночь смолкнут тварь и плоть,
Заслышав слух весенний,
Что только-только распогодь,
Смерть можно будет побороть
Усиьем Воскресенья.*

Б. Пастернак

Мосфильм, 1970, 2 серии - 95 +102 мин.

В ролях: Людмила Савельева (*Серафима Корзухина*), Алексей Баталов (*Сергей Павлович Голубков*), Михаил Ульянов (*генерал Григорий Чарнота*), Татьяна Ткач (*Люська*), Евгений Евстигнеев (*товарищ министра Корзухин*), Олег Ефремов, Владислав Дворжецкий (*генерал Роман Хлудов*), Владимир Басов (*Артур Артурович, Тараканий царь*), Николай Олялин (*вестовой Крапилин*) и др.

Режиссеры-постановщики – А. Алов, В. Наумов.

Авторы сценария – А. Алов, В. Наумов, Е. Булгакова (консультант).

Оператор-постановщик – Л. Пааташвили.

Художник-постановщик – А. Пархоменко.

Композитор – Н. Каретников.

Звукорежиссер – Р. Казарян.

Первая роль в кино В. Дворжецкого.

Прокат – 19,7 млн. зрителей

Приз – ВКФ – 72 (Тбилиси)

Биографии

Михаил Афанасьевич Булгаков родился в 1891 в Киеве (Украина) в семье Афанасия Ивановича Булгакова и Варвары Михайловны Покровской. Отец его был кузеном знаменитого философа Сергея Булгакова, преподававшего на момент рождения мальчика на богословском факультете Киевского университета. Атмосфера в доме Булгаковых определялась неисчерпаемой верой в Бога, любовью к русским традициям и стремлением к познанию. 21 августа 1909 года Михаил Афанасьевич, окончивший в мае Первую киевскую гимназию, принят в Университет св. Владимира на медицинский факультет. В феврале - марте 1916 года, после обширнейшей практики в госпиталях Саратова и Киева, Булгаков сдает экзамены и получает диплом врача (дальнейшее довольно подробно описано в сборнике «Записки на манжетах»). В феврале 1918 года он приезжает в Москву, где получает освобождение от военной службы по болезни. Вернувшись с женой в Киев, начинает практиковать как венеролог в доме № 13 по Андреевскому спуску (прообраз Алексея Турбина из «Белой гвардии»). С февраля 1919 года Булгаков мобилизуется по очереди петлюровцами, красными; а в октябре отправлен в составе белых частей на юг, где печатается в газетах и служит начальником медчасти 5-го Александрийского гусарского полка деникинской армии.

Из-за болезни (тиф) в феврале - марте 20-го года, Михаил Афанасьевич не смог уйти с разбитыми белыми войсками и был вынужден остаться и служить заведующим литературной частью в Отделе народного образования Терского ревкома: писал для местной печати, читал лекции перед спектаклями, преподавал и начал создавать собственные пьесы.

В 1921 году Булгаков переезжает в Москву, где 1 октября получает место секретаря в Лито Главполитпросвета Наркомпроса. Пишет репортажи, фельетоны и очерки для центральной прессы, а с апреля 1922 года поступает литобработчиком в газету «Гудок»; в мае начинает сотрудничать в московской редакции берлинской газеты «Накануне», благодаря которой знакомится в январе 1924 со своей второй женой Л.Е. Белозерской.

В январе 1925 года увидела свет 1 часть «Белой гвардии» в журнале «Россия», уже в августе представленная на мхатовских подмостках. После публикации сборника повестей и рассказов «Дьяволиада» и начала работ над пьесами «Зойкина квартира», «Дни Турбиных» для театра-студии Е.Б. Вахтангова (премьеры в октябре 1926) - 7 мая 1926 года обыск и конфискация рукописей, дневника и «Собачьего сердца», позднее - допросы в ОГПУ.

Далее - череда черно-белых полос в жизни писателя. Первый том «Белой гвардии» издан в Париже в декабре 1927 года, год спустя - премьера в Камерном театре «Багрового острова» и начало работы над первыми редакциями «Мастера и Маргариты». В январе-июне 1929 года с

репертуара сняты и запрещены все булгаковские пьесы. После телефонного разговора со Сталиным (18 апреля 1930) - принятие во МХАТ и начало работы над инсценировкой гоголевских «Мертвых душ». Как результат личного письменного обращения к вождю (30 мая 1930) - разрешение пьесы «Мольер».

В январе 1932 - возобновлены репетиции «Дней Турбиных», а в октябре состоялось бракосочетание Булгакова с Е.С. Шиловской. 12 апреля 1933 года была отвергнута готовая для печати в серии ЖЗЛ книга о Мольере, а в ноябре окончательно снята пьеса «Бег».

4 июня 1934 - Михаил Александрович принят в Союз писателей СССР. 23 апреля 1935 - посетил бал в американском посольстве. 6 февраля 1936 - принял решение писать пьесу о молодом Сталине, 16 февраля - премьера «Мольера». 15 сентября - уход из МХАТа и поступление в Большой театр, для которого в течение 1937 года были написаны либретто к операм «Черное море», «Минин и Пожарский», «Петр Великий». 10-19 сентября 1938 года - начало работы над пьесой о Сталине.

Апрель - май 1939 года - чтение завершеного текста «Мастера и Маргариты» друзьям. С 4 октября Елена Сергеевна под диктовку Булгакова начинает вносить правку в роман.

22 января 1940 года подписан договор с МХАТом на пьесу «Пушкин» («Последние дни»), поставленную в 1943. 13 февраля - внесены последние исправления в рукопись «Мастера и Маргариты».

Умер М.А. Булгаков в Москве 10 марта 1940 года. 11 марта состоялась гражданская панихида в Союзе писателей, а день спустя тело Мастера было предано огню.

***

Михаил Афанасьевич с детских лет привык участвовать в длительных беседах на философские и религиозные темы со своими братьями и родителями; он был убежден в бессмертии души и ее возрождении, но не в рамках русского ортодоксального христианства, а скорее в смысле «начала новой жизни». И именно эта вера в возможность влиять на собственную судьбу и пытаться реализовать замыслы, в прежнем земном существовании не завершённые, ярко проявилась в написанной им драме «Бег».

В этом произведении писатель рассматривает проблемы Гражданской войны в России (1918 - 1921) (первые «сны»), но и поднимает вопрос о необходимости эмиграции и возможности бытия русской души вне Родины (вторая часть пьесы). Созданию «Бега» предшествовала длительная работа Булгакова над историческими документами: письмами белогвардейцев и красноармейцев к родным, газетными статьями и воспоминаниями свидетелей пост-революционных катастроф XX столетия. При этом он пытается на

протяжении всей драмы сохранить нейтралитет и не принять позицию ни одной из враждующих сторон. Ему важно проследить судьбу конкретного человека, зятянутого против своей воли в воронку государственной машины: его становление как личности или утрату им индивидуального начала, зарождение веры или исчезновение всякого следа духовности. Булгаков создал черно-белые снимки трагической эпохи, полные сочувствия к обеим сражающимся сторонам - братьям и сестрам, вставшим по разные стороны баррикад.

М. Булгаков писал пьесу «Бег» как историческую хронику и в то же время как дневник (синтез личного и общественного). Как и герои произведения, находясь в Крыму в 1920-м году, Булгаков стоял перед выбором пути - эмиграция и вечное странничество или дорога в нищую и страшную разрухой страну, СССР. Пароход «Святой Иоанн» или подобное ему судно увезли в Европу (в Париж через Константинополь) вторую жену писателя - княжну Л.Е. Белосельцеву - Белозерскую. Сам же писатель, состоявший в период Гражданской войны в качестве военного врача в рядах Добровольческой армии, был вынужден скрывать от новых властей этот факт биографии. Хотя в его анкете октября 1936 года на вопрос об участии в белой и иных контрреволюционных армиях стоит: «в 1919 году, проживая в г. Киеве, последовательно призывался на службу в качестве врача всеми властями, занимавшими город...».

В булгаковской драме на первый план выдвинуты не реально существовавшие исторические персонажи, а лица вымышленные. В год опубликования произведения (1928) в СССР царила жесточайшая цензура, осуществлявшаяся не только государственным аппаратом, но и «отцом всех народов» И.В. Сталиным лично. Литературные произведения должны были по возможности убедительно и доступно демонстрировать достижения социалистического строя при мудром и добром вожде, в противном случае, автор попадал в число «врагов народа» и заочно приговаривался к смерти, а его труды - к забвению. Если бы Булгаков выдвинул на первый план историю и делавших ее реальных людей, ему грозил бы, в лучшем случае, ГУЛАГ. И так, хотя драматург очень осторожно обошелся с темой Гражданской войны, Сталин остался недоволен пьесой и требовал изменить финал¹. По его мнению, «Хлудов должен был покончить с собой, поняв всю несостоятельность белогвардейской идеологии» (Соколов, 1996: 39). Учитывая настроение автора и его

---

¹ На самом деле, договор о переделке пьесы должен был быть подписан с представителем Главреперткома, недоброжелателем Булгакова, О.С. Литовским, мечтавшим вычеркнуть «Бег» из программы, но под давлением из Кремля пошедшим на разговор с автором. Примерный список изменений следующий: «переделать в последней картине линию Хлудова, дабы она привела его к самоубийству как человека, осознавшего беспочвенность своей идеи; переработать последнюю картину по линии Голубкова и Серафимы так, чтобы оба эти персонажа остались за границей; наилучше разъяснить болезнь Хлудова, связанную с осознанием порочности той идеи, которой он отдался». Булгаков переделал финал: Хлудов покончил жизнь самоубийством, а два главных героя остались в эмиграции, что не нарушило его замысла (см. письмо М.А. к брату, Н.А. Булгакову в Париж от сентября 1933 года). Но - запрета не сняли, равно как не произошло этого и в 1937 году (Виленский и др., 1995: 97-98).

нежелание подчиниться, в 1929 г. спектакль² по пьесе «Бег» был запрещен к показу по личному распоряжению И.В. Сталина.

Для работы над фильмом была приглашена последняя жена М. Булгакова, Елена Сергеевна Булгакова³, что подтверждает лишний раз желание авторов ленты придерживаться позиции и трактовки создателя пьесы. Именно поэтому в центре кинематографического полотна стоит не изображение битвы, а судьбы отдельных людей⁴, эту битву переживших и унесших память о ней с собой в изгнание. Память о страшных снах истории.

Александр Александрович Алов (Лапскер, 26 сентября 1923...12 июня 1983) родился в Харькове. Режиссер. В 1951 году окончил режиссерский факультет ВГИКа, где учился в мастерской И.А. Савченко. У своего учителя Александр Наумов работал на фильме «Третий удар», был его ассистентом по фильму «Тарас Шевченко», который после смерти режиссера закончил вместе с Владимиром Наумовым. С этой работы и началось их многолетнее и плодотворное творческое сотрудничество. На Киевской киностудии Алов и Наумов поставили по трилогии В.Беляева «Старая крепость» фильм «Тревожная молодость» о комсомольцах Украины в годы Гражданской войны, затем сняли фильм «Павел Корчагин», по роману Н. Островского «Как закалялась сталь». В 1957 году они перешли на студию «Мосфильм», и в 1959 году поставили по собственному сценарию фильм «Ветер». В дальнейшем почти все

---

² Рождение самого замысла «Бега» - есть воплощение идеи продолжения завершавшегося в эти же года романа «Белая Гвардия». В середине февраля Булгаков подает заявление о двухмесячной поездке за границу, в дополнении к которому от 21 февраля пишет в числе прочего, что намерен посетить Париж, чтобы обдумать план постановки «Бега», одно из действий коего происходит именно в Париже. 8 марта датируется сохраненная Михаилом Афанасьевичем справка № 8 - 664, в которой от имени Административного отдела Моссовета ему отказано в выезде из СССР.

Договор с МХАТом на постановку пьесы был подписан по одним источникам в январе (Виленский и др., 1995; Соколов, 1996: 38), по другим - 1 марта (М.А. Булгаков-драматург..., 1988: 95) 1928 года, а 16 апреля был утвержден план работ на худсовете театра на будущий год. 9 мая 1928 Главреперткомом булгаковское произведение было определено как «неприемлемое» с мировоззренческой т.з. Но театр продолжал репетиции, а 9 октября В.И. Немирович-Данченко пригласил на очередное обсуждение А.М. Горького, вставшего немедленно на сторону автора. 11 октября в «Правде» было опубликовано сообщение, что «Бег» допущен к показу и в тот же день лучшие мхатовские актеры получили свои роли. Но противники пьесы не сложили оружия: последовало новое заседание политико-художественного совета реперткома, появилась статья И. Бачелиса «Тараканий набег» («Комсомольская правда» от 23. 10. 1928); с доносом лично к товарищу Сталину обратился драматург В. Биль-Белоцерковский. Ответ вождя не заставил себя ждать (письмо от 2 февраля, опубликовано в: Сталин И. Собр. соч.: В 12 тт. - М., 1949. - Т. 2., с. 326 - 327) – «пьеса - явление антисоветское», но «отец народов» «не имел бы ничего против постановки „Бега“, если бы Булгаков прибавил к своим восьми снам еще один или даже два сна, где бы он изобразил внутренние социальные причины гражданской войны в СССР, чтобы зритель мог понять, что все эти по-своему честные Серафимы и всякие приват-доценты оказались вышибленными из России не по капризу большевиков, а потому что они сидели на шее у народа...., что большевики, изгоняя вон этих „честных сторонников эксплуатации“, осуществляли волю рабочих и крестьян... „Бег“ есть проявление попытки вызвать жалость, если не симпатию, к некоторым слоям антисоветской эмигрантщины...». Еще в 1933 году МХАТ серьезно готовился к постановке пьесы, но участь ее уже была решена.

³ Через день после просмотра готовой ленты она скорострительно скончалась. Похоронена в Москве рядом с М.А. Булгаковым.

⁴ Мы смело можем говорить о толстовской концепции исторического развития, лежащей в основе большинства булгаковских произведений.

картины Алов и Наумов снимали по собственным сценариям. В 1961 году за антифашистский фильм «Мир входящему» режиссеры удостоились нескольких международных призов. Одним из лучших работ Алова и Наумова стал поставленный по пьесе Михаила Булгакова фильм «Бег», Он посвящен Гражданской войне, крушению контрреволюции и судьбе белой эмиграции, а главные роли в картине сыграли Людмила Савельева, Владислав Дворжецкий, Михаил Ульянов, Евгений Евстигнеев, Алексей Баталов. Философски насыщенная и по-босховски живописна «Легенда о Тиле», созданная выдающимся творческим тандемом по роману Шарля де Костера. Приключенческая лента «Тегеран-43», снятая в 1981 году, стала фаворитом проката, а в числе сыгравших в нем зарубежных актеров был Ален Делон.

Народный артист СССР (1982)

Режиссерские работы:

1. Тарас Шевченко (1951)
2. Тревожная молодость (1954)
3. Павел Корчагин (1956)
4. Ветер (1958)
5. Мир входящему (1961)
6. Монета (1962)
7. Скверный анекдот (1966)
8. Бег (1970)
9. Легенда о Тиле (1976)
10. Тегеран-43 (1980)
11. Берег (1984)

Автор сценария:

1. Ветер (1958)
2. Мир входящему (1961)
3. Скверный анекдот (1966)
4. Бег (1970)
5. Как закалялась сталь (1975)
6. Легенда о Тиле (1976)
7. Тегеран-43 (1980)
8. Похождения графа Невзорова (1982)
9. Берег (1984)

10.Закон (1989)

Специальный приз Венецианского кинофестиваля за 1961 год

Лауреат Всесоюзного кинофестиваля в номинации «Специальная премия кинофестиваля» за 1978 год

Лауреат Всесоюзного кинофестиваля в номинации «Главные призы кинофестиваля» за 1981 год

Лауреат Всесоюзного кинофестиваля в номинации «Главные премии кинофестиваля» за 1984 год

Владимир Наумович Наумов - режиссер, сценарист, актер, продюсер. Родился 6 декабря 1927 года в Ленинграде. В 1952 окончил режиссерский факультет ВГИКа (мастерская И. Савченко). Как практикант-ассистент режиссера участвовал в работе над исторической картиной Савченко «Третий удар». Ассистентом же продолжил работу над его фильмом «Тарас Шевченко», когда зародилось содружество с Аловым. Дебютом двух молодых авторов стала снятая на Киевской киностудии лента о Гражданской войне – «Тревожная молодость» (по повести В. Беляева «Старая крепость»).

Поставил совместно с А. Аловым в театре «Современник» спектакль «Тоот, другие и майор». С 1986 — профессор ВГИКа.

Народный артист СССР (1983).

Режиссерские работы:

1. Тревожная молодость (1954)
2. Павел Корчагин (1956)
3. Ветер (1958)
4. Мир входящему (1961)
5. Скверный анекдот (1966)
6. Бег (1970)
7. Легенда о Тиле (1976)
8. Тегеран-43 (1980)
9. Берег (1984)

10. Выбор (1987)
11. Закон (1989)
12. Десять лет без права переписки (1990)
13. Белый праздник (1994)

Сценарии:

1. Ветер (1958)
2. Мир входящему (1961)
3. Скверный анекдот (1966)
4. Бег (1970)
5. Как закалялась сталь (1975)
6. Легенда о Тиле (1976)
7. Тегеран-43 (1980)
8. Похождения графа Невзорова (1982)
9. Берег (1984)
10. Выбор (1987)
11. Закон (1989)
12. Десять лет без права переписки (1990)
13. Белый праздник (1994)

Актерские работы:

1. Третий удар - („Южный узел“ н/ред.) (1948)
2. Гори, гори, моя звезда (1969)
3. Кража (1970)

Продюссер фильма «Белый праздник» (1994).

Специальный приз Венецианского кинофестиваля за 1961 год

Лауреат Всесоюзного кинофестиваля в номинации «Специальная премия кинофестиваля» за 1978 год

Лауреат Всесоюзного кинофестиваля в номинации «Главные призы кинофестиваля» за 1981 год

Лауреат Всесоюзного кинофестиваля в номинации «Главные премии кинофестиваля» за 1984 год

Библиография по персоналиям:

Городецкий А. Владимир Наумов. - М., 1987

Алов А., Наумов В. Статьи. Свидетельства. Высказывания. - М., 1989

Манцов И. Угрюмая поступь истории// Искусство кино, 1992. № 4

<http://www.krugosvet.ru/articles/.../htm>

<http://www.ruscico.com/>

<http://mega.km.ru/cinema/>

<http://www.kulichkibooks.com/author/>

<http://www.ezhe.ru/cgi-bin/>

<http://www.podsolnuh.ru/persons/>

<http://www.akter.spb.ru/>

<http://biograph.comstar.ru/bank/>

Критика по фильму

Шпагин А. Александр Алов и Владимир Наумов⁵

Они не пришли в кино — ворвались. Молодые — одному тридцать, другому двадцать пять, они стали в 50-е годы едва ли не главным символом Нового Сознания в искусстве. Донской и Пырьев неистово боролись с ними, но исключительно на духовном уровне — боролись и одновременно любили, даже немного восхищались, видя в них сильных и талантливых соперников.

Один из первых их фильмов назывался „Ветер“. Бешеной страстью были пронизаны и другие ленты — «Тревожная молодость», «Павел Корчагин». Такой энергетики советское кино не знало с 20-х годов, оно забыло о ней. Да, уже летели по экранам «Журавли» Калатозова, но у Калатозова была страсть лирика. У Алова с Наумовым — страсть фанатиков, иезуитов, борцов с пламенными очами и огненной душой.

Никакой лирики.

Они не были иезуитами. Они острее других почувствовали эксцентризм времени, таившийся в его неординарности, в его революционности. Долой старые тоталитарные мифы, зачеркнем то, что было с нами и вернемся к подлинному, настоящему, религиозному, к первоосновам, к апостолам новой веры. К правде, которую нес в себе Антихрист. Такой, например, как Павел Корчагин. А ведь нес свою правду! В вялые 50-е годы фильмы Алова и Наумова поражали ярко выраженным авторским началом — экранная реальность куда-то стремительно неслась,

---

⁵ Цит. по: <http://mega.km.ru/cinema>

прорывала все пространства, захлебывалась в экстатическом пафосе. И выплескивалась за грань земного притяжения — уходила в метафизику, в космос. Потому что в основе был не плакат, а крестный путь одинокой души. Художники 50-х двигались по направлению к человеку, ставя его в центр мироздания и не понимая, что обрекают его на трагедию. Потому что жил этот человек в мире социализма, мире тотального страдания. Мире Антихриста.

И трагедия обнаруживала в себе бездну. Вместо восклицательного знака обнаруживался вопросительный. Мера страданий ради высокой цели ставилась под сомнение. Жизнь Корчагина превращалась в житие мученика. А герой „Ветра“, оставшись один, без своих товарищей, которые погибли, а значит, не смогут доехать с ним до заветного Съезда Комсомола, не смогут донести до масс Слово, на время впадает в растерянность, в панику, а будучи поставленным к стенке, доходит до настоящей истерики. Потому что человека уже нет, есть миссия.

Миссия, которую воплощают люди, вообразившие себя Мессиями. И благодаря Алову и Наумову, это их состояние отстранено, осмыслено — не через идею — через стиль. Эти герои вызывают восхищение, но и сочувствие тоже, ибо они не справляются с тем бременем, которое приняли на себя. Они страдают. Перед нами личности, поставленные в центр мироздания, но им не хватает личности.

А в людях, которые их окружают, много неприятного, даже отвратительного. Ибо герои Алова и Наумова живут в нелирическом мире. И этот мир оказывается страшен. Алов и Наумов проповедуют одно, а получается нечто другое. Они, сами того не зная, ищут Бога, а находят Босха. Ибо ищут честно, не кривя душой. И уже вернувшись к теме революции и Гражданской войны спустя много лет, в «Беге», они вынесут приговор этому времени — да, время трагедий, время-трагедия. Правда, интонация будет уже иной — отстраненно-карнавальной. Павел Корчагин и герои «Ветра» более счастливые, но им страшнее, чем героям «Бега», поскольку те немного напоминают марионеток.

Тема неприкаянности личности в историческом пространстве станет все больше занимать Алова и Наумова. Герои их будут неустанно искать свет и не находить. В итоге они сами начнут превращаться в элементы этого страшного карнавала, понимая это и боясь себе в этом признаться. И, подобно своим героям, осознавая эту невозможность Выхода, эту онтологическую обреченность, Алов и Наумов будут подменять индивидуальный поиск Света неким коллективным поиском. Павел Корчагин один не справился — может, что-то и нашел, да не то, что хотели авторы. Им же не Антихрист нужен, а новая вера. И потому миссию поиска в последующих фильмах на себя будет брать некая коллективная душа: комсомольцы в «Ветре», те, кто уцелел после войны в «Мире входящему», эмигранты в «Беге», бродяги

средневековой Фландрии в «Легенде о Тиле» (Тиль, как известно, — это душа народа, это дух, его нельзя убить, что подчеркнуто в фильме), даже безработные в «Монете». Кажется, потому и сами Алов с Наумовым боялись друг от друга «отцепиться», что поодиночке могли бы пропасть.

И вот интересно! — все герои их фильмов недолюбливают друг друга, а двигаться по дороге друг без друга не могут. Ибо только они и ищут свет — другие живут во тьме. Впрочем, может, героям только так кажется. Но что делать? — мир вокруг них своей несобранностью, несклеенностью, развоплощенностью действительно напоминает мир Босха.

Догадываясь интуитивно об этом, каком-то трагическом несовпадении целого и части, чтобы достичь художественной и смысловой цельности, Алов и Наумов начнут отстранять мир своих фильмов. Первая точка авторского отстранения совпадет с точкой исторического, социального отстранения. Отстранения от Мифов.

В «Скверном анекдоте» Алов и Наумов хотели вообще отстраниться от своих героев, отдать пространство мерзким харям и вволю наиграться гротеском. Однако сделали мощную русофобскую картину, дав понять, что дело не во власти, которая не любит свободу, а в самом народе, которому эта свобода не нужна.

Одержимый благородными идеями генерал в исполнении Е. Евстигнеева стал пародией на всех предыдущих и последующих их героев, ищущих свет в темном царстве. Тут все высмеяно — что было, есть и будет на этой земле, все национальные обычаи, традиции, свойства загадочной души — все! Правда, столь трезвое осознание реальности привело Алова и Наумова к меньшей искренности. Все их последующие фильмы — стилизация поиска Света, в них нет той огненной страсти, а значит, нет и той энергии. Хуже: они обнаруживают в себе ген распада. Уже не мир на экране развоплощается — сам образ фильма. Особенно это проявляется в «Беге» и «Береге». «Бег» тяжело смотреть — он слишком разностилен: то абсолютный, комический гротеск, то полугротеск, то вообще реализм. Отчасти то же и в «Береге» — его реалистическая канва тонет в каких-то снах, иллюзиях и аллюзиях, непонятно чьих и непонятно, для чего нужных. В общем-то ясно, что авторы таким образом что-то пытаются отстранить, создать новый карнавал, но зачем, похоже, не ясно ни им самим, ни героям.

А вот «Легенда о Тиле» при своей карнавальности поражает эстетической цельностью. Просто Алов и Наумов дорвались до своего любимого Босха и спокойно «играют в него». Это не фреска с изображением крестного пути мученика-апостола, а просто картина, написанная с чувством и с удовольствием.

Высокая цель, которая вела их героев, превращала их жизнь в руины.

Алов и Наумов шли вместе с ними, шли до последнего — и за счет стиля, за счет художественного сознания, вырывались на метафизическое пространство. Туда, где исчезают категории времени и начинается вечность. Свет в итоге был найден. Если есть осознание пути, значит, все было не зря.

VoX. Художественный фильм «Бег»⁶

Фильм «Бег» — первая отечественная экранизация по произведениям Михаила Булгакова. В основу сценария была положена не только одноименная пьеса, но также использованы фрагменты из романа «Белая гвардия» и либретто оперы «Черное море» (о М. В. Фрунзе). Литературным консультантом фильма была вдова писателя Е. С. Булгакова. Сюжет картины связан с завершающим этапом гражданской войны, сражением в Крыму на Сиваше, закончившимся поражением белой армии. Тема крестного пути русской интеллигенции, одна из доминирующих в творчестве Булгакова, связавшей свою судьбу с «белой идеей», в «Беге» оборачивалась другой, не менее сильной и острой: вины и ответственности каждого за пролитую кровь. Изобразительно картина снята как мощное эпическое полотно (оператор Леван Пааташвили). В отдельных сценах было занято более пяти тысяч человек. Центральная фигура «Бега» — белый генерал Хлудов (первая роль в кино Владимира Дворжецкого). Палач, вешатель, садист, драматически осознающий то, что происходит с Россией, народом, с ним самим. Судьба Хлудова — трагедия совести, которая не в силах переступить через кровь. Вокруг Хлудова сгруппированы другие герои фильма — петербургский интеллигент Голубков (Алексей Баталов), генерал Чарнота (Михаил Ульянов), столичный чиновник Корзухин (Евгений Евсегнеев) и его жена Серафима (Людмила Савельева). Дороги каждого из них по-своему варьируют мотив картины. Изобразительно и композиционно фильм решен как свободный полет авторской фантазии, не стиснутой сценическими рамками. Постепенно открываются два основных аспекта: событийный, сюжетный — безостановочный бег героев поначалу в Крым, оттуда за рубеж, и снова путь в Россию Голубкова и Серафимы. Второй, глубинный слой — движение, поток истории с ее кошмарными катаклизмами, в которые ввергнуты виноватые и невинные. Люди вышвырнуты из своих домов, они несутся в непреходящем хаосе, беспорядочно перемещаясь, не в силах остановиться. Это движение толпы, вовлекающей в свое чрево человека и овладевающей его судьбой. Недаром один из самых впечатляющих эпизодов «Бега» — тараканы бега, модель страшного существования людей. Для картины вообще характерны подобные узловы́е сцены (например, игра в карты

---

⁶ Цит. по: www.RTR-VLAD.ru. Дата публикации: 01.11.2002.

Корзухина и Чарноты), в которых скрещиваются смысловые линии и эмоциональные кульминации судеб людей и страны. Фильм заканчивался развернутой метафорой — белой снежной дорогой, которая лежит перед вернувшимися в Россию Голубковым и Серафимой. История словно завершила свой очередной круг и начала новый, что созвучно идее Булгакова: жизнь впереди, всегда впереди.

Лындина Э. «Бег» (по мотивам произведений М. Булгакова)⁷

Фильм «Бег» — первая отечественная экранизация по произведениям Михаила Булгакова. В основу сценария была положена не только одноименная пьеса, но также использованы фрагменты из романа «Белая гвардия» и либретто оперы «Черное море». Литературным консультантом фильма была вдова писателя Е. С. Булгакова.

Сюжет картины связан с завершающим этапом гражданской войны, сражением в Крыму на Сиваше, закончившимся поражением белой армии. Тема крестного пути русской интеллигенции, одна из доминирующих в творчестве Булгакова, связавшей свою судьбу с «белой идеей», в «Беге» оборачивалась другой, не менее сильной и острой: вины и ответственности каждого за пролитую кровь.

Изобразительно картина снята как мощное эпическое полотно (оператор Леван Пааташвили). В отдельных сценах было занято более пяти тысяч человек.

Центральная фигура «Бега» — белый генерал Хлудов (первая роль в кино Владимира Дворжецкого). Палач, вешатель, садист, драматически осознающий то, что происходит с Россией, народом, с ним самим. Судьба Хлудова — трагедия совести, которая не в силах переступить через кровь. Вокруг Хлудова сгруппированы другие герои фильма — петербургский интеллигент Голубков (Алексей Баталов), генерал Чарнота (Михаил Ульянов), столичный чиновник Корзухин (Евгений Евсегнеев) и его жена Серафима (Людмила Савельева). Дороги каждого из них по-своему варьируют мотив картины.

Изобразительно и композиционно фильм решен как свободный полет авторской фантазии, не стиснутой сценическими рамками. Постепенно открываются два основных аспекта: событийный, сюжетный — безостановочный бег героев поначалу в Крым, оттуда за рубеж, и снова путь в Россию Голубкова и Серафимы. Второй, глубинный слой — движение, поток истории с ее кошмарными катаклизмами, в которые ввергнуты виноватые и невинные. Люди вышвырнуты из своих домов, они несутся в непреходящем хаосе, беспорядочно перемещаясь, не в силах остановиться. Это движение толпы, вовлекающей в свое чрево человека и овладевающей его судьбой. Недаром один из самых впечатляющих эпизодов «Бега» —

---

⁷ Цит. по: www.bulgakov.ru/b_beg.htm

тараканьи бега, модель страшного существования людей. Для картины вообще характерны подобные узловы́е сцены (например, игра в карты Корзухина и Чарноты), в которых скрещиваются смысловые линии и эмоциональные кульминации судеб людей и страны. Фильм заканчивался развернутой метафорой — белой снежной дорогой, которая лежит перед вернувшимися в Россию Голубковым и Серафимой. История словно завершила свой очередной круг и начала новый, что созвучно идее Булгакова: жизнь впереди, всегда впереди.

Практический аппарат работы с фильмом

Беседа перед первичным просмотром фильма

Перед первичным просмотром фильма стоит порекомендовать учащимся прочитать Евангелие от Иоанна или от Матфея с тем, чтобы глубже понять сущность происходящего на экране, ибо одним из контекстов пьесы «Бег» и фильма является Библия. Кроме того, желательно ознакомить студентов с приложенными к настоящему изданию в качестве дополнительных материалов отрывками из других произведений М. Булгакова, включенными авторами в ткань фильма в качестве интертекста.

Собственно беседа перед фильмом должна иметь своей целью осмысление событий, последовавших за Октябрьской революцией: Гражданская война, эмиграция Первой волны. Людям, никогда не стоявшим перед выбором между Родиной и честью, смертью и существованием немислимо трудно понять состояние героев булгаковских произведений. Перед преподавателем встает задача: обрисовать канву происходившего в 1918 – 1922 годах с помощью видео- и аудиоматериалов, литературных текстов других авторов, переживших эмиграцию. Важно не просто сложить конкретные, объективно существовавшие даты и факты в одну причинно-следственную цепочку и вынести их на суд современности; важно - не загружая умы студентов числами и именами, дать им почувствовать трагедию утраты своего Я каждым отдельно взятым гражданином погибшей России, пережить вместе с персонажами М. Цветаевой конец Лебединого Стана.

Вопросы, предлагаемые ниже, - не более чем опорные пункты для подготовки к просмотру киноленты.

Что вам известно о событиях в России в октябре-декабре 1917 года? Какую политику по отношению к представителям сверженной власти проводили большевики? Знакомы ли вам такие понятия как «красный» и «белый» террор, «раскулачивание», «продразвёрстка»; в чем

они выражались? Каково было отношение крестьянства к большевикам и белогвардейцам? Что скрыто для вас за словами «Гражданская война»? В чем, по вашему мнению, причина поражения Белой гвардии в Гражданской войне? Дайте характеристику известным вам деятелям Белого движения, исходя из их личностных качеств. То же – относительно глав первого государства рабочих и крестьян. Каким было отношение к религии в царской и красной России? Какими мерками измерялось бытие белогвардейца и большевика: каково их отношение к понятиям чести, долга, справедливости, служения народу, верности клятве и т.д.? Расскажите об известных вам судьбах русских эмигрантов Первой волны в Европе, Азии и Америке.

Задания к фильму:

1. Попробуйте пересказать содержание фильма после первичного и повторного просмотра. На чем акцентируется внимание большинства зрителей?
2. В чем различие сюжета литературного первоисточника и кинофильма? С какой целью авторы сценария расширили рамки одной пьесы Булгакова, включив в фильм сцены, основанные на иных произведениях того же автора и его современников?
3. Правомерным ли кажется вам разбивка фильма на серии? С чем она связана - с временным или содержательным факторами? Выделите внутри каждой серии наиболее значимые фрагменты и составьте «план пересказа» фильма.
4. Определите сюжетные линии и тип композиции (кольцевая, линейная и т.д.) фильма.
5. Обратите внимание на музыку в фильме: иллюстрирует ли она события, помогает вычленению сюжетных линий или подчеркивает становление характеров действующих лиц.

Вопросы к фильму:

1. Как вы понимаете название фильма до и после просмотра? Те ли же значения слова «бег» вложили в это понятие М. Булгаков и авторы фильма?
2. Можно ли считать данную ленту экранизацией? Какие произведения М. Булгакова использованы при создании фильма? Назовите фрагменты художественного фильма, снятые по рассказу «Красная корона» и пьесе/роману «Дни Турбиных»/ «Белая гвардия». Какие литературные произведения периода 1920-1940-х гг. на ту же тему вы можете назвать?

3. Как и с какой целью преобразован сценарий фильма по сравнению с пьесой «Бег» (предыстория событий в пьесе и фильме; детализация и включение новых эпизодов)?
4. Обратите внимание на звуко-изобразительные приемы (прежде всего, мизансцены), с помощью которых авторы фильма с самого начала создают у зрителя ощущение надвигающейся опасности (колокольный набат, мечущиеся монахи с факелами, взрывы и летящие на белый снег комья грязи, брошенные в лесу предметы домашнего обихода и т.д.)
5. Как введены в ткань повествования (и выделены из толпы) главные персонажи: Серафима Корзухина, Сергей Павлович Голубков, генерал Григорий Чарнота, Люська, генерал Роман Хлудов, товарищ министра Корзухин?
6. Сюжетные линии и пары героев в фильме: способы их создания (Голубков - Корзухина, Чарнота - Люська, Хлудов - Крапилин), их перетасовка во времени и пространстве (Корзухин - Люська) и стоящие вне пар персонажи («взвесь времени и пространства»).
7. Как представлена в фильме и в романе тема семьи, одна из определяющих картины мира русской национальной личности. Сравните ее с темой семьи в художественном фильме «Служили два товарища» и в пьесе М. Булгакова «Дни Турбиных». В чем сущность произошедших изменений. Дайте, исходя из этого характеристику обществу будущего с позиции коммунистов-революционеров и сравните его с обществом до 1917 года и сегодня.
8. Образы и их прототипы (или отсутствие таковых); историческая основа сцен фильма, снятых на Дону. Реальные фигуры и их персонификация (Врангель, Фрунзе) и вымышленные образы (Хлудов, Баев) как образец максимального обобщения. Почему на первый план выдвигаются вымышленные персонажи, а не реальные герои Гражданской войны? Эпизод с письмом Фрунзе - Врангелю: его историческая правдоподобность.
9. Библейские образы (Хлудов, Крапилин) в фильме. Их «двойники» русской литературе и искусстве XIX - XX вв.: Хлудов - лермонтовско - врубелевский Демон, изгнанный из Рая (России) или Понтий Пилат (в Константинополе на обрыве над морем - в сопровождении пса); Крапилин - Христос XX столетия или булгаковский Мастер.
10. Образ вестового Крапилина (вестника) в традиции Древнего Рима и Древней Греции и у Булгакова - мифологическая или библейская основа данного образа?
11. Видения (сны наяву) Хлудова как «вставные новеллы» в «Беге»: цель и способы их включения в ткань повествования. Как режиссерами и оператором технически «разведены» фрагменты сно-видений и реальности (цвет, освещение, звуко-ряд, оформление пространства)? вспомните, в каких российских фильмах и с какой целью

приводятся сны героев (н.п., А. Тарковский «Иваново детство» и «Солярис», Н. Михалков «Обломов» и т.д.). Как вы понимаете в связи с данными фрагментами фильмов высказывание Сервантеса о равенстве царя и нищего перед сном («Дон – Кихот») и А. Тарковского о сне, как переживании, присущем лишь человеку и отличающем его от иных мыслящих существ; идущем из его прошлого и делающем человека в его изначальной наготе беззащитным и уязвимым перед будущим («Запечатленное время»)? Сно-видение как метод воссоздания действительности или прием психологизации (ср. с мотивом сна у М. Цветаевой в «Лебедином Стане»: сон - смерть, сон - бред, наваждение; сон - жизнь тела после смерти души; особенно там же – «Кто-то, упав на карту, Не спит во сне...»). Бессонница в традиции русской и мировой литературы и у М. Булгакова⁸.

12. Видение 1: роль предшествующей фрагменту цитаты из Евангелия от Матфея (ср. также: «... кто ненавидит брата своего, тот находится во тьме, и во тьме ходит, и не знает, куда едет, потому что тьма ослепила ему глаза...» 1 Иоан. 2, 11) в понимании данного и последующих эпизодов;
13. Видение 2: суд Крапилина над Хлудовым: почему мы воспринимаем сопровождаемые звуковым рядом кадры как немой кинематограф;
14. Видение 3: христианское/ жертвенное начало в образе белогвардейского офицера. Образ палача и другие мотивы Средневековья в фильме. Мотив хождения по водам: почему оказывается возможным, что не только праведник, но и грешник ступают по воде (см. Иоанн VI: 15-21; Матфей XIV: 22-33; Марк VI: 45-52).
15. Черно-белые фрагменты и их функция в фильме: создание разрывов в пространственно-временном континууме или наоборот, его объединение в единое целое - поверх времени и пространства.
16. Представление общества царской России, его бытия и быта в фильме: образ Константинополя как возрожденного Ноева Ковчега или Вавилона. Сцены «тараканьих бегов» как попытка поведенческой характеристики героев и как метафорическое представление человеческой жизни.
17. Символика фильма: мотив карточной игры (Чарнота – Крапчиков в Ставке; Чарнота - Корзухин в Париже). Образ подвижной географической карты (у Буденного на крупе лошади в период наступления на Перекопе, у Хлудова - за спиной в вагоне поезда, ползущего на Запад, в эмиграцию) как символ человеческого бессилия перед лицом

---

⁸ См. статью автора настоящей работы: Мотив сна в «Лебедином стане» Марины Цветаевой. // «Лебединый стан», «Переулочки» и «Перекоп» Марины Цветаевой. Четвертая международная научно-тематическая конференция (9 - 10 октября 1996 года). Сборник докладов. Дом-музей Марины Цветаевой. – М., 1997. – С. 146 - 156.

истории (движение пространства вопреки воле людей). «Наполеоновский комплекс» командующих армиями и плата за него рядовых и гражданского населения.

18. Мотивы обрыва, воды, поезда и корабля в фильме: роль пространства в создании демонического образа Хлудова и страннического («Вечный Жид», «Летучий Голландец») образа Чарноты. Сохраняют ли авторы фильма верность исторической правде при воссоздании географии событий начала 20-х годов: Гнилое море (Сиваш), Карпова балка, Перекоп, Турецкий Вал, Севастополь, Константинополь, Париж? Создается ли у зрителя в процессе просмотра фильма ощущение путешествия по России или образ этой страны откладывается в сознании наподобие разрозненной мозаики, реальной и ирреальной одновременно?
19. Музыка в фильме: ее роль в формировании «подтекста» и презентации пространственно-временного континуума. Какофония (военные марши и мазурка) как способ отражения противоречий эпохи на уровне звукописи. Музыка в видениях Хлудова как двигатель сюжета и прием для поддержания зрителя в состоянии психологического напряжения. Зарождение темы «Вавилонского столпотворения» (Константинополь) на уровне звукоряда. Роль церковной музыки для раскрытия сущности образов Серафимы и Голубкова (агнцев истории).
20. Как вы понимаете финальную сцену фильма? Сравните свои выводы с цитатой из статьи П.И. Новгородцева «Восстановление святынь», опубликованной в 1926 году: «Необходимо понять, что для создания новой России нужны новые духовные силы, нужна вернувшаяся к новому свету душа. Русскому человеку в грядущие годы потребуются героические, подвижнические усилия для того, чтобы жить и действовать в разрушенной и откинутой на несколько веков назад стране. Ему придется жить не только среди величайших материальных опустошений своей Родины, но и среди страшного развала ее культурных, общественных и бытовых основ. Революция оставит за собой глубочайшие разрушения не только во внешних условиях, но и в человеческих душах. Среди этого всеобщего разрушения лишь с великим трудом будут пробиваться всходы новой жизни, не уничтоженные сокрушительным вихрем жестоких испытаний. Глетворное дыхание большевизма всюду оставит следы разложения и распада. И новый дух, закаленный в этой страшной борьбе, с величайшим трудом будет овладевать распавшимися элементами общей жизни». Не кажется ли вам, что конец фильма не поддается однозначному истолкованию, подобно тому как невозможно однозначное прочтение финала поэмы А. Блока «Двенадцать»? Не является ли блоковский образ Христа в кровавом венце, возглавляющего шествие большевиков (или преследуемого, гонимого ими) прототипом

кинематографического Петьки Щеглова, вознесшегося с грязной мостовой на коня красного командира и заплатившего за новую Россию жизнью?

21. Как вы представляете себе судьбы персонажей после того, как «опустится занавес» фильма? «Славные обломки» Империи, «рыцари с котомкой», «Лебединый Стан за морем за синим» (М. Цветаева) - что значат для вас эти метафоры, как они характеризуют конкретный исторический момент 1930-х годов в Европе и в России?

Обратите особое внимание на следующие эпизоды и произведите их анализ и интерпретацию:

1. Начало фильма в традиции представления Гражданской войны и эмиграции в русской литературе XX века: «Мировое началось во мгле кочевье» (М. Цветаева). «пастернаковское» («Доктор Живаго») и «бунинское» («Холодная осень») в сюжете фильма.
2. Сцена отпуска полковником Малышевым кадетов вместо принесения их в жертву войне, как того требовал Штаб: функция эпизода в пьесе и фильме. С какой целью финалу сцены в фильме придан трагикомический оттенок (заказ офицерами собственных похорон), в романе Булгакова отсутствующий?
3. Сцены бесед Хлудова с работниками станции Джанкой, Корзухиной и Крапилиным, Чарнотой и Корзухиным, главнокомандующим и Владыкой: как изменяется речевая характеристика генерала при смене собеседника? Что дают эти полу-монологи для создания целостного образа Хлудова? Как дополняют этот образ и образ Фрунзе поставленные параллельно сцены написания писем: из зала ожидания - главнокомандующему (Хлудов) и с поля будущего боя – вражескому командованию (Фрунзе)?
4. Сцена прощания с погибшим при наступлении на Перекопе Баевым: как авторам фильма удалось передать в коротком (около 20 сек.) фрагменте столь обширный смысловой и эмоциональный подтекст? Почему зритель воспринимает Баева как неординарную личность и в то же время - как винтик в маховике огромной бездушной машины?
5. Сцена наступления красных и отступления белогвардейцев на Перекопе и роль музыкального сопровождения визуального ряда: музыка как действенный элемент борьбы; мелодия как знак победы или поражения. Отражение двоемирия и разновременья (красные и белые, настоящее и прошлое) в музыке.

6. С какой целью Алов и Наумов вводят в фильм эпизодический образ женщины с козой во время сражения на Перекопе т.о., что зритель наблюдает не сам бой, а как бы его «отражение» на бледном лице крестьянки, данном крупным планом?
7. Сцена крестного хода в начале фильма (Чарнота) и сцены бесед Хлудова с Владыкой на перроне и есаулом Голованом в вагоне поезда: как решается вопрос о вере и религии в фильме?
8. Проблема выбора пути: встречи на зимнем полустанке по дороге на Севастополь как способ проверки главных героев. Вопрос о возможности выбора человеком жизненного пути или его предначертанности свыше (эпизод над обрывом в Константинополе - Хлудов, Голубков, Чарнота). Контрразведчик Тихий – как «лакмусовая бумажка истории» (Константинополь).
9. Сно-видения Хлудова как «вставные новеллы» в фильме: Библейские тексты как сюжетная основа сно-видений; композиционное построение сцен-видений и их соотношение со структурой и семантикой основного действия; способы создания пространства сно-видений, противопоставленного реальному жизненному пространству героев фильма. Существует ли реальное, объективно воспринимаемое героями и переданное камерой, пространство в киноленте вообще?
10. Отступление белогвардейцев из Севастополя: эпизод с расстрелом коня с палубы плывущего в Константинополь теплохода «Витязь». Как представлен тот же сюжет в финале фильма «Служили два товарища» и в поэтическом тексте И. Елагина («Уходили мы из Крыма...»)? Докажите на основании просмотренных материалов, что расстрел коня - акт глубочайшей трагедии, постижение Белой Гвардией собственного конца.
11. Сцена отбытия корабля из Константинополя в Советскую Россию, диалог Серафимы и Голубкова на палубе: художественное воплощение и историческая основа трагедии реэмиграции. Особенности ведения камеры в финальной сцене фильма: встреча вернувшихся в заснеженную Россию героев с Петькой Щегловым и их совместный путь - через леса и поля - в небо. Можно ли говорить об открытом финале фильма? Как раскрывается здесь мотив странничества/ бездомности, введенный монологом Чарноты: «Когда вас поведут в Рай, я буду сидеть там у ворот и передо мной будет лежать шляпа. Я буду сидеть там тысячу лет и просить. И никто не подаст, никто! Даже самый добрый из нас - Бог. При желании можно выклянчить все: деньги, славу, власть. Но только не Родину, господ! Особенно такую, как моя. Россия не вмещается в шляпу!»

Страноведческий комментарий

Словарик к фильму

Святой равноапостольный княже Владимире, моли Бога о нас... – рефрен, припевка во время службы святому Владимиру Первозванному в день его церковного поминовения.

Киево-Печерская Лавра – согласно церковному преданию, святой апостол Андрей Первозванный благословил берег Днепра со словами: «Видите ли горы сия? Яко на сих горах воссияет благодать Божия...». А в 1051 году в Киеве была возведена Киево-Печерская Лавра, первым игуменом которой стал преподобный Варлаам. Монахи Лавры прославились своей нравственностью и подвижничеством. Обитель пережила монголо-татарское нашествие, не прекращая богослужений и безотказно давая приют странникам и больным. После Октябрьской контрреволюции «бывшая Киево-Печерская Лавра» была признана историко-культурным заповедником и превращена во Всеукраинский музейный городок. Часть братии была расстреляна в окрестностях Киева, часть – распределена по ГУЛАГу. Только с 1990 года монастырь снова обрел свой прежний статус.

Северная Таврия – южная часть Европейской территории России, ограниченная с запада низовьем Днепра, а с юга отделенная от Крымского полуострова Перекопским перешейком. В период Гражданской войны (конец октября – начало ноября 1920) в этом районе шли ожесточенные бои Южного фронта (М.В. Фрунзе) с армией Юга России (П.И. Врангель). План М. Фрунзе по окружению и истреблению Белой гвардии провалился: врангелевцы с большими потерями прошли через Чонгар и Гениченск в Крым и создали линию обороны на Перекопе и у Чонгара, а также по южному берегу Сиваша. После неудачи в Северной Таврии Красная армия занялась подготовкой Перекопско-Чонгарской операции (1920), фрагменты проведения которой показаны в фильме.

Тихий – производное от слова «тишина», спокойный подлец, полностью оправдывающий русскую поговорку: «В тихом омуте черти водятся» и действующий (как свойственно его профессии) втихую.

Голубков – производное от слова «голубь». В России традиционно – посланник Бога, добрый вестник; употребляется по отношению к душевно чистым и верным людям.

Крапильин – производное от слова «кропить». При крещении и во время церковной службы священник кропит паству, т.е. обрызгивает ее святой водой. Кропление – акт очищения и знак причастия высшим тайнам.

Крапчиков – производное от слова «крап», картежная масть.

Серафима – имя собственное, вариант мужского имени «Серафим», что в переводе с древнееврейского означает «огненный ангел». Святая мученица Серафима, по преданию – уроженка Антиохии, жила в Риме в царствование императора Адриана (117 – 138) в услужении у знатной римлянки Савины, которую и обратила в христианство. В начале гонений на христиан правитель Берилл повелел привести к себе Серафиму. Савина последовала за своей наставницей, однако не сумела отговорить Берилла от расправы. Поскольку Серафима отказалась почитать языческих богов, правитель передал ее на поругание двум мужам. Мученица обратилась за защитой к Господу и обрела ее – юноши упали, едва подойдя к ней. Впоследствии они донесли Бериллу, что ангел прикрыл собой мученицу, запретив им касаться даже ее одежд. При повторном вызове правитель приказал избить Серафиму палками и был наказан слепотой. В жажде мщения он распорядился отрубить ей голову, что и свершилось. В поэзии – «шестикрылый Серафим», архангел, исполнитель воли Всевышнего на Земле, дарует поэту силу и знание Пророка, несущего в мир слово Божие.

Корзухин - производное от слова «корзина». Человек, проявляющий заботу лишь о личной собственности, а не о сохранении душевной чистоты и соблюдении норм морали.

будёновец (*пишется также - будённовец*) – производное от имени собственного «Будённый». Рядовой или офицерский чин, приписанный к полку С.М. Будённого, одного из популярнейших генералов каваллерии в период Гражданской войны, в 1940 году - заместитель наркома обороны.

товарищ министра торговли – в XIX – начале XX века заместитель министра, заведующий важными структурными частями министерства и выполнявший ответственные (нередко секретные) поручения министра и Императора. Реальным товарищем министра торговли перед революцией и до начала 1920-х годов являлся Лев Борисович Кафенгауз (1885 - 1940). После октябрьских событий 1917 года выступал против большевистского засилия и предлагал (вместе с Я.М. Букшпаном) программу возрождения России после падения красного ига. Неоднократно публиковал обличительные материалы против правительства Ленина. Например, 14 июня 1918 года в статье «Продовольственная справедливость» Кафенгауз писал: «Большевики хотели в нищей стране установить социализм, но сила вещей заставила их дать населению вместо социализма новую форму классового господства и классовой эксплуатации... Они заканчивают сегодня монополиями как средством сознательно обречь на голод одну неблагонадежную часть населения для того, чтобы пропитать другую – правящую».

попона – одеяло, покрывающее лошадь. Попона застегивается на груди лошади, имеет вырез спереди, а к крупу расширяется, свисая сзади свободно.

белены объелись – то же, что *взбеленились*, *сошли с ума*. Белена (*hyoscyamus niger*) – ядовитое растение, прием коего в пищу даже в ограниченных количествах вызывает дурноту, головокружение, спазмы; вплоть до смертельного исхода.

обоз – составная часть тыла вооруженных сил; винские учреждения, занимающиеся доставкой питания, вооружения, медицинским и техническим обслуживанием, поисками квартиры для командного состава и т.д.

тиф – легко передающееся от человека к человеку заболевание, основными признаками которого являются бредовые состояния (вызванные высокой температурой) и непрекращающийся озноб.

подвязывать языки колоколам – прекращать службы, практически – закрыть монастырь. Намек на судьбу Киево-Печерской Лавры в годы большевистского террора.

начдив – начальник дивизии.

комбриг – командир бригады.

Турецкий Вал – на Перекопском перешейке, соединяющем Крымский полуостров с материком и разделяющем Каркинитский залив Черного моря и Сиваш, в XV – XVI веках турками были возведены земляные укрепления, названные Турецким валом. Русские впервые ступили на территорию Турецкого вала в 1736 году.

Сиваш – более известен в народе как *Гнилое море* из-за своей стоячей воды, имеющей неприятный, болотный запах. Это залив Азовского моря между Арабатской косой и берегом Таврического полуострова.

есаул – татарское слово, обозначающее «старший помощник». Объединяет в одном лице обязанности войскового дежурного и адъютанта. Чин есаула был введен в малороссийских казачьих войсках Стефаном Баторием и впоследствии приравнен к чину капитана.

вестовой – низший чин, чаще – солдат, исполнявший служебные (и личные) поручения офицера. Использовали вестового для ухода за одеждой, за конем, доставки почты и т.д. В народе *вестовой* – подающий весть, условный знак, сигнальный; *вестничать* – упреждать, соглядать, наблюдать (см. Толковый словарь живого великорусского языка под ред. В. Даля).

Владыко – форма устного обращения, заменяющая принятый в письменной речи оборот «Ваше Высокопреосвященство» по отношению к епископу («Eminenz»).

Георгий Победоносец – в христианстве – святой, казненный в Никомедии (Измит, Турция) во время гонений на христиан при Диоклетиане. Изначально покровительствовал земледелию, впоследствии – правому воинству (в Европе - рыцарству). Изображен на гербе царской России.

юнкер – из германского языка, унтер-офицер из дворян, прошедший выучку в специальном воинском учебном заведении, *юнкерской школе*.

Это было у моря, где ажурная пена ... – цитата из поэмы-миньонета Игоря Северянина (1910). Звучащий в фильме романс написан А. Вертинским.

Ставка Верховного Главнокомандующего – орган высшего полевого управления войсками, место пребывания Верховного Главнокомандующего вооруженными силами России во время Первой мировой и Гражданской войн. Именно Ставка первой в 1917 году призвала служащих царской армии оказывать сопротивление советской власти, а в ноябре генерал Н.Н. Духонин (Верховный Главнокомандующий) при поддержке сил Антанты открыто восстал против правительства большевиков, отказавшись выполнять любые исходящие от них приказания. По его же приказу из заключения были выпущены генерал Л.Г. Корнилов со сторонниками, немедленно отправившиеся на Дон для формирования вооруженных сил Юга России. Лишь 20 ноября Ставка в Могилёве перешла в руки большевиков и верховным главнокомандующим стал Н.В. Крыленко, номинально назначенный на эту должность уже в начале месяца.

фармазон – вольнодумец, либерал; то же, что *вольтерьянец* (см. пьесу А. Грибоедова «Горе от ума»).

Янычар – регулярная турецкая пехота, сложившаяся в конце XIV века и комплектовавшаяся из юношей-рабов или принудительно призванных в войско мальчиков-христиан. По обращении в ислам, они считались также собственностью султана, не могли жениться и имели право проживать только в казармах.

газыри – нашитые на черкеску (верхнюю мужскую одежду, традиционно носимую на Кавказе) по обеим сторонам на уровне груди кожаные гнезда для деревянных трубочек, куда вкладывались ружейные патроны (до 8 штук с каждой стороны). Упомянутые в пьесе и фильме газыри – серебряные трубочки для патронов, использовавшиеся лишь на парадной форме каваллеристов.

Царское Село – расположено в предместье Санкт-Петербурга. Долгое время служило резиденцией Императоров Всероссийских. Дворцовое строительство в Царском Селе расцвело при Елизавете Федоровне (архитектор Растрелли). К Царскому Селу были проведены первые телеграфные линии и железная дорога (т.н. Николаевская ж/д). Известность местечко получило благодаря находящемуся здесь лицу, выпускниками коего были А. Пушкин и его друзья, Н. Гумилев и т.д.

выпить (Константинопольскую) чашу – производное от библейского высказывания: „испить чашу горечи“. Мессия должен был во искупление людских грехов испить полную чашу человеческих страданий.

Вечный Жид, Летучий Голландец – Агасфер; ремесленник, осужденный Богом на вечные скитания за то, что он отказал Христу в отдыхе в тени своего дома, когда Сын Божий нес крест на Голгофу. По другой легенде – Агасфер не пожелал помочь Иисусу нести крест. Диалог их передается во всех вариантах сказания одинаково: «Иди, что ты медлишь?» - «Я пойду, но и ты пойдёшь и будешь меня ждать». Т.о. сюжет – ни что иное, как повествование о мести Бога человеку, выразившейся в проклятии последнего на вечное скитание. Ср. легенду о Каине (тоже вечном скитальце, не нашедшем покоя ни на Земле, ни на небе; зависшем меж ними на осине), о кузнеце (выковавшем гвозди для Христа и с тех пор обреченном вечно ковать их), о Понтии Пилате (согласно одному варианту легенды покончившем с собой, но не принятом ни Раем, ни Бездной; по версии М.А. Булгакова в романе «Мастер и Маргарита» – ожидающем на пороге меж бытия и небытия решения свыше) и о Летучем Голландце. Сказание о Вечном Жиде явно сложилось в период зарождения христианства из его сведения с языческими верованиями. Еврейское происхождение Агасфер приобрел в устах народа, скорее всего, на основе реального скитальничества евреев по миру. Образ Вечного Жида чаще всего встречается в немецкой литературе (Й.В. Гёте, Р. Хамерлинг, Г. Х. Андерсен, Н. Ленау) как материализация бесконечного поиска смерти, неудовлетворенности бытием.

Исторический комментарий⁹

История за кадром

12 августа - договор между ФРГ и СССР о нормализации отношений.

1973, март - при государственном визите в Тегеран Брежнев пытается договориться с Ираном об участии последнего в системе коллективной безопасности.

июль – принят основной закон о народном образовании: обязательная десятилетка и процесс повышения квалификации

октябрь - война между Израилем и Египтом придает напряженность отношениям СССР - США. Высылка советских советников из Египта (18 июля 1972) становится тяжелым ударом по советской внешней политике. В апреле 1972 СССР заключает договор о дружбе с Ираком, за которым следует соглашение о сотрудничестве с Сирией (июль 1972).

1974, 15 октября - ратификация торгового соглашения 1972 года с СССР Конгрессом США только при условии разрешения выезда евреев из страны. Брежнев предупреждает США о

---

⁹ Написан при использовании: Hellmann M., Plaggenberg S. (Hrsg.) Handbuch der Geschichte Russlands. – Stuttgart: Hiesemann, 2000.

нежелательности установления связи между внешнеторговыми отношениями и внутренней политикой СССР.

1975 - спад числа эмигрировавших евреев: 1973 - 35 000, 3 января - 14 февраля 1975 - 1250 человек. Эмиграция евреев в Израиль разрешена с 1970 г. (1970-71 - выехало 1.000 человек, 1979 - 43.000, среди коих - многие деятели литературы и искусства, вынужденные бежать из СССР: В. Максимов, Г. Владимов, В. Некрасов, В. Войнович, А. Синявский, В. Аксенов; режиссеры - М. Калик, Б. Фрумин; актер - С. Крамаров). В числе эмигрантов - А. Тарковский, А. Михалков-Кончаловский: первый остался после съемок «Ностальгии» в Италии, второй - женился на французской гражданке. Параджанов сидел в тюрьме; К. Муратова была в Одессе практически лишена возможности работать.

1 августа - подписание закона о правах человека, после чего происходит активизация движения диссидентов; при этом наряду с программно-теоретическими заявлениями высказывается конкретное требование по освобождению политзаключенных.

1976, 24 февраля - 3 марта - 25 съезд КПСС: критика политики Коммунистической партии Китая как направленной «против большинства социалистических государств». Дискуссия о роли партии «при условии развитого социализма».

8 мая - президиум Верховного совета провозглашает Л. Брежнева маршалом СССР.

13 мая - 9 диссидентов основывают в Москве группу, долженствующую наблюдать за соблюдением прав человека в СССР. 15 мая их предупреждают о незаконности их деятельности.

1977, 16 июня - Л.И. Брежнев занимает пост Председателя президиума Верховного совета.

7 октября - принятие новой Конституции.

1978, апрель - создание новых Конституций союзных республик и автономных республик.

22 августа - крымские татары обращаются к ЦК КПСС с просьбой разрешить им вернуться на историческую родину.

1979, февраль - японское правительство требует от СССР освободить Южн. Курилы и сдать военные посты на них.

15-18 июня - подписание договора о разоружении (ядерное оружие) на встрече в верхах в Вене между Брежневым и президентом США Дж. Картером.

27 декабря - ввод советских войск в Афганистан. Поддержку враждебным правительству маджахедам оказывает правительство США.

1980, 22 января - критик режима А.Д. Сахаров выселен из Москвы.

с января - США и другие государства выражают несогласие с вводом советских войск в Афганистан (н.п. бойкот Московской Олимпиады).

23 октября - Председатель Совета министров Косыгин, противник ввода войск в Афганистан, уходит со своего поста по состоянию здоровья (умер 18 декабря 1980)

1981 - советское руководство оказывается не подготовленным к развитию ситуации в Польше и пытается, наладив контакты с верхушкой польского правительства, остановить рост кризиса.

1982 - спад производства, беспорядки и неорганизованность в сфере промышленности и с/х, коррупция с верхов до рядовых граждан; национальные конфликты (Кавказ, Прибалтика). Вопрос о «престолонаследии»: после смерти секретаря ЦК КПСС, ответственного за идеологию и внешнюю политику, М. Суслова (25 января 1982), - его сменяет шеф КГБ Ю. Андропов (1914 -84), а не фаворит Брежнева - К. Черненко.

Лето - усилившееся преследование диссидентов приводит к распаду т.н. «Хельсинской группы», занимавшейся защитой прав личности.

1983 - после смерти Брежнева (10 ноября) Генсеком ЦК КПСС становится Андропов (12 ноября). Столь же скоро он занимает посты Председателя Совета обороны и главы государства

16 июня - Андропов развернул анти-коррупционную кампанию, пытаясь также прекратить конфронтацию с США.

31 августа - 1 сентября - расстрел советскими военными летчиками южно-корейского пассажирского самолета, сбившегося с курса, приводит к гибели 269 пассажиров.

1984 , 13 февраля - после продолжительной болезни умирает Андропов (9 февраля). Его сменяет К. Черненко (1911 - 1985), бюрократ из круга Брежнева, уничтожающий все реформационные преобразования Андропова.

8 мая - советский Национальный Олимпийский комитет извещает общественность об отказе СССР принять участие в летних Олимпийских играх в Лос-Анжелесе.

21-22 сентября - впервые за 15 лет происходит встреча министров иностранных дел СССР и Китая для обсуждения двусторонних отношений.

март - по всей стране проходит чистка партийного аппарата против «коррупции и неквалифицированности».

10 марта - смерть К. Черненко после долгой болезни.

Период 1968-85 годов традиционно в критике обозначается как «время реально существовавшего социализма». Л. Брежнев становится воплощением неограниченной власти - не только во внутренней, но и во внешней политике (рост гонки вооружений сопровождался упадком промышленности). Новая линия проведения международной политики была направлена на разрядку напряженности.

Нехватка товаров приводит к образованию теневой экономики, н.п. «подпольных фабрик» на периферии, которые пользуясь дефицитом на отдельные товары, изготавливали косметику и одежду с лейблами известных иностранных фирм. Криминал и коррупция на производстве преследовались - прошла серия процессов в суде, давших материал для первых советских триллеров на производственную тему (в традиции итальянских анти-мафиозных ХФ).

Официальная пропаганда ругала существующую систему и призывала (по образцу культа личности Сталина или апологетики Хрущева) создать новый культ - генерального секретаря Брежнева. Последний же в свою очередь начал процесс по частичной реабилитации Сталина (см. 5 серий киноэпоса «Освобождение», 1969-71 Ю. Озерова). Брежнев снова объединил в одних руках власть государственную, военную и партийную; выдал себе больше орденов, чем было у полководцев ВОВ. В 1979 г. он стал лауреатом высшей литературной премии СССР за «Поднятую целину».

Идеология направлена на мобилизацию молодежи на стройку века - Байкало-Амурской магистрали (проекта почти провалившегося). Власть высмеивалась бюргерами, которые тем не менее продолжали ей подчиняться (впитав пристрастие к сильной руке с молоком матери). Приказы поступали посредством телевидения, радио, прессы, а также с трибун во время публичных мероприятий - собраний, демонстраций, политинформаций. Система пыталась усреднить ориентацию масс, мотивацию, ценности и цели всех слоев общества. Работу в этом направлении проводили и деятели культуры. Все выходящее за грань среднего определялось как буржуазное влияние.

Заметнее становится процесс поляризации кинематографа - развлекательный/ массовый и интеллектуальный/ авторский, художественный/ ради поиска новых форм и средств выражения и по заказу государства (75-80 млн. зрителей комедий Гайдая и 3 млн. фильма Тарковского). В 1976 г. эксперимент без объяснения причин закрыли.

Е. Матвеев, Л. Кулиджанов и С. Бондарчук обретаются в СССР в почете; Тарковского признают только за рубежом (Каннский фестиваль 1972 г., избраны его фильмы для показа, но Госкино настояло на собственных кандидатурах. На Мсковском кинофестивале просмотр напоминал политическую демонстрацию: жюри учитывалось не качество ленты, а страна-изготовитель, первые премии получали только фильмы стран соцлагеря и развивающихся стран).

История в кадре

Произведение М.А. Булгакова, равно как и фильм можно назвать «плачем по России», не белой или красной - а единой. А в трагедии нет и не может быть отвлеченных временных и

пространственных категорий, даже если действие разворачивается во «сне». Зритель и читатель должны суметь войти в ткань происходящего и стать не только сочувствующими, но и соучаствующими лицами. Пьеса «Бег», как видно из записи, сделанной автором в дневнике¹⁰ - очередная в бесконечном ряду попыток «не забыть», а стало быть не уйти в забвение.

Охват исторических событий (см. указания места и времени действия, данные М. Булгаковым в пьесе «Бег») - Северная Таврия и Крым, осени 1920 до Константинополя и Парижа, 1921, т.е. конец гражданской войны, отступление Белой Гвардии и эмиграция. «Помню, что на одной из карт были изображены все военные передвижения красных и белых войск и показаны, как это и полагается на военных картах, мельчайшие населенные пункты. Карту мы раскладывали, и сверяя ее с текстом книги (Я. Слэцов. Крым в 1920 году. Отрывки из воспоминаний. - М.-Л.: ГИЗ, 1923), прочерчивали путь наступления красных и отступления белых. Поэтому в пьесе так много подлинных названий, связанных с историческими боями и передвижением войск: Перекоп, Сиваш, Чонгар, Курчулан, Алманайка, Бабий Гай, Арабатская стрелка, Таганаш, Юшунь, Керман-Кемальчи» (Белозерская - Булгакова, 1990: 125).

«Сон первый» - в монастыре в Северной Таврии в октябре 1920 года. Скорее всего, это упоминаемый неоднократно в воспоминаниях Слэцова Корсунский монастырь на левом берегу Днепра. Далее - описание ситуации в Крыму Чарнотой: «Сели в Курчулане в карты играть с Крапчиковым... Слышу пулеметы. Буденный свалился с небес!...» - почти абсолютное повторение беседы Слэцова с Врангелем в Джанкое (генерал прежде неоднократно предупреждал главнокомандующего об опасности положения и необходимости перевода войск в Крым с правого берега Днепра): «Вы знаете, Буденный здесь (пальцем Врангель ткнул в Алексеевку).. - Откуда он, с неба или с Каховки? - Шутки не уместны, конечно с Каховки». Затем разрозненные остатки белых частей (Чарнота в фильме) через Чонгар и Арабатский перешеек просачиваются в Крым, под защиту батарей Турецкого вала и Гнилого моря.

---

¹⁰ *Бессмертье - тихий, светлый брег...*

Наш путь - к нему стремленье.

Покойся, кто свой кончил бег,

Вы, странники терпенье...

В.А. Жуковский «Певец во стане русских воинов» (цитата приведена в дневнике Булгакова и датирована 23 (ночь на 24-е) декабря 1924 года, - среди описания военных событий января 20-го года и в преддверии слов – «чтобы не забыть и чтобы потомство не забыло»). М.А. Булгаков видит себя хранителем бесценных исторических фактов - сведений о гибели конкретных людей, никому не известных, но со страниц его романов и пьес шагающих в вечность; расценивает свою роль в происходящем на российской сцене - как «певца в стане русских (не белых или красных, а - обобщенно-необезличенных) воинов». К исполнению подобного же долга перед Россией стремилась в своем творчестве и его современница - М.И. Цветаева. Их родство еще и в поднятии философских аспектов в социально-политических темах: эмиграция как Исход, жизнь на Родине и для Родины - Бытие. И страшно для обоих - не умереть, а превратиться в беспмятных и неверующих, уподобиться толпе, оставить Дом ради коммунальной квартиры, поменять идею Бега (с возвращением на круги своя) на тараканы бега наперегонки со смертью и нищетой.

В подтексте «первого сна» - т.о. конкретная военная операция. «В начале октября, воспользовавшись нападением поляков, Врангель переходит на правый берег Днепра. Фрунзе вынужден бросить на заслон значительные силы. После заключения мира с Польшей сюда же перебрасывается Первая конная армия Буденного, перед которой поставлена задача стремительным маршем выйти на Асканию-Нова и отрезать белых от крымских перешейков. Т.о. планировалось окружить и уничтожить в Северной Таврии основные силы Врангеля. К концу октября задача была выполнена: белые попали в мешок. Вот тут и сложилась ситуация, образно изложенная Булгаковым: у Буденного не хватало сил, чтобы плотно закупорить горловину крымской «бутылки». И фронт превратился в слоеный пирог, где красные и белые поочередно играли роль кошек и мышек...

Цепь событий, повлекших за собой падение Крыма, началась с внезапного захвата красными частями Литовского полуострова. В пьесе этот момент отмечен ремаркой автора о необычных холодах, что соответствовало исторической действительности: температура осенью 1920 года упала до 10-12 градусов ниже нуля. Слащов предвидел возможность перехода красных по дну Сиваша и, пробуя крепость ледяного покрова, велел ежедневно перевозить по мерзлому дну тяжело груженные телеги, вес коих соответствовал весу орудия, - но его подняли на смех и укрепления Литовского полуострова, выдававшиеся в Сиваш, остались недостроенными. В ночь с 7 на 8 ноября красные войска вступили на дно Сиваша, по которому им предстояло во главе с местным проводником пройти 10 километров. ... Утро застало красноармейцев на крымском берегу. Командование белых, осознав возможность удара с тыла, бросает на Литовский полуостров резервы - дроздовцев, потом конный корпус генерала Барбовича. Тяжелая артиллерия Юшуньских укреплений поворачивается в сторону Сиваша. Но изменить ситуацию уже невозможно. 9 ноября пал Перекоп, в неприступности коего был уверен лично инспектировавший его Врангель. Вслед за ним сдался Чонгар, последний бронепоезд белогвардейцев переполз по которому в Крым 2 ноября - тотчас прогремели взрывы, и фермы Сивашского ж/д моста упали в воду. На глазах красных сгорел Чонгарский деревянный мост. Пять суток саперы и пехотинцы красных возводили переправы, и после ожесточенного ночного штурма 11 ноября хлынули в Крым. «Чонгар... Чонгар...» - повторяет Хлудов. Оборону не спасли ни укрепления, ни личное мужество офицеров, которые под музыку ходили в атаку на Чонгарскую гать. Далее драма развернется на Алманайке, Бабьем Гае, Перекопском перешейке и - последний акт - на Карповой балке». (Виленский и др., 1995: 99 - 109).

В конце концов, Врангель признает свое поражение и сдает город. В экранизации булгаковского «Бега» Фрунзе пишет письмо Врангелю, в котором убеждает последнего

сложить оружие, с тем, чтобы предотвратить бессмысленное кровопролитие с обеих сторон. Насколько историчен данный факт - нам не известно. На самом же деле М.В. Фрунзе блестяще использовал ошибки Врангеля при обороне перекопских перешейков¹¹. Только 11 ноября 1920 года Фрунзе, стремясь избежать дальнейшего кровопролития, обратился по радио к Врангелю с предложением прекратить сопротивление и обещанием амнистии сложившим оружие. Врангель на предложение не ответил¹². В битве за Киев силы белых и красных были приблизительно равными, т.е. не существовало значительного перевеса в ту или другую сторону, и поэтому попытки революционно настроенных командармов представить ситуацию как изначально безнадежную и выигранную лишь благодаря жертвам и великолепной тактике - не справедливы. И именно это нарушение исторической правомерности пресекает Булгаков в своей интерпретации происходившего при Перекопско-Чонгарской операции. Заслуга авторов фильма в том, что они придерживаются исторически достоверных фактов, хотя - съемка «Днепровских» эпизодов была произведена на Дону.

Одно из главных действующих лиц пьесы - генерал Роман Валерианович Хлудов - имеет свой прототип в истории Гражданской войны: генерала Белой армии Якова Александровича Слащова¹³, командира 2-го корпуса армии Врангеля. Однако, последний снял генерала с занимаемого поста до начала Киевской операции в августе 1920 года, т.е. Слащов не мог находиться на подступах к городу в момент отступления Белой армии на Севастопольском направлении. И все же большинство критиков сходятся во мнении, что именно он послужил Булгакову «зеркалом для героя» Хлудова. Этот вывод делается ими на основании сопоставления военных дорог обоих генералов, реального и вымышленного: бывший офицер Генерального штаба, командир роты, батальона и полка в период первой мировой, тридцатипятилетний генерал-майор Слащов с 1919 года являлся командиром 3-го армейского корпуса Вооруженных сил Юга России, действующего против Петлюры и Махно, а затем встал во главе обороны Крыма. Характерен его приказ от 31 декабря: «На фронте льется кровь борцов за Русь Святую, а в тылу происходит вакханалия. Между тем, забывшие свою честь, видимо, забыли и то, что наступил серьезный момент и накатился девятый вал. Борьба идет на

---

¹¹ Ср. в этой связи статью М.В. Фрунзе «Памяти Перекопа и Чонгара» (1921), в которой красный командир высоко отзывается об организации белой армии и роли Врангеля как ее главнокомандующего.

¹² История гражданской войны в СССР. Т.5. – М.: Политиздат, 1960. – С. 209.

¹³ При работе над «Бегом» М.А. Булгаков мог апеллировать лишь к одной изданной в СССР книге Я.А. Слащова «Крым в 1920 г. Отрывки воспоминаний», тогда как нам намного интереснее кажется опубликованная в Константинополе и переизданная вместе с первой в России в 1991 году – «Требую суда общества и гласности (Оборона и сдача Крыма)». См. также главу «Кладбище мечты» в книге А. Ветлугина «Герои и воображаемые портреты». - Берлин, 1922, - где о Слащове: «Снова летит жуткий поезд, приводя в оцепенение начальников станций, вызывая воспоминания о прошлом и страх перед будущим. А Слащов, сидя над картой и чертя схемы, твердит в сомнамбулическом забытии: „кокаин, водка, нитроглицерин, черт, дьявол, только не спать, только не спать».

жизнь и на смерть России. Согласно приказа, я обязан удержать Крым и для этого облачен соответствующей властью... Я это выполню во что бы то ни стало и не только попрошу, а заставлю всех помочь. Мешающим же этому говорю заранее: бессознательность и преступный эгоизм к добру не приведут. Пока берегитесь, а не послушаетесь - не упрекайте за преждевременную смерть». Небезынтересно сравнить слог данного документа, приводимого А.Г. Кавтарадзе (Виленский и др., 1995: 116), сравнить с речью Хлудова на полустанке: и по стилю и по содержанию они невообразимо близки. Важно и то, что именно Слащов в январе - марте 1920 года сорвал несколько попыток Красной армии прорваться в Крым. Но был лишен Врангелем высокого поста в связи с обвинением в убийстве любимца главнокомандующего полковника Протопопова: «Генерал Слащов из-за склонности к алкоголю и наркотикам стал полностью невменяем и представлял собой ужасное зрелище» (Виленский и др., 1995: 116). По окончании Гражданской войны Слащов бежал в Константинополь, где был судим врангелевцами за «разрушение ореола белой идеи» и «пособничество большевикам» (поведение Слащова в захваченных районах восстанавливало против него население и приводило к стихийному образованию красных и зеленых отрядов), - и разжалован в рядовые (приговор был утвержден Врангелем немедленно). С этой т.з. оправдывается накинутая на плечи Хлудова в фильме солдатская шинель - знак прошлого суда и грядущей расплаты. Интересно данное Врангелем описание поезда опального командующего: «В вагоне царил невероятный беспорядок. Стол, уставленный бутылками и закусками, на диванах - разбросанная одежда, карты, оружие. Среди этого беспорядка - Слащов, в фантастическом белом ментике, расшитом желтыми шнурами и отороченном мехом, окруженный всевозможными птицами... Я настоял на том, чтобы генерал дал осмотреть себя врачам. Последние определили сильнейшую форму неврастения, требующую самого серьезного лечения». Эмиграцию свою и болезнь Слащов объяснял тем, что он окружен «социалистическими заговорщиками, проникшими даже в штаб 2-го армейского корпуса». Это же стало (по словам генерала) причиной жестоких расправ. Задействован был принцип правления римского императора Калигулы (12 - 41): „Пусть ненавидят, лишь бы боялись“, которому кинематографический герой отчасти противоречит: «Никто нас не любит, никто... Бог уже давно и явно от нас отступился».

Годы спустя под давлением вины он (с женой и ребенком) вернулся в Россию, где был примерно помилован и назначен преподавателем Высшей тактической стрелковой школы РККА. Обучал он блестяще. Но жизнь Слащова в новой России оказалась недолгой: 11 января 1929 года к нему на квартиру пришел неизвестный молодой человек и застрелил генерала. Убийцей оказался некий Коленберг, якобы «отомстивший за брата, казненного Слащовым в

Николаеве» (Виленский и др., 1995: 122). Но, как и рассчитывали большевики, реэмиграция остальных врангелевцев и гражданского населения была подтолкнута «счастливым» возвращением Слащова: на восток потянулись бывшие беженцы, чтобы найти в СССР «ситцевую рубашку, подвал, снег». Хлудов же остается в Крыму, где кончает жизнь самоубийством.

Генерал был скрупулезным, безжалостным, нервным человеком; вспышки гнева доходили у него порой до безумия. И в то же время - блестящий военный, сделавший свою карьеру в необычайно короткий срок; - умнейший, способный к размышлению о происходящем и делающий верные выводы из разрозненных и лживых предпосылок. По мнению Булгакова, в этом всепонимании и желании осознать собственные ошибки - и есть путь Хлудова-Слащова к спасению и началу нового бытия.

Прототипом высокопреосвященного Африкана, архиепископа Симферопольского и Карасу-Базарского явился Вениамин, бывший епископом в Крыму в 1920 году - лицо от истинной веры необычайно далекое.

Авторы великолепной работы «Булгаков и Крым» пишут: «В отрывках из воспоминаний Слащова есть глава о крымской контрразведке в период умирания белой армии. В качестве контрразведчика при его корпусе находился чиновник Шаров с целым штатом служащих. Его, а также других деятелей ... Слащов называет «темными личностями». «Умиравший строй всегда пользуется такими гадинами», - пишет он. Шаров занимался шантажом, вымогательством и оказывается прототипом Тихого в булгаковском «Беге» (Виленский и др., 1995: 119).

Образ храброго и веселого маркиза де Бризара позаимствован писателем из собственного прошлого: в 1919 году вместе с ним в деникинской армии служил лейб-кирасир полковник А.Г. Шапрон дю Ларре, командовавший 2-м Офицерским конным полком и тяжело раненный. Дю Ларре был известен своей отчаянной храбростью, назначался адъютантом Деникина и Корнилова.

Прототипом же Голубкова (анаграмма фамилии писателя) можно считать самого М.А. Булгакова, жившего всегда по означенным впоследствии Н.А. Бердяевым принципам христианского русского гуманизма - милосердию, жалости и человеколюбию. Тогда под обликом Серафимы скрывается пережившая Константинопольское изгнание Л.Е. Белозерская. Хотя интересна т.з. Всеволода Сахарова (2000: 158 - 159), увидевшего в «мечтательном приват – доценте» «реальные черты философа и писателя Владимира Николаевича Ильина, родившегося под Киевом в 1891 году, учившегося в том же, что и Голубков, университете, в

1918 - ставшего там приват-доцентом, а затем бежавшего через Турцию в Берлин и Париж. Ильин - не только земляк и однокашник Булгакова, но и эмигрантский знакомый Л.Е. Белозерской». Иной исторический персонаж видится в Голубкове Борису Соколову (1996: 46) - философ-идеалист и богослов С.Н. Булгаков, имевший профессорское звание, проживавший в Киеве и преподававший там, равно как в Петербурге, в университете. Подобно Голубкову, он в конце Гражданской войны оказывается в Крыму, но эмигрирует далеко не добровольно: в 1922 его высылают с т.н. «кораблем философов» из Севастополя в Константинополь.

Возможно, что прототипом Серафимы Корзухиной, послужила хозяйка литературного объединения «Никитинские субботники» Е.Ф. Никитина, муж которой (А.М. Никитин, 1876 - после 1920) был министром Временного правительства, а в 1920 году вместе с деникинской армией отступал к морю. Но основным прототипом Парамона Ильича Корзухина, по свидетельству Л.Е. Белозерской («О, мед воспоминаний»), послужил ее знакомый петербургский литератор и предприниматель-миллионер В.П. Крымов¹⁴ (Соколов, 1996: 47). В этих же воспоминаниях - источник сцены карточного единоборства Корзухина и Чарноты, а также - история лакея Крымова-Корзухина, Антуана Грищенко, прототипом коего послужил бывший офицер, писатель-эмигрант Николай Константинович Клименко, взятый миллионером в услужение из желания последнего поддержать бедствующего «ближнего своего».

Переписка из Кремлевского архива Сталина находится в Архиве Президента РФ и включает в себя т.н. «Дело М. Булгакова»:

№ 6. П. М. Керженцев (зам.зав. отделом ЦК ВКП(б), 1936-1938 - председатель Комитета по делам искусств) - в Политбюро ЦК ВКП (б) (до 6 января 1929 г.)

№ 7. Выписка из протокола заседания Политбюро ЦК ВКП (б) от 14 января 1929 г.

№ 8. К.Е. Ворошилов - в Политбюро ЦК ВКП (б) от 29 января 1929 г.

№ 9. Выписка из протокола заседания Политбюро ЦК ВКП (б) от 30 января 1929 г.

№ 10. М.А. Булгаков - А.И. Свидерскому (начальник Главискусства).

В доступе к материалам архива автору настоящего издания, как «не принадлежащему к аппарату Президента», было отказано.

---

¹⁴ Имя и отчество Владимира Пименовича было „переработано“ Булгаковым в Парамона (старообрядческое имя) Ильича. Нет ли здесь намек на знаменитую статью В.И. Ленина о коммунистическом обществе, граждане которого не будут ставить золото ни во что и начнут изготавливать из него „сортиры“ („О значении золота теперь и после полной победы социализма“, 1921; В.И. Ленин ? Корзухин же для подобного мира не пригоден: он поет хвалебные гимны доллару и предает ради золота собственную жену.

Культуроведческий комментарий

Фильм живет на невозможных противоречиях - стиля, звука... Здесь сведены воедино библейские тексты и уличная бранная речь.

В фильме «Бег» вычленяются следующие **темы и мотивы**, заимствованные из иных произведений М. Булгакова и его современников:

1. Тема эмиграции и реэмиграции русской интеллигенции, тесно связанная с темой вины и ответственности каждого за происходящие в мире катаклизмы – не кажется стержнем сюжетной основы фильма. Это скорее повествование о человеке в бесчеловечном мире: равно о «красных и белых», как у Б. Пастернака в «Докторе Живаго» («Все – хорошие мальчики и девочки...»), М. Цветаевой («Белым был – красным стал: Кровь обагрила. Красным был – белым стал: смерть обелила...»). Ср. также сон Турбина в «Дни Турбиных» М. Булгакова и «Окаянные дни» И. Бунина.
2. Положение эмигрантов за пределами России и их мироощущение. Лирическое Я как часть всемирной истории и культуры, но часть - неприкаянная, ибо – «лишь взыскующая покаяния пред Родиной, но не познавшая его» (В. Набоков). Ср. В. Набоков «Дар», И. Бунин «Жизнь Арсеньева».
3. В пьесе «Бег» дан взгляд на историю изнутри - без деления общества на «мучеников и гонителей», «правых и виноватых» (ср. М. Цветаева «Белый был - красным стал:// Кровь обагрила.// Красный был - белым стал: Смерть побелила...» из цикла «Лебединый Стан»). Тот же взгляд на историю и ее жертвы с обеих сторон дан у Б. Пастернака в романе «Доктор Живаго». В этой связи интересен фрагмент письма М.А. Булгакова к Правительству от 28 марта 1930 года: «... хочу стать бесстрастно над красными и белыми» (Соколов, 1996: 44).
4. По признанию самого автора, основная тема пьесы – «преступление и наказание» (Сахаров, 2000: 161), решенная почти в стиле Достоевского. Хлудов - это одновременно Булгаковский «жестокый прокуратор» Понтий Пилат¹⁵ («Мастер и Маргарита», начат в 1929), надеющийся в словах вестового Крапилина найти не достающую ему самому для понимания себя и происходящего вокруг и для самобичевания (а стало быть, для возможности искупления и отпущения грехов) долю истины; и Иван Карамазов

---

¹⁵ Оба - солдаты, идущие в исполнении своего долга за пределы человечности и оттого - одинокие в своем порыве. Различие же межд ними - в возможности искупления: вина Пилата не названа, не определена извне; преступление же Хлудова осуждено многократно и ему вынесен приговор совести. Генерал может исправить содеянное, вернувшись к месту злодеяния (в «империю справедливости») и предавшись в руки палачей. Наказанием, равносильным преступлению, должна явиться смерть; но в момент ее Хлудов примиряется с миром и с собственным Я, добровольно идя на заклание. Пилату этого не дано.

Финал пьесы и фильма расходится. Режиссер оставляет Хлудова, подобно статуе Командора, стоять на скале у Черного моря и ждать неведомого. Искупления не свершается.

И все же герою даны сверхчеловеческая сила воли, демоническая гордость. Подобно бессонному Аргусу стережет он Серафиму, не взыска для себя ни пищи, ни приюта. Фигура Хлудова кажется непроницаемой, неуязвимой и в то же время уже неживой, перешедшей рубеж жизни и смерти, стоящей над злом и добром, напоминая Азazelло из булгаковского романа «Мастер и Маргарита» - демона безводной пустыни, демона-убийцы, действующего по воле высших сил и уничтожающего людей не со зла, а подобно запущенному комбайну смерти.

За эти примечания я благодарю моего студента Эрика Мартина.

Достоевского. Судьба генерала - есть реализация трагедии поколения людей долга, насильно ввергнутых в круговорот и хаос истории. Ср. развитие образа - от безымянного генерала из рассказа М. Булгакова «Красная корона» (1922), к которому по ночам приходит призрак повешенного в Бердянске рабочего¹⁶.

С образом Хлудова, в момент его пребывания в Константинополе, неразрывно связан образ бродячей собаки, сопровождающей блудного сына России на обрыв над Черным морем. В этой связи возможно вести речь о демоническом начале характера булгаковского персонажа, увиденном авторами киноленты: в «Фаусте» Гете Мефистофель является впервые в обличье пуделя и обретается затем в драме как самостоятельная личность, тогда как в «Братьях Карамазовых» Ф.М. Достоевского «видения нечистого» преследуют Ивана лишь во сне и трактуются как часть его собственного Я. В случае с Хлудовым не существует никаких внешних по отношению к человеку темных сил, направляющих его ко злу, зло есть часть человеческого Я (сравнимо с видениями Ивана у Достоевского; книга 11, глава 9 «Братьев Карамазовых»).

С Хлудовым связана и скрытая цитата из «Нового Завета». Висящее за его спиной в штабе армии на Джанкое изображение Георгия Победоносца и обращение Африкана с молитвой к этому святому не состыкуются на первый взгляд с гневными словами самого Хлудова: «... Вы напрасно беспокоите Господа Бога. Он уже явно и давно от нас отступился». Причина - в несоблюдении генералом законов «белого рыцарства»: вместо того, чтобы спасти Серафиму Корзухину, он отдает ее в руки «зверя» - контрразведки.

5. Крапилин возникает в пьесе и в фильме как эпизодический персонаж и постепенно превращается из конкретного лица в образ, сравнимый разве что с образом Христа¹⁷. Являясь Хлудову во сно-видениях, на границе земного и вечного бытия, он становится вторым Я генерала – персонификацией его совести, избавление от невозможно.

В сцене беседы Хлудова с Крапилиным особое внимание обращает на себя финальный ее аккорд: «Простите Ваше превосходительство... я был в забвении» - «Плохой солдат! Ты хорошо начал, а кончил скверно. Повесить». «Бессердечный зверь», находясь под огнем обвинений в свой адрес со стороны Корзухиной и вестового, готов отпустить обоих - ибо

---

¹⁶ Ср. также рассказы М. Булгакова «Я убил», «В ночь на 3-е число».

¹⁷ Или ветхозаветного пророка (функция вестового): трижды в драме указано на его красноречие. Важно и то, что Крапилин подобно Илие восстает на бога своего времени - Хлудова (см. слова Серафимы: «Только и слышим: Хлудов, Хлудов... Ищем у него защиты...»). Он же, становясь защитником Серафимы, предсказывает Хлудову смерть. Коленопреклонение же Крапилина сродни поступку Мастера, сжигающего роман о Понтии Пилате в момент сомнения и душевной слабости.

В видениях же Хлудова Крапилин перенимает функцию судии и спасителя души, что действительно роднит его образ с Иешуа.

Интересна и фамилия героя, производное от глагола «кропить» (священнодействие во время церковной службы, имеющее своей целью очищение, отпускание грехов и изгнание пороков).

ничего нового произнесено не было, подобные обвинения он сам делает себе день ото дня и именно в них видит источник своего будущего освобождения. Правда, произнесенная другими, приближает момент отпущения грехов, она и есть - суд над Хлудовым. Но Крапилин отрекается от собственных слов и остается существовать во лжи рангов и воинского долга, бессмысленного и бесчеловечного, становясь т.о. зеркальным отражением самого генерала. На глазах Хлудова происходит перерождение ему подобного существа: он терпит фиаско в порыве к истине ото лжи, в попытке встать лицом к лицу с правдой и понести наказание. В страхе - тоже отступить от покаяния и в последний момент сдаться - генерал уничтожает Крапилина, как слабую часть себя самого.

Возможна и иная трактовка данного эпизода: не с точки зрения Достоевского, а с позиции самого Булгакова, предьявленной в описании беседы Понтия Пилата с Иешуа Га-Ноцри («Мастер и Маргарита», 1939). Для подобного «прочтения» сцены можно найти достаточно опорных пунктов, прежде всего, - в «Новом Завете», где Прокуратор Иудеи вопрошает о сущности истины и заявляет о своей непричастности к мукам и распятию Христа (Новый Завет, Иоанн 18: 38, Матфей 27: 24). При этом Крапилин занимает место Иешуа, а Хлудов встает на позицию Пилата, лишённого права на смерть и на иной суд, кроме суда собственной совести. Именно такое толкование эпизода оказывается наиболее закономерным, если обратить внимание на вечное молчания Крапилина перед лицом Хлудова: Христос перед смертью также ничего не сказал Пилату (Матфей XVII: 11 - 14).

Тогда становится понятной и сцена над обрывом в Константинополе, своего рода «небытие в бытии» Хлудова, когда генерал возникает в сопровождении пса: Булгаковский Понтий Пилат так же сидел на камне сотни лет в некоем несуществующем для нас измерении в ожидании приговора, и верным ему остался лишь его пес, распластавшийся у ног отступника в пыли дороги, ведущей в Никуда.

И в то же время Крапилин – лишь подобие Христа. Хлудов слеп, Крапилин способен его исцелить; Хлудов виновен – Крапилину дана власть его оправдать; Хлудов должен быть казнен – и только Крапилин вправе его помиловать. Т.е. функционально Крапилин заменим Иисусом; однако он не выполняет ни одного из названных действий, не реализует ни одной из заложенных в его роли возможностей, обнаруживая себя как подобие Богочеловека, вызванное к жизни Смутным временем Гражданской войны и надеющимся на спасение больным сознанием Хлудова.

6. Образ генерала Чарноты – «Вечного Жида», «Агасфера», «Летучего Голландца» (самохарактеристика героя в пьесе М. Булгакова и в фильме) - наделен исконными чертами русской национальной личности, проявляющимися в зависимости от конкретной ситуации

то как достоинства, то как недостатки: честен, храбр, вспыльчив, хитер, пьющ, картежник. Временами напоминает героев классической литературы: гоголевского помещика Чичикова, ставшего волею судеб предводителем русского воинства. Ср. прогулка Чарноты по Парижу в нижнем белье и рассуждения Хлестакова («Ревизор» Гоголя, 1836) о возможности продать ради обеда штаны, а также объединяющая их страсть к игре (карты, ...). Именно благодаря этой «исконности» не суждено Чарноте найти вне России свою истину.

7. Приват-доцент Голубков, блестяще сыгранный Алексеем Баталовым, напоминает зрителю одного из знаменитейших героев Достоевского - князя Мышкина: Идиота, живущего вечными ценностями и понятиями Добра и Зла в эпоху господствующего безумия и стяжательства.
8. С поведением «товарища министра» Корзухина в «проверочном» для всех действующих лиц фильма эпизоде на Джанкое невольно ассоциируется поведение библейского («Новый Завет») апостола Петра, отрешившегося трижды от Иисуса в доме первосвященника.
9. Сцена бегства на кораблях из Севастополя описана схоже с представлением этого исторического момента у В. Маяковского в поэме «Хорошо!» и у Л. Славина в финале «Интервенции»; тогда как «население» теплоходов напоминает, прежде всего, бунинскую «Атлантиду», увозящую по водам всемирного океана в никуда господина из Сан-Франциско и подобных ему. Из булгаковских же произведений на память приходит, конечно, образ утлого гибнущего корабля-ковчега (Города) с бегущими с него крысами из «Дней Турбиных», а вид на порт обращает нас к «Запискам на манжетах».
10. Сюжетообразующий мотив «бега»: по России - из России - по Европе; по жизни - из жизни в бред или смерть; от себя и своего прошлого - в беспомыслие. Бег бессмысленный, как и русский бунт; бегство, как способ выжить. Особое внимание стоит обратить на постоянно возникающий в фильме (намного чаще, чем в пьесе Булгакова) момент «тараканьих бегов», «любимой забавы русского императорского двора», раскрывающий всю глубину трагедии русской эмиграции за рубежом, оказавшейся во власти Тараканьих царьков, Артура и ему подобных. Ср. у М. Цветаевой в стихотворении «Мировое началось во мгле кочевье...» и др. текстах из цикла «Лебединый Стан» и поэмы «Красный бычок».
11. Для Булгакова периода написания «Мастера и Маргариты» бег - есть, прежде всего, стремление человека к свету (ср. финал романа); становящееся под давлением внешних обстоятельств и по причине слабости человеческого духа движением к покою. В этой связи интересно сравнить финал написанного позднее романа «Мастер и Маргарита» с финалом фильма «Бег», идущим дальше (в отслеживании судеб главных героев), нежели

булгаковская пьеса. Диалог Серафимы Корзухиной и Голубкова на палубе корабля, плывущего в новую Россию, напоминает беседу Мастера и Маргариты, удаляющихся со свитой Воланда в Небытие, а также - разговор Иешуа Га-Ноцри с Понтием Пилатом, обретающим наконец свободу и право на речь.

Благодаря движению камеры в фильме, зритель получает ощущение, что вернувшиеся в заснеженную Россию герои «Бега» вместе с оставшимся и погибшим (см. конец 1 серии) Петькой Щегловым буквально «уходят в небо». Последними словами Голубкова, обращенными к Серафиме, оказываются: «Нас ждут кони», - еще одна «цитата» из романа, точнее, из его последней главы. Маргариту и Мастера, улетающих из Москвы вместе со свитой Воланда, тоже «ждут кони». Едва они отрываются от земли, в реальной для нас столице умирают два человека - сумасшедший писатель в палате № 118 и женщина, проживающая в одном из переулков Арбата. Следовательно, и реэмигранты, едва ступив на родную почву, оказываются вычеркнутыми из живых.

Для трактовки последнего эпизода стоит привлечь материалы, связанные с проблемой реэмиграции 30-х и конца 40-х годов, помещенные мною в раздел «Анализ и интерпретация художественного фильма «Восток – Запад».

12. Сны-видения Хлудова в фильме в значительной мере отступают от текста булгаковского произведения. Но они не являются ни в коей мере элементом режиссерского прочтения пьесы, ее интерпретацией: сны есть логическое порождение характера Хлудова и они включены в повествование там, где Булгаков вкладывает в уста своего персонажа «философские» монологи о сущности и целях бытия. Так, первый сон начинается после прочтения генералом фрагмента Евангелия от Матфея 15: 14 и предстает зрителю как фрагмент мистерии буфф - полу-мифологическое, полу-библейское действие. Абсурд братоубийственной войны представлен как духовная слепота (заблуждение) людей. Второй и третий сон неразрывно связаны с первым и логически продолжают его, складываясь в единую новеллу, вставленную в ткань повествования и предлагающую своего рода «взгляд свыше» на происходящее на земле безумие.

Интересно и то, что во втором видении Хлудов приговорен к казни через повешение¹⁸: согласно Ветхому Завету, человек, повешенный на дереве, вдвойне не чист. Именно этот способ казни был применен к Иисусу, принявшему на себя величайшее из возможных проклятий (с т.з. лингвистики, в древних языках, н.п. арамейском/ семитской

---

¹⁸ Приговор исполняется палачом, ряженным на французский средневековый манер. Мы видим его спускающимся по узенькой деревянной лестнице к месту казни – так, словно палач спускается с неба.

терминологии, «повешение» означает то же, что в современном русском языке определено как «распятие»)¹⁹.

Обращает на себя внимание в последнем видении эпизод хождения Хлудова и Крапилина по водам, для верной трактовки которого необходимо обратиться к притче о Петре (Иоанн VI: 15-21; Матфей XIV: 22-33; Марк VI: 45-52), сумевшем по слову Христа подняться над своим страхом и пойти по воде как по суше, но не стойким в вере и оттого не удержавшемся на ее глади. Хлудов не сомневается в своем грехе и оттого оказывается вправе дойти по водному зеркалу до места собственной казни.

Мотив сна как пророчества, момента прозрения; сна, замедляющего движение Белой Гвардии в пустоту небытия лучше всего разработан у М. Цветаевой в ее цикле «Лебединый Стан». Сама же тема сно-видения была предложена в драматургии испанцем Кальдероном. Сон одновременно и внутреннее состояние героев (душевное метание при видимости внешне сохраненного покоя), и прием - способ замедления действия, расширения пространства пьесы в сторону индивидуализации (ибо лиричное всегда индивидуально). Во сне можно забыться, но нельзя забыть - вот основная идея поэта и писателя начала XX столетия.

13. Интересен эпизодический персонаж фильма, в книге отсутствующий - Петька Щеглов, очевидец и летописец происходящей в России катастрофы. Его лицо пытается и не может вспомнить Голубков в Константинополе и вспоминает на палубе плывущего на Родину судна - мальчика, печатающего что-то на портативной машинке и внимательно следящего за суестью в порту Севастополя. Мальчика, взятого в седло красным командиром перед началом последней атаки на оплот белогвардейцев и в этой атаке погибшего. Мальчика, встретившего в заснеженном лесу реэмигрантов и усакавшего с ними в небо. Какой философии придерживались авторы фильма, сказать нам сегодня сложно, но скорее всего, они были близки к идее Достоевского о том, что мир, построенный на слезе ребенка не может существовать долго и счастливо.

Петька возникает из финальных аккордов романа «Белая гвардия» - тот самый маленький мальчик, счастливым и радужно-ярким сном которого кончается последняя редакция романа. Будет ли его жизнь настолько отличной от судеб Турбиных и их гостей, насколько различны их крещенские вещи сны - вот вопрос, который поставили и на который постарались ответить авторы фильма.

---

¹⁹ За помощь в интерпретации эпизодов фильма, связанных с библейской тематикой, мы приносим благодарность Дмитрию Трубочанинову. Подробнее см.: RGG (Die Religion in der Gegenwart und in der Geschichte), ЕКК (Evangelisches Katholisches Kommentar).

14. Безымянный полковник в фильме «Бег» объединяет в себе черты лучших представителей русского офицерства: полковника Най-Турса («Дни Турбиных»), полковника Малышева (там же). Образ безымянного полковника отразился не только в бесстрашном полковнике Най-Турсе из романа «Белая гвардия» и наследовавшем ему полковнике Турбине из пьесы «Дни Турбиных», но и в словах, которые в Б. произносит Хлудов: «Я в ведрах плавать не стану, не таракан, не бегаю! Я помню снег, столбы, армии, бои! И все фонарики, фонарики. Хлудов едет домой» (в позднейших вариантах: «Хлудов пройдет под фонариками» - намек на широко применявшееся повешение на фонарях).
15. Фантазмагория²⁰ тараканьих бегов могла быть позаимствована из произведений современников М. Булгакова: рассказов Аркадия Аверченко, опубликованных в сборниках «Записки простодушного» (1922) и «Развороченный муравейник. Эмигрантские рассказы» (особенно, рассказ «Константинопольский зверинец», 1927); или повести А.Н. Толстого «Похождения Невзорова, или Ибикус» (1925). Приемлема и трактовка Артура Артуровича как усиленного и лишенного любых проявлений человечности двойника Ликуя Исаевича из булгаковского «Багрового острова».
16. Особое внимание (в т.ч. с учетом последующего обращения аудитории к анализу и интерпретации художественного фильма «Служили два товарища») обращает на себя решение темы семьи и дружбы, темы человеческих взаимоотношений в целом. Учитывая особенности русской национальной личности и русской национальной картины мира, можно сказать, что мир эмигрантов рухнул, вечные ценности – семейственность и общинность – заколебались, уступая место индивидуализму; и только врожденная привычка помогать ближнему удерживает товарищей по несчастью вместе. История показывает, что тоже далеко не всех и не надолго: ее вскоре суждено сменить стремлению к власти, наживе, положению в обществе и т.д. Новые семьи строятся не столько на любви и взаимном уважении, сколько на сиюминутной страсти и расчете.
17. Наконец, необходимо обратить особое внимание учащихся на создание пространства в фильме. В сюжетном плане оно распадается на реальное пространство юга России, Константинополя, Парижа и на ирреальное – хлудовских сно-видений. В плане же визуальном реального пространства нет: заснеженный лес, наполненный предметами домашнего обихода – символ уничтоженного революцией семейного очага, разбитых человеческих судеб; крошечный полустанок, забитый важными должностными лицами – та же темная кухня с тараканами, угодившими в ведро с водой и пытающимися заполучить жизнь ценой смерти ближних; Константинополь (Истамбул) – одновременно библейские

---

²⁰ В реальности тараканьи бега в Константинополе не практиковались.

Содом и Гоморра, Ноев Ковчег и Вавилон, откуда ведут лишь две дороги: на дно бытия или назад в Россию; Париж – тень реальной столицы, полностью совпадающая с представлениями о нем в России: Нотр Дам, Сакре Кёр, серые громады мостов через Сену и бесчисленные клошары под ними.

Но если описанные нами выше пространства пытаются подделаться под реально существующие миры, то пейзажи хлудовских сновидений подчеркнута противопоставлены России и Европе. конкретные признаки земного бытия в них сняты, переведены в абстракции: вода, земля, песок, дорога вообще. Ряд виселиц по краям пути напоминает скорее о массовых распятых античности (рабов, восставших со Спартаксом), о казнях в Палестине или о самосудах во Франции, когда наиболее дерзких разбойников («latrones») или бродяг подвешивали на придорожных деревьях и столбах в назидание другим.

Особую роль играет **музыка в фильме**²¹ как самостоятельный, значимый его компонент, служащий зарождению подтекста в обозначении пространственно-временного континуума и расширяющий характеристики главных действующих лиц. Музыка, как и сюжет фильма имеет кольцевую композицию: пролог и эпилог сопровождаются «Реквиемом» Моцарта (ч. 7, Lacrimosa). Причем, в начале фильма она звучит на фоне кровавых снегов, мечущихся толп народа, разрушенного храма, а в финале - на фоне нетронутой чистоты снега и безмолвных лесов России.

Кроме того, каждого из героев сопровождает своя мелодия: колокольный набат - Чарноту; церковные песнопения - Хлудова; наступление Белой Гвардии происходит под звуки польки (мелодия-воспоминание о прошлом России, утраченных территориях и славе воинства); передвижение Красной армии врывается в аудио-ряд маршем Конармии Буденного. Видения Хлудова рождаются под звуки Второго концерта С.И. Рахманинова для фортепьяно с оркестром (до-минор, соч. 18), а его перемещение в поезде сопровождается льющей из патефона мазуркой.

Пространства также имеют собственный звуковой код: Россия - колокола, Константинополь - пение муллы и полифония многоязычия.

Эпизоды карточной игры сопровождаются соответствующими ариями из оперы Чайковского «Пиковая дама», что углубляет ее значимость: персонажи проигрывают честь, жизнь...

---

²¹ См. также: www.ioso.ru/ipso/phenyx/bulg_novosti.htm

В фильме также звучат: ария Мефистофеля из оперы Гуно «Фауст», романс «Ностальгия» («Это было у моря, где ажурная пена...») - в кабаке, где агент контрразведки по приказанию Тихого удерживает Корзухина).

Наравне с музыкой пространство в фильме определяют **шумы** - полифония, многоязычие Константинополя и языковое единообразие (но не с т.з. стиля) - Россия; пение муллы в мусульманской мечети (Константинополь) и русские колокола; шум поезда и шуршание тараканьих бегов; ржание обезумевших от вида крови коней и тишина снегов.

Протокол художественного фильма «Бег»

Речь персонажей	Звукоряд	Действия камеры и перед камерой
<p>Хор монахов (за кадром): Помилуй нас...</p> <p>Дьякон (за кадром): Святой равноапостольный...</p> <p>Дьякон (за кадром): Княже Владимире, моли Бога о нас.</p> <p>Хор монахов (за кадром): Помилуй нас, Боже... Помилуй нас...</p> <p>Дьякон: Святой пророке и Крестителю Иоанне, моли Бога о нас...</p> <p>Хор: Помилуй нас, Боже, помилуй нас, помилуй нас...</p> <p>К.: Вы кто?</p>	<p>Взрывы. Взрывы. Колокольный звон.</p> <p>Конец колокольного звона. Начало музыки. Взрывы. Конец музыки. Начало музыки.</p> <p>Конец музыки.</p>	<p>ПНР. Монастырь. Колокольня. Монахи с факелами подают сигнал. К монастырю подъезжает кавалерийский отряд. В проезжающем мимо обозе - паника. Ср.: Среди беженцев – Голубков.</p> <p>ПНР. Зимний лес. Беженцы пытаются укрыться в лесу. Ср.: Голубков оборачивается. Среди брошенного на дороге обоза бродит одинокая женская фигурка – это Корзухина. Корзухина поднимает стул и в изнеможении опускается на него. Голубков возвращается. Голубков подходит к Корзухиной, в нерешительности останавливается.</p> <p>Ср.: Зимний лес. Молча стоит Голубков. Кр.: Корзухина поднимает глаза, смотрит. Корзухина берет пригоршню снега, ест его. Корзухина стряхивает снег с ладони, встает. Ср.: Голубков еле успевает подхватить падающую Корзухину.</p>

<p>Г.: Я хотел Вам помочь. К.: Снег... Г.: Снег... Порой мне кажется, что я вижу сон, право... Г.: Что с Вами? У Вас жар? Посидите. Я сейчас. Стойте! Стойте! Воды? Б.: Какой воды? Г.: Подождите минутку... Б.: Вперед! Г.: Немного воды, дайте флягу.</p> <p>А.: Виноват, Ваше Превосходительство, красные в городе. Ч.: Генерал Крапчиков, карты сданы. К.: Ступай. Ч.: Куда? (смеется) Захмелевший полковник: А? Что? Пас... Штабс – капитан: Жир. Виноват. Ч.: Прошу. Еще одну, Себе. Ваши.</p>		<p>ПНР. Всадники исчезают. Ср.: Голубков помогает Корзухиной подняться, ведет ее к воротам монастыря.</p> <p>Общ.: Городок в Северной Таврии. Перед немногочисленными зрителями выступает бродячий цирк. Старый клоун: голые на морозе! Паника. В город входят красные.</p> <p>ПНР. Штаб – квартира Крапчикова. За столом – Чарнота, генерал Крапчиков, молоденький штабс – капитан и захмелевший полковник. Вбегает адъютант.</p>
--	--	--

<p>Захмелевший полковник: (реплика неразборчиво) Ч.: Виноват, виноват. Получите. Захмелевший полковник: Я... ехала домой...</p> <p>А.А.: (кричит) Все. Осторожно. Ура! Да здоровствует! Ура! Л.: Ура! Ура! А.А.: Бежим, мадам! Л.: Куда? А.А.: Туда, мадам! Туда! Вон туда! (Весь диалог плохо прослушивается)</p> <p>Н.: Подайте, подайте Христа ра...</p>		<p>Крапчиков убит. Чарнота подбегает к окну. ПНР. Из окна на улицу, прямо в снег, выпригивает Чарнота, скрывается за углом.</p> <p>ПНР. У монастыря. Бежит Артур Артурович, прячется в нише. Там – Личико. Личико кричит.</p> <p>Общ.: Чернота еле успевает скрыться от конного отряда красноармейцев. Общ.: Отстреливаясь, Чарнота добегают до какой-то двери, стучится. ПНР. На заснеженной дороге нищий просит милостыню. Падают убитые всадники.</p> <p>Ср.: Монастырь. Идет богослужение. Молятся монахи. Монахи склоняются в поклоне. За ними - у стены три бродячих циркача – Пьеро, старый клоун и Коломбина.</p> <p>Общ.: Весь в снегу застыл монастырь. В каменном подземелье поют монахи. Паисий и бесцветный монашек уходят. ПНР. К монастырю подъезжает конный отряд Баева. Отряд въезжает во двор монастыря.</p>
---	--	--

<p>Баев: Осмотреть монастырь! Буден.: (реплика неразборчива) Баев: А ты кто такой? П.: Да, Паисий, я, Паисий. Баев: Паисий, ладно. Давай наверх! Буден.: Иди сюда. Баев: Огонь жгли на колокольне? П. (за кадром): Что вы, что вы, какой огонь? Баев (за кадром): Факелами белым махали? П.: Да, здесь никого, здесь только... П. (за кадром): ... Свои... Г.: Осторожно... Баев: Кто такие? П.: Беженцы, беженцы они. Документики, господа... Г.: Мы, мы попали под обстрел и бросились сюда, в монастырь... Баев: А это? П.: Женщина... у нее роды начинаются. Вот. Баев: Так. П.: Вот паспорт. Баев: Так. Роды. Барабанчикова, замужняя. Где муж? Ч.: (стонет) Баев: Нашла место и время рожать. Буден.: Белые. Баев: Пошли. По коням! Живо! Голос (за кадром): Эскадрон! По коням!</p>		<p>Общ.: Часть конного отряда ждет у ворот монастыря. ПНР. Монах и буденовец бегут к колокольне. Общ.: Буденовец и монах - на колокольне. К монастырю приближается конница белых. Буденовец спускается с колокольни. ПНР. Баев осматривает монастырь. За ним следует Паисий. Монастырь полон беженцев. В алтаре из-под попоны несутся стоны.</p> <p>ПНР. Баев с отрядом уезжает. Голубков возвращается и садится рядом с Корзухиной. Кр.: Из-под попоны смотрит Чарнота. Общ.: Белые войска уже у самых стен монастыря.</p>
---	--	--

<p>Г.: Откуда взялись эти красные? Отчего все это произошло?</p> <p>Ч.: А это оттого произошло,</p> <p>Ч. (за кадром): ... что генерал Крапчиков задница, а не генерал, пардон, мадам.</p> <p>Сидеть!</p>		<p>Кр.: Из-под попоны виден лишь один глаз Чарноты.</p>
---	--	---

<p>Ч. (кашляет): Де... Де Бризар... Де Бризар... Де Б.: Ваше Превосходительство?! Ч.: Де Бризар, шубу, папху... Де Б.: Шубу! Ч.: И курить! Де Б.: Слушаюсь! Ч.: А... а вы, гусеница в штатском, уж не обер ли вы прокурор? Де Б.: Документы! Г.: Я отнюдь не обер – прокурор. Я приват – доцент. Мы бежим из Петербурга... Ч.: А вы, мадам? К.: Я жена товарища министра торговли, Корзухина Серафима Владимировна. Вот мои фальшивые документы... Ч.: Э-э... К.: А вот – настоящие. Ч.: Тысяча извинений, мадам, тысяча извинений. Г.: Простите... пойдете, Вы должны... Ч.: Ноев ковчег! Музыку! Офицер (за кадром): Станичники! Генерала Чарноту отбили у красных! Ч.: Здорово, станичники! Каз.: Здравия желаем, Ваше Высокопревосходительство! Ч.: Люська!</p>	<p>Начало музыки. Конец музыки.</p>	<p>ПНР. Монастырь. Открываются ворота. Во двор входят белые войска. Де Бризар и офицеры проходят в монастырь. Чарнота вылезает из – под попоны.</p> <p>Кр.: Крапилин слушает.</p> <p>Слушает Крапилин</p> <p>Общ.: Чарноту приветствуют казаки.</p> <p>Кр.: Чарнота целуется с Люськой. Чарнота</p>
--	---	---

<p>Ч.: Люська. Л.: Гришка! Ч.: Люська Л.: Живой! Ч.: Люська! Простите, господа... Л.: А мы по тебе панихиду собирались справлять. Ч.: Смерть видел вот так близко, как тебя. Ну – ка, пусти, я замерз. Ч.: Представляешь, история... Ну, я как приехал в штаб – к генералу Крапчикову, а он, сукин кот, посадил меня в винт играть. Ему депешу прислали, а он, язвы его в душу, расшифровку отложил до утра. И Буденный – на тебе с небес. Я задворками к гражданину Барабанчикову. Говорю, говорю, давай, говорю. Ч. (за кадром): ... документы. Приползаю сюда. Глядь, а документы – то бабьи, женины, госпожа Барабанчикова, и удостоверение... Ч.: ... беременная (смеется) ну, я говорю, кладите, как я есть, в церкви. Лежу, рожаю, замерз. И вдруг слышу – комиссар шпорами – шлеп – шлеп, шлеп – шлеп... Ну, думаю, куда ж ты шлепаешь. Смерть же твоя лежит под попоной. Ну, давай, открывай же ее скорей. Паспорт взял, а попону... Ч.: ... не поднял. Ч.: Пардон, господа... Ч.: ...пробираться в Крым, к Роману Хлудову под крыло...</p>		<p>и Люська. Люська и Чарнота. Люська целует Чарноте руку. Кр.: Чарнота и Люська.</p> <p>Кр.: Крапилин смотрит.</p>
--	--	---

<p>Г.: Что вы...</p> <p>К.: ... и в Петербург (плачет).</p> <p>Г.: господи, ну, что же это такое?</p> <p>Л.: Это тиф – вот что это такое. Крапилин, ты красноречив, уговори даму.</p> <p>К.: Так точно, ехать надо.</p> <p>Л.: Крапилин, бери ее силой!</p> <p>Г.: Надо ехать. Помогите мне, пожалуйста.</p> <p>П.: Куда ж ты, генерал? Неужто не отстоишь монастырь, давший тебе приют и спасенье?</p> <p>Ч.: Что ты, папаша, меня расстраиваешь, подвязывай колоколам языки и садись в подземелье! Пошел! Пошел!</p> <p>Ч.: Стой! Пойдете прямо, нас не ждать!</p> <p>Л.: Ты что?</p> <p>Ч.: Эхо!</p> <p>Ч.: Крапилин, ступай.</p> <p>Л.: Гриша, пусти.</p> <p>К.: Свет. Закройте свет.</p> <p>Г.: Позвольте, вот так легче?</p>		<p>монастырский крест.</p> <p>Ср.: Зимний лес. Купол монастыря.</p> <p>ПНР. Монастырский двор.</p> <p>Голубков и Крапилин укладывают Корзухину на телегу.</p> <p>Ср.: Сквозь ветки деревьев виден купол монастыря.</p> <p>Кр.: Блестит на солнце монастырский купол.</p> <p>Общ.: Паисий и монахи столпились на крыльце. Дивизия Чарноты покидает монастырь.</p> <p>ПНР. Конница Чарноты выезжает из ворот монастыря.</p> <p>Общ.: Чарнота, Люська и казаки скачут по лесу. На лесной дороге остается один Крапилин.</p> <p>Общ.: Чарнота с Люськой останавливают коней.</p> <p>Ср.: Чарнота стреляет.</p> <p>Общ.: Зимний лес. От выстрелов взметнулись в небо птицы. Чарнота и Люська (за кадром) смеются).</p> <p>Ср.: Стреляет Чарнота. Чарнота и Люська смеются.</p> <p>Ср.: Зимний пейзаж. Купол монастыря в снегу. Чарнота целует Люську. Общ.: Чарнота и Люска уезжают.</p> <p>ПНР. По лесу идет обоз с беженцами. Голубков идет рядом с телегой, на которой</p>
--	--	--

<p>Хор монахов (неразборчиво прослушиваются следующие реплики): Достояния твои, победы, Благочестивому нашему белому воинству, на супротивные даруя...</p> <p>Хор (за кадром): Преподобие, Отче Серафиме, моли Бога о нас. Помилуй нас, Боже, помилуй нас. Святые и преподобные Богоотцы Иоакиме и Анна, молитесь Бога... Хор: ...О нас (конец хора)</p> <p>Начдив (за кадром): Командующий флотом сообщает: несмотря на крайние усилия Азовская флотилия не может выйти из Таганрога. (в кадре) Мороз двенадцать градусов, лед сплошной. К означенной операции флотилия прибыть... (за кадром): ... физически не в состоянии. Ф.: Неприбытие флота в корне подрезало нашу инициативу на левом фланге. (за кадром) Центр тяжести удара переносится на Турецкий вал, в лоб и Сиваш с выходом пятнадцатой... и пятьдесят второй дивизии в тыл перекопской группировки. Задачи войскам будут поставлены мной лично на исходных позициях.</p>	<p>Начало колокольного звона. Конец колокольного звона. Смех Люськи и Чарноты. Начало хора. Молебствие о спасении. Слова неразборчивы.</p>	<p>лежит больная Корзухина. Голубков идет, зонтом закрывая свет. Проходит обоз с кухнями, телегами, цирковым фургоном.</p> <p>Общ.: В подземелье снова поют монахи.</p> <p>ПНР. Штаб дивизии. Буденовец стирает знамя. ОБЩ. Начдив докладывает. СР. Слушают Фрунзе, Баев и командиры. Фрунзе встает.</p> <p>ПНР. Фрунзе подходит к карте. Ср.: Фрунзе.</p> <p>Кр.: Баев слушает. Кр.: Слушают комбриг и командиры.</p>
---	--	--

<p>Ф.: Начало операции седьмого в двадцать два часа. Мои директивы командармы получают сегодня вечером. Все. Вопросы?</p> <p>Б.: Я сомневаюсь, страшно сомневаюсь за пехоту, товарищ камандюж, девять верст по гнилому морю – померзнут. Выведешь на тот берег не дивизия, а сосульки. А сосульки и пальцами сломать можно...</p> <p>Комбр.: А ты не сомневайся за пехоту. Я тебя насквозь вижу, Баев, куда гнешь. Конь не рыба, нечего ему в воде делать.</p> <p>Ф.(за кадром): Что предлагаете?</p> <p>Б.: Включить в штурмовую группу конный полк, мой!</p> <p>Комбр.: Славы ищешь?</p> <p>Б.: В короткой красной своей жизни от славы не бегал, и сейчас в канун третьей годовщины нашей революции готов чокнуться с тобой и глотнуть сивашской воды, если поделишься...</p> <p>Ф.: Поделись, комбриг. Все свободны.</p> <p>Комбр.: Оркестр не позабудь...</p> <p>Б.: Не позабуду. Ну, как Семен?</p> <p>Буден.: Простирнул.</p> <p>Б.: Ну и ладно.</p>	<p>Начало музыки.</p> <p>Конец музыки.</p>	<p>Ср.: Курит адъютант Фрунзе.</p> <p>Кр.: Фрунзе.</p> <p>ПНР. Баев и др. Камера пеходит с одного говорящего на другого.</p>
<p>1 офиц.: Коменданта и начальника станции к командующему фронтом! Коменданта и начальника станции к командующему фронтом!</p> <p>2 офиц: Севастополь! Севастополь!</p> <p>Х: Запятая. Но Фрунзе обозначенного</p>		<p>ПНР. Штаб дивизии.</p>

<p>противника на маневрах изображать не пожелал. Точка. Это не шахматы и не Царское незабвенное Село. Точка. Подпись – Хлудов.</p> <p>Голован (за кадром): Зашифровать и послать главнокомандующему.</p> <p>Х.: У нас трагедия начинается. Бронепоезд параличом разбило. С палкой ходит бронепоезд. Никто нас не любит. Никто. Из – за этого и трагедия. Печка с угаром.</p> <p>Г.: Никак нет, нет угару.</p> <p>Х.: Час жду бронепоезд из Таганаш. В чем дело? В чем дело? В чем дело?</p> <p>К.ст. (за кадром): Начальник станции, Ваше превосходительство, доказал мне, что „Офицер“ пройти не может.</p> <p>Х.: Вы доказали, что бронепоезд пройти не может?</p> <p>Н. ст. (за кадром): Так точно, Ваше Превосходительство, физической силы, возможности нет. Сортировали и забили начисто, пробка!</p> <p>Х.: Вторая, значит с угаром.</p> <p>Г.: Сию минуту, залить печку!</p> <p>Н. Ст.: Угар, угар...</p> <p>Х.: Мне почему – то кажется, что Вы хорошо относитесь к большевикам. Вы не бойтесь, поговорите со мной откровенно. У каждого есть свои убеждения. Хитрец.</p> <p>Н. ст.: Ваше Превосходительство, за что такое подозрение? Тридцать часов не спал, а у меня детки – Оля и Павлик...</p>		<p>ПНР. Зал узловой станции битком набит белыми офицерами. Реплики офицеров неразборчивы.</p>
--	--	---

<p>Х: Искренний человек, у? Не нужна любовь, без любви ничего нельзя сделать на войне. Меня не любят. Дать сапер. Толкать, сортировать! Пятнадцать минут, чтобы „Офицер“ прошел за семафор. Если приказание не будет исполнено, коменданта – расстрелять, начальника станции – повесить, осветив под ним надпись: „Саботаж“.</p> <p>Г.: Прошу...</p> <p>Н. ст.: Ваше превосходительство...</p> <p>Г.: Прошу...</p> <p>Н. ст.: Ваше Превосходительство, Ваше Превосходительство, у меня еще детки в школу не ходили. Верьте слову, Оля и Павлик.</p> <p>Х.: Вальс.</p> <p>Оф.: Эскадрон, прямо!</p> <p>Ч.: Что он делает? Что он делает! Пошел!</p> <p>Ч.: Грейся! С Чонгарского дефиле, Ваше Превосходительство, сводная кавалерийская дивизия подошла.</p> <p>Х.: Садись. Голован, стул...</p> <p>Ч.: Ты что же делаешь, Рома? Рома, прекрати, прекрати!</p> <p>Х.: Молчать!</p> <p>Ч.: Вы же Генерального штаба, Ваше Превосходительство.</p>	<p>Начало музыки.</p> <p>Конец музыки.</p>	<p>Общ.: Дивизия Чарноты проходит мимо повешенных.</p> <p>ПНР. К станции подходит обоз с беженцами.</p> <p>ПНР. С перрона, в зал к Хлудову, входит Чарнота с Люськой.</p>
---	--	---

<p>Х.: Молчать! Обоз бросите здесь, пойдете на Карпову балку, там станете.</p> <p>Ч.: Слушаюсь. Обоз и раненых оставить здесь!</p> <p>Л.: А я?</p> <p>Ч.: И ты здесь останешься!</p> <p>Л.: Гриша, Ваше превосходительство!..</p> <p>Ком.: Ваше превосходительство, прошел!</p> <p>А.: Выходим на Литовский полуостров.</p> <p>Ф.: Где?</p> <p>А.: Здесь...</p>		<p>ПНР. Чарнота, Люська и офицеры идут по перрону, забитому беженцами (реплики офицеров и беженцев неразборчивы).</p> <p>Общ.: Проходит бронепоезд «Офицер» за ним в испуге трусит начальник станции целует бронепоезд.</p> <p>ПНР. Комендант станции докладывает Хлудову.</p> <p>Общ.: Сиваш – огромная страшная низин с ямами, наполненными густой соленой жижей.</p> <p>Общ.: В тумане идут красные полки – пехота.</p> <p>Общ.: Штаб дивизии. Фрунзе склонился над картой.</p> <p>ПНР. Проваливаясь в ледяную воду, увязая в грязи идет красная конница.</p> <p>ПНР. Штаб дивизии. Входит адъютант Фрунзе.</p> <p>Общ.: Сиваш. Увязая в грязи идут красноармейцы.</p> <p>Общ.: Идет полк Баева Увязли в грязи тачанки.</p>
---	--	---

<p>Ком. (за кадром): Эскадрон, по коням! Ура!</p> <p>Офиц.: Стой! Стой! Назад! Назад! Говорю! Назад!</p> <p>Красн.: Музыка давай, командир приказал!</p>	<p>Начинается перестрелка. Взрыв.</p> <p>Взрывы.</p> <p>Начало музыки.</p>	<p>Общ.: Идет красный обоз и оркестр. Общ.: Перестрелка. Общ.: Красноармейцы идут вперед. Ср.: Лежа в грязи, стреляют красноармейцы. СР. По грязи, в ледяной воде, проходят конники. Общ.: Лежа в грязи, отстреливаются белые. Общ.: Красные войска выходят на берег. Общ.: Устремляются в атаку. Впереди знаменосец. Общ.: Красноармейцы идут в атаку. Сиваш. Красноармейцы идут в атаку. ПНР. Белые отступают. Общ.: Белые офицеры пытаются остановить отступивших солдат. (реплики офицеров неразборчивы). ПНР. Падает лошадь. ПНР. Наступает красная кавалерия. Ср.: Отстреливаясь, отступают белые. ПНР. Теряя убитых, наступает красная кавалерия. Общ.: Вслед за конницей идет пехота. Общ.: окопы белых. Падает с откоса раненый офицер. Офицер кричит. Общ.: Пехота идет в атаку. ПНР. Увязая в грязи, идет оркестр. К музыкантам подъезжает красноармеец. Оркестр начинает играть марш. Музыканты и дирижер, играя, идут вперед. Общ.: Красные конные полки идут в бой. ПНР. Отступают белые. Цепляясь на ходу</p>
--	--	--

	Конец музыки.	за телеги бегут беженцы. Красные конники врываются на ферму. Общ.: Красные конники наступают. Общ.: Отстреливаются белые ПНР. Скачут вперед красноармейцы. Впереди знаменосец.
<p>К.: Честь имею представиться, товарищ министра торговли Корзухин. Х.: Слушаю. К.: Совет министров уполномочил меня обратиться к вам с тремя запросами. Первое: мне поручили узнать о судьбе, арестованных в Симферополе, пяти рабочих. Х.: Есаул, предъявите арестованных господину товарищу министра. Г.: Прошу за мной. К.: Да, будьте любезны. К.: Благодарю Вас.</p> <p>Х.: Исчерпан первый вопрос. Слушаю второй. К.: Второй, что второй? А, второй ... второй касается непосредственно моего министерства. Здесь на станции застряли грузы особо важного назначения. И я</p>		<p>ПНР. Узловая станция забита войсками и беженцами. Голован вводит Корзухина к Хлудову.</p> <p>Ср.: Голован и К. выходят на перрон. Ср.: Голован и Корзухин на перроне. На фонарных столбах висят повешенные в мешках рабочие. ПНР. Корзухин и Голован входят с перрона к Хлудову.</p>

<p>спрашиваю разрешения и содействия Вашего превосходительства, чтобы эти грузы срочно протолкнуть в Севастополь. Х.: А какой именно груз? К.: Экспортный пушной товар, предназначенный за границу. Х.: Ах, пушной, экспортный... А в каких составах груз? К.: Прошу... Х.: Голован, указанные составы выгнать в тупик, в керосин, сжечь. Г.: Слушаюсь. Х.: Покороче, третий вопрос? К.: Положение на фронте? Х.: Ну, какое может быть положение? Бестолочь, из пушек стреляют. Командующему печку с угаром подсунули, ни ресторана, ни девочек. Зеленая тоска... вот сидим, как попугаи, на табуретках. Поезжайте в Севастополь, скажите тыловым гнидам, чтобы укладывали чемоданы – красные будут завтра здесь. И еще скажите, что заграничным шлюхам собольих манжет не видать! Пушной товар! К.: Это неслыханно. Я буду иметь честь доложить об этом главнокомандующему. Х.: Пожалуйста.</p> <p>П.: Рома! Рома! Рома, здравствуй, это я ... Х. Накормить! П.: Рома, я ...</p>		<p>Ср.: Корзухин передает список.</p> <p>Ср.: К. уходит. ПНР. Горят вагоны с пушниной. Солдаты разгоняют беженцев. ПНР. Идет Хлудов со свитой. Обгоняя их, бежит поэтесса.</p>
---	--	--

<p>Г.: Взять, накормить! Оф.: Извольте со мной. П.: Простите? Как странно. Оф.: Будьте любезны... П.: Вы знаете, он всегда спешит. Мы последний раз встретились... Оф.: Да, да... П.: ...на Дмитровке, он тоже торопился...</p> <p>Х.: Голован, что это горит? Г.: Пушной товар. Х.: А... Оф. (за кадром): Отойдите, разойдитесь! С. (за кадром): Куда прешь? Куда?.. С.: Э-э... А ну куда? Пошел отсюда!.. Оф. (за кадром): Куда? Нельзя, нельзя туда. Назад! Нельзя! К.: Пустите. Кто здесь Роман Хлудов? Х.: Пропустите! Хлудов – это я. Г.: Она больна. Она больна. Оф.: Назад! Назад! К.: Из Петербурга бежим. Все бежим, да бежим ... куда? К Роману Хлудову под крыло. К.(за кадром): Все Хлудов, Хлудов ... К.: Даже снится Хлудов. Вот и удостоились лицезреть. Сидит на бочке, а кругом висят мешки, все мешки, да мешки ... зверюга! Шакал! Они идут и всех вас ... К. (за кадром): ...прикончат. Оф. (за кадром): Она коммунистка! Втор. оф. (за кадром): Держи ее!</p>		<p>Офицер уводит поэтессу.</p> <p>Общ.: Хлудов со свитой останавливается.</p> <p>Общ.: Солдат отнимает соболью шкурку у человека в котелке.</p> <p>Ср.: Подходит Крапилин.</p> <p>ПНР. Солдаты жгут вагоны с пушниной. Из толпы беженцев вырывается Корзухина. Ее пытаются удержать Голубков.</p> <p>Кр.: Крапилин слушает.</p> <p>Кр.: Крапилин опускает воротник шинели.</p>
---	--	--

<p>Г. (за кадром): Вы с ума сошли! Пустите меня!</p> <p>Г.: Пустите!</p> <p>Оф.: Назад! Назад!</p> <p>Г.: Ну, какая она коммунистка!.. Она, она – жена Корзухина. Она не отдает себе отчета ...</p> <p>Х.: А это хорошо. Потому – что, ...</p> <p>Х.: ...Когда у нас, отдавая отчет говорят, ни слова правды не добьешься, а? Стоп, стоп ...</p> <p>Корзухина ... пушной товар. Так у этого негодяя еще жена – коммунистка. Случай! Дать его сюда!</p> <p>Оф.: Есть.</p> <p>Х.: Случай ...</p> <p>Т.: Вы Парамон Ильич Корзухин?</p> <p>К.: Да, это я ...</p> <p>Т.: Супруга Ваша, Серафима Владимировна, приехала к Вам из Петербурга.</p> <p>К-н: Простите ...</p> <p>К-а: Слава Богу ...</p> <p>К-н: Эту ж... женщину вижу впервые. Никакой Серафимы</p> <p>Т.: Владимировны...</p> <p>К-н: ...Владимировны, н... не знаю. Никого из Петербурга не жду. Это обман. Что?..</p> <p>Т.: Обман?</p> <p>К-а: Отрекся. Гадина...</p> <p>К-н: Это шантаж.</p> <p>Х.: Искренний человек, а? Ну, ваше счастье, господин Корзухин. Пушной товар! Вон! Ее взять, допросить.</p>		<p>Общ.: Голубков, вырвавшись от офицеров, подбегает к Корзухиной.</p> <p>Кр.: Хлудов.</p> <p>ПНР. Два контрразведчика ведут Корзухина. К ним подходит Тихий.</p> <p>Ср.: Корзухина и Голубков.</p> <p>ПНР. Узловая станция. У горящих вагонов стоят Корзухин, контрразведчики и Тихий. Подходит Корзухина.</p>
---	--	---

<p>Г.: Ваше превосходительство, это недоразумение.</p>		<p>ПНР. Уходит Корзухин. Хлудов встает.</p>
<p>К.: Так точно. Шакал. Как в книгах написано - шакал! Только одними удавками войны не выиграешь. За что ты, мировой зверь, порезал солдат на Перекопе? Попался тебя, впрочем, один человек, женщина, пожалела удушенных, только и всего. Но мимо тебя не проскочишь, не проскочишь! Сейчас ты человека цап – и в мешок! Стервятиной питаешься.</p> <p>Т.: Позвольте убрать его, Ваше Превосходительство?</p> <p>Х.: Нет. В его словах проскальзывают трезвые мысли о войне. Поговори, солдат, поговори.</p> <p>Т.: Доску и мешок.</p> <p>Оф.: Слушаюсь.</p> <p>Х.: Как твоя фамилия, солдат?</p> <p>К.: Фамилия ...</p> <p>К.: Да что, фамилия?... Фамилия у меня неизвестная – Крапилин, вестовой. А ты пропадешь, пропадешь, оголтелый зверь, в канаве. Да ты посиди вот тут на своей бочке. Да нет, сбежишь, сбежишь в Константинополь! Храбер ты только...</p> <p>К. (за кадром): ... женщин вешать да слесарей!</p> <p>Х.: Ты ошибаешься солдат, я на Чонгарскую гать ходил с музыкой. Я два раза ранен.</p>		<p>Ср.: Хлудов и Тихий слушают Крапилина.</p> <p>Кр.: Хлудов молчит.</p> <p>Кр.: Крапилин.</p>

<p>К.: Да все губернии плюют на твою музыку.</p> <p>К.: Прощайте, Ваше Высокопревосходительство. Я все сказал.</p> <p>Х.: Нет, плохой солдат. Ты хорошо начал, скверно кончил. Повесить его, я не могу на него смотреть.</p> <p>Б.: Знамя! Знамя! Знамя вперед!</p>	<p>Начало музыки.</p> <p>Конец музыки.</p>	<p>Ср.: Крапилин опускается на колени перед Хлудовым.</p> <p>Кр.: Хлудов уходит.</p> <p>Ср.: Солдаты накидывают мешок на Крапилина.</p> <p>Общ.: Летит красная конница. Падают убитый знаменосец.</p> <p>ПНР. Впереди полка на коне Баев.</p> <p>Общ.: Летит конный отряд Баева.</p> <p>ПНР. С движен. красноармеец поднимает знамя.</p> <p>Общ.: Падают убитый красноармеец.</p> <p>ПНР. Падают раненый Баев.</p> <p>ПНР. Баев, откинув бурку, встает. Все лицо у него в крови. Пытается идти вперед.</p> <p>Мимо проносится кавалерия. Баев дотягивается до клинка, падает мертвый.</p> <p>Подъезжают бойцы, поднимают Баева.</p> <p>ПНР. С пологого холма спускаются красноармейцы, несущие Баева.</p> <p>Общ.: Весь полк провожает своего командира. В молчании застыл полк у могилы Баева.</p> <p>Общ.: Кавалеристы устремляются в атаку. (реплики неразборчивы).</p> <p>ПНР. Несется с холма красная лава.</p>
---	--	--

<p>Оф.: Разойдись! Дорогу! Разойдись, господа! Дорогу, посторонись, господа! Посторонись! (неразборчиво). Оф.: Оркестр! Главноком.: Здравствуйте, господа. Оф.: Здравия желаем, Ваше высокопревосходительство! Х.: Прошу разрешения рапорт представить</p>		<p>Навстречу – Текинская дикая дивизия. Общ.: Красные все ближе. ПНР. На вспаханное взрывами поле падает девушка, на веревке она тащит козу. Девушка встает, глаза ее полны ужаса, кричит, но слов не слышно в грохоте боя. Общ.: Лавы сближаются, ударяются друг о друга. Ср.: В ужасе кричит девушка, крик ее тонет в скрежете боя. ПНР. в Общ.: В степи вертится огромный смерч из бурок, шинелей, папах и буденовок. Кр.: Девушка опускается на колени. Закрывает ладонями козе глаза. Общ.: Падает убитый белогвардеец. Общ.: Падает убитый красноармеец. Общ.: Падают всадники. Ср.: Девушка в ужасе смотрит на происходящее. Опускается на колени. Общ.: Переворачивается тачанка.</p> <p>ПНР. Узловая станция. Солдаты и офицеры пытаются очистить площадь от беженцев. К перрону идет Хлудов со свитой. Подходит поезд главнокомандующего.</p>
--	--	---

<p>вешал, вешал бы кто, Ваше высокопревосходительство?! Главноком.: Что? Что такое? Х.: Вам нужно немедленно возвращаться в Севастополь. Господа офицеры, главнокомандующий покидает нас. Оркестр! Оф.: По вагонам садись! По вагонам! Оф.: Дорогу, дорогу. А ну, прочь отсюда (неразборчивые реплики).</p>	<p>Начало музыки. Строчит пулемет. Взрыв. Конец музыки.</p>	<p>Главнокомандующий идет к поезду. Хлудов уходит. Сталкивается с Личиком. Офицеры оттаскивают с дороги Личико.</p>
<p>Оф.: Господа офицеры! Х.: Ставку свернуть мгновенно. Крым сдан. Аминь. Немедленно в свои части господа. Станцию защищать всеми средствами. Приказываю, чтобы ни один солдат не остался в живых! Ступайте! Х. (за кадром): Полковник! Полковник! П.: Виноват...</p>	<p>Начало музыки и песни: Артиллеристом я рожден В семье бригадной я учился. Огнем картечи я крещен И буйным бархатом обвился. Э! Юнкеры поют: Идут и поют</p>	<p>ПНР. Узловая станция. С перрона в зал входит Хлудов со свитой. Подходит к собравшимся офицерам. Полковник задумавшись молчит. Уходит полковник. Голован закрывает дверь зала ПНР. Хлудов проходит за стойку и ложится на кровать. Тихий задумавшись стоит у стойки. Общ.: Гимназия. В залитый светом актовый зал входит полк юнкеров, впереди знаменосец.</p>

<p>Оф.: Полк! Стой! К.: Прапорщик! П.: Я! К.: Срывайте кисею! П.: Есть К.: Срывайте, братцы, срывайте! П.: Что здесь происходит? П.: Приказано поднять настроение, господа полковник. К.: Полк! Смирно! Равнение на середину! Господа офицеры! Господин полковник! П.: Здравствуйте, артиллеристы! Ю.: Здравия желаем, господин полковник!!! П.: Несколько часов назад в нашем положении, в положении армии, и я бы сказал в государственном положении Юга России произошли внезапные изменения. Поэтому я объявляю вам: полк распущен! Предлагаю, сняв с себя знаки различия, разойтись и скрыться... К.: Господа офицеры...</p>	<p>Юнкера гвардейской школы! Трубы, литавры, Тарелки звенят! Эх! Горничные! Прачки! Модистки! Кухарки! Пташки – монашки! Графини – букашки! Блондинки! Брюнетки! Субретки! Кокетки! Эх! Вслед юнкерам уходящим глядят!!! Эх! Конец музыки.</p>	<p>ПНР. Прапорщик срывает пыльную кисею с огромного портрета Александра. Входит полковник.</p> <p>ПНР. Капитан и офицеры подходят к полковнику. Общ.: Юнкера становятся в строй. Полковник спускается в зал. За ним – офицеры. ПНР. Полковник идет вдоль строя юнкеров. Общ.: Полковник останавливается перед строем юнкеров. Во время его речи камера переходит с одного лица на другое, прослеживая смену настроений слушателей.</p>
--	--	---

<p>1 оф.: Предательство!</p> <p>2 оф.: Измена!</p> <p>3 оф.: В чем дело?</p> <p>4 оф.: Спокойствие, спокойствие, господа кадеты!</p> <p>К.: Господин полковник, вы арестованы!</p> <p>П.: Молчать! Ну, так вот-с. Коротко. Времени у меня нет, и, уверяю, у вас тоже. Вопрос – кого желаете защищать? Кого желаете защищать, я спрашиваю?</p> <p>К.: Россию.</p> <p>П.: Россия против нас и вы это знаете. Что же остается? Пустота. Гул шагов. Вот этот пыльный император.</p> <p>К.: Но у нас приказ!</p> <p>П.: Чей?</p> <p>К.: Главнокомандующего!</p> <p>П.: Главнокомандующего! Отлично-с! Полк! Становись!</p> <p>П. (за кадром): Смирно!</p> <p>П.: Слушать!</p> <p>П.: Главнокомандующий, позорно бросив нас на произвол судьбы, бежал. Бежал, как последняя каналья и трус. Сейчас в этот момент бежит командующий фронта Хлудов. Через несколько часов мы станем свидетелями катастрофы.</p> <p>П.: Слушайте, дети мои. Я кадровый офицер, вынесший войну с германцами, на свою совесть беру все. Все! Вас посылаю домой! Трубач! Отбой!</p> <p>П.: Ступай.</p>	<p>Трубит отбой молоденький юнкер – трубач.</p>	<p>Общ.: Юнкера, срывая на ходу погону, бросая оружие, покидают зал.</p>
--	---	--

<p>властью, гарантирует сдающимся полное прощение в отношении ...</p> <p>Ф.: ...проступков, связанных с гражданской борьбой“.</p> <p>К.: Стула нема, койку достал.</p> <p>Ф.: Спасибо, товарищи. Садитесь и вы товарищ. Продолжаю, пишите: „...не забывайте, что дело идет о жизни десятков тысяч вовлеченных в борьбу против советской России, людей“.</p> <p>Ф. (за кадром): „В случае отклонения делаемого честного предложения вся вина за бессмысленно пролитую русскую кровь ложится на вас. Командующий Южным фронтом – Михаил Фрунзе“.</p>		<p>Общ.: Подъезжают всадники с железной кроватью, переброшенной через седло.</p> <p>Общ.: Красноармейцы приносят Фрунзе кровать.</p> <p>Ср.: Фрунзе садиться на кровать.</p> <p>Общ.: Идет перегруппировка красной армии.</p>
<p>Х.: Кто там?</p>		<p>ПНР. Узловая станция. По перрону мимо повешенных идут Хлудов, Голован и офицер. Хлудов останавливается под повешенным. На фанере надпись: „Внстовой Крапилин – большевик“.</p> <p>Ср.: Салон-вагон. На столе – множество горящих свечей.</p> <p>ПНР. В пустом салон-вагоне спит Хлудов. Неожиданно он вскакивает, садится. Хлудов встает, выходит в тамбур, распаивает дверь, оглядывает пустой тамбур, возвращается в салон, ложится на</p>

<p>Х.: Есаул! Есаул!</p> <p>Х.: Посмотри, кто это стоит?</p> <p>Г.: Никого, Ваше превосходительство.</p> <p>Х.: Ну, как никого! Иди сюда... сядь! Вон смотри... стоит... видишь? Крапилин.</p> <p>Г.: Виноват, не вижу, никого нет, ваше превосходительство, а Крапилин повешен, не может он стоять.</p> <p>Х.: Так... наверное мне приснилось.</p> <p>Г.: Угу...</p> <p>Х.: Хотя я не спал. Может, я спал, а?</p> <p>Г.: так точно, Ваше превосходительство, спали.</p> <p>Х.: Да, да, ступай. Хотя, постой. А это что?</p> <p>Г.: Книга Библия, Ваше превосходительство. Архиепископ Африкан прислал ее в ставку вашего превосходительства, в подарок. Я докладывал.</p> <p>Х.: Да, да, помню. Ты вот, что... скучно, брат, почитай мне вслух...</p> <p>Г.: Виноват, Ваше превосходительство, я неграмотный.</p> <p>Х.: Ну, хорошо, хорошо. Вот послушай.</p> <p>„Слепые вожди слепых. Если слепой поведет слепого, оба упадут в яму“... о ком сказано?</p> <p>Г.: Не могу знать, Ваше превосходительство.</p> <p>Х.: О нас, о нас, о нас... обо мне...</p>		<p>диван.</p> <p>Кр.: Горят свечи.</p> <p>Ср.: Хлудов лежит, настороженно уставившись в пустоту. Вдруг вскакивает.</p> <p>ПНР. Входит Голован.</p>
---	--	--

<p>Х.: Дай полотенце. Черт, снится всякая ерунда. Вот ты спал, а тебе что-нибудь снилось?</p> <p>Г.: Так точно.</p> <p>Х.: Что?</p> <p>Г.: Виноват, Ваше превосходительство (усмехается), баба снилась...</p> <p>Х.: Счастливый ты человек, есаул. А душа у тебя болит, есаул, когда-нибудь?</p> <p>Г.: Никак нет. Душа не болит. Зубы болят, застудил.</p> <p>Х.: Ступай вон.</p> <p>Г.: Как?</p> <p>Х.: Вон!</p> <p>А.А.: Мадам, каракуль. Партия каракуля...</p> <p>Гим.: Не нужен.</p> <p>А.А.: Отдай!</p> <p>Гим.: Не дам.</p> <p>А.А.: Хлеб.</p> <p>Гим.: Пошел!</p> <p>А.А.: Партия каракуля. О, Мария Константиновна, ничего не удалось сбыть. Осторожнее, ради Бога, тут кругом лошади.</p>		<p>Голован опрометью выскакивает из салона. Хлудов подходит к окну.</p> <p>ПНР. Хлудов выкидывает Библию из окна поезда.</p> <p>Общ.: Севастополь – порт. Порт забит войсками и беженцами. Идет погрузка на последние корабли.</p> <p>ПНР. К гимназисту и девушке подходит Артур Артурович (Прослушиваются лишь отдельные реплики, неразборчиво).</p>
---	--	--

<p>Позвольте, я Вам помогу. Л.: Нет, нет. А.А.: Вашу ножку! О! Л.: Ой! А.А.: Оторвалась...</p> <p>Т.: Вы, по-видимому интеллигентный человек. Г.: (неразборчивая реплика). Т. И я уверен, понимаете, насколько мне важно знать правду. Присаживайтесь. Ведь, о контрразведке распространяют гадкие слухи. На самом деле это учреждение исполняет труднейшую работу по охране государства. Курите, пожалуйста. Г.: Нет, нет, благодарю Вас, я не курю. Т.: Что, Вы боитесь меня? Г.: Да. Т.: Вы волнуетесь, успокойтесь. Г.: Умоляю Вас, скажите мне, что с ней? Т.: С кем? Г.: Ну, Вы же понимаете, что это все -нелепейшая история. Т.: А, ну довольно, довольно изображать из себя приват-доцента. Мне надоела эта комедия, мерзавец! Г.: Что? Т.: Перед кем сидишь? Встать! И так, условимся: ты будешь говорить чистую правду, если ты начнешь врать, слышишь...</p>		<p>Общ.: Сверху. Идет погрузка на корабли. ПНР. Контрразведка. Гурин вводит Голубкова. Навстречу им Тихий.</p>
--	--	--

<p>Г.: Я никогда не лгал...</p> <p>Т.: Ну, ладно, молчи, молчи... Отвечать только на вопросы... Садитесь, пожалуйста. Зачем прибыли в расположение белых? Зачем приехала сюда дама, именующая себя Серафимой Корзухиной?</p> <p>Г.: Ну, я уверен...я знаю, что она действительно Корзухина.</p> <p>Т.: Но Корзухин, при Вас на станции сказал, что это вранье.</p> <p>Г.: Он...</p> <p>Т.: Ну, что?</p> <p>Г.: Он солгал, он просто испугался...</p> <p>Т.: Ну, чего ж это он испугался,... испугался?.. Пишите, я буду диктовать. Так Вам будет легче. Но предупреждаю, если остановитесь, пеняйте на себя. Пишите: „Я, нижеподписавшийя, Голубков Сергей Павлович, на допросе показал...“ двоеточие. ... „Серафима Владимировна Корухина“.</p> <p>Г.: Но она больна, она...</p> <p>Т.: Не останавливаться! „Приехала в район, занятый вооруженными силами юга России для коммунистической пропаганды и связи с подпольем...“</p> <p>Г.: (реплика неразборчивая).</p> <p>Т.: Не останавливаться. „Приват- доцент“. И подпись. Благодарю за чистосердечные показания.</p> <p>Г.: Все это чистейшая ложь (реплика далее неразборчива).</p> <p>Т.: Гурин, выведи на улицу и отпусти.</p>		
--	--	--

		Гурин уводит Голубкова.
<p>Т.: Скунский? С.: А? Т.: Оцените документ! Сколько даст Корзухин, чтобы откупиться? С.: Здесь, у трапа? Т.: Ну? С.: Десять тысяч долларов. В Константинополе – меньше. Советую у Корзухиной получить признание. Т.: Да. Задержите под каким-нибудь предлогом посадку Корзухина на корабль, хотя бы на час. С.: Моя доля?</p>		<p>ПНР. Контрразведка. В ванной Скунский жжет бумаги. Входит Тихий.</p> <p>Тихий показывает два пальца. Скунский начинает спешно собираться.</p> <p>ПНР. Севастополь. У здания контрразведки. Солдаты выводят Голубкова.</p>

<p>Т.: Гурин! Гурин! Хватай ее! Черт возьми! К.: Спасите!</p> <p>К.: (за кадром): Помогите! На помощь! Хоть кто-нибудь! Скорее! Помогите! Помогите! Помогите! Здесь...</p> <p>К.: ... преступление! Спасите! Помогите! На помощь! Т.: А черт! (неразборчиво). К.: Спасите! Помогите! Спасите!</p> <p>Т.: Гурин, вырви у нее документ! К.: Чарнота! Чарнота! Т.: Отними у нее документ. К.: Посмотрите, что они заставили его написать. Т.: ... попрошу немедленно очистить помещение контрразведки! Гурин, зови караул!</p>		<p>ПНР. Контрразведка. Корзухина бежит к окну, подсвечником разбивает стекло. За ней - Тихий.</p> <p>Общ.: К контрразведке подъезжают всадники дивизии Чарноты. Услышав крик, спешиваются, бросаются в здание контрразведки.</p> <p>Ср.: Контрразведка. Тихий и Гурин пытаются оттащить Корзухину от окна.</p> <p>ПНР. В комнату входит Чарнота с офицерами. Корзухина вырывается от Тихого и Гурина.</p> <p>ПНР. Чарнота увозит Корзухину.</p> <p>ОБЩ. Ресторан полон: беженцы из</p>
--	--	--

<p>Д.: (говорит по - французски). М.: (говорит по - французски). П.: „Это было у моря, где ажурная пена, где встречается редко, городской экипаж. Королева играла в башне замка Шопена и, внимая Шопену, полюбил ее паж“.</p> <p>С.: Купите дом, беру любую валюту, можно фальшивыми (реплика плохо прослушивается). К-н: Боже мой! Какая нелепость, почему я здесь сижу? С.: Замолчите, Ваше превосходительство. Дайте слушать. К-н: Но согласитесь, что я в каком – то странном положении. С.: Ах, Боже мой, какой идиот. К-н: Я - товарищ министра, Вы ответите за это. С: Ах, какой тяжелый человек. Официант! Еще бутылку! К-н: Я - в туалет, надеюсь, Вы не против? С.: Семен, проводи. Д.: (говорит по - французски).</p>	<p>Начало музыки Романс</p> <p>Конец музыки.</p>	<p>Петербурга, спекулянты, офицеры на эстраде две девицы – танцовщицы и певец во фраке.</p> <p>К столику подходит дама с шарфом.</p> <p>ПНР. По залу ходит старик во фраке, подходит к столику, где молча сидят Корзухин и Скунский.</p> <p>Один из контрразведчиков, проводив Корзухина в туалет, садится у дверей. ПНР. Корзухин набрасывает крючок на дверь, спускает воду и вылезает в окно. ПНР. Улица Севастополя забита войсками</p>
---	---	---

	<p>Начало музыки.</p> <p>Конец музыки.</p>	<p>и беженцами. Корзухин выбегает из подвала.</p> <p>ПНР. Улица Севастополя. С трудом пробираясь между всадниками и беженцами с узлами и чемоданами, идет Голубков. Останавливается и садится у каменной стены. Смотрит.</p> <p>Общ.: На перекрестке улиц, не обращая внимания на сутолоку, сидя на мостовой, Петька Щеглов печатает на машинке. Поднимает голову, смотрит.</p> <p>Ср.: Смотрит Голубков.</p> <p>Ср.: Улыбается Петька Щеглов и вновь возвращается к своей машинке.</p> <p>Ср.: Голубков в такт машинописи камнем стучит по стене.</p> <p>Ср.: Петька Щеглов печатает на машинке. Подмигивает.</p> <p>Ср.: Ему подмигивает Голубков, поднимается, уходит.</p> <p>Ср.: Петька Щеглов смотрит вслед Голубкову.</p> <p>ПНР. Голубков идет по улице.</p> <p>ПНР. Дворец – ставка. Подъезжает черный лимузин Хлудова. Хлудов идет во дворец.</p> <p>ПНР. Ставка главнокомандующего. Хлудов поднимается по лестнице. Вся ставка заполнена штабными и беженцами.</p>
--	--	---

<p>Х.: А Вы чего здесь торчите? А.: Торчите? Я жду главнокомандующего. Х.: И знаете, чего Вы дождетесь? А.: Чего? Х.: Красных! На корабль! 1 адъют.: Не принимает главнокомандующий. Господа, не при... 2 адъют. (Хлудову) : Вас ждут. 1 адъют.: Господа! Оф.: Спокойно, спокойно...</p> <p>Гл.: Слава Богу, с нетерпением ждал Вас. Х.: Холодно. Гл.: Что? Ну, что? Все ушли? Х.: Конницу по дороге сильно трепали. В общем, можно считать, ушли. А я сам уютно ехал, забился в уголок купе, ни я никого не обижаю, ни меня кто. В общем, сумерки, как в кухне...</p> <p>Гл.: Я Вас не понимаю... о чем Вы говорите. Х.: В детстве это было. В кухню раз в сумерки зашел. Печь. Тараканы на плите. Я спичку зажег, они побежал. Спичка возьми и погасни. Слышу: они лапками шуршат: шур-шур, мур – мур. Вот так и у нас – мгла и шуршание. Смотрю и думаю, куда бегут? Как тараканы, в ведро с кухонного стола – бух!</p> <p>Гл.: Благодарю Вас за все, что Вы с Вашим</p>	<p>Начало колокольного звона, музыки.</p>	<p>На ступеньках сидит Африкан.</p> <p>Беженцы продолжают осаждают адъютанта, не пускающего к главнокомандующему.</p> <p>ПНР. Кабинет главнокомандующего. Хлудов и главнокомандующий.</p>
---	---	--

<p>громадным стратегическим талантом сделали для Крыма и больше Вас не задерживаю. Я сам сейчас переезжаю в гостиницу.</p> <p>Х.: К воде поближе?</p> <p>Гл.: Если Вы не перестанете забываться, я Вас арестую.</p> <p>Х.: Предвидел. В вестибюле - мой конвой, произойдет большой скандал, я популярен.</p> <p>Гл.: Нет, тут не болезнь. Вот уже целый год Вы омерзительным поясничеством прирываете свою ненависть ко мне.</p> <p>Х.: Не скрою. Ненавижу.</p> <p>Гл.: Зависть. Тоска по власти...</p> <p>Х.: Нет, ненавижу за то, что Вы меня вовлекли во все это. Где обещанные союзные рати? Где Российская Империя? Как Вы могли вступить в борьбу с ними, когда Вы бессильны? Вы стали причиной моей болезни. Впрочем, теперь не время, мы оба уходим в небытие.</p> <p>Гл.: Я не держу Вас больше, генерал.</p> <p>Х.: Гоните верною слугу.</p> <p>Гл.: Клоун!</p>		<p>Белый главнокомандующий встает. ПНР. Белый главнокомандующий звонит. Входит второй адъютант. Белый главнокомандующий в сопровождении адъютантов переодевается в форму „союзников“-германцев под наблюдением германского посланника. ПНР. Дворец – ставка. Выходят немцы,</p>
---	--	---

		<p>выносят на носилках „раненого“, все садятся в машину. Машина под конвоем кавалерийской школы отъезжает от Ставки.</p>
<p>Х.: Эй, кто тут есть?</p> <p>Х.: Солдат!</p> <p>Голос (за кадром): Суд! Садись!</p> <p>Голос (за кадром): Суд! Садись! Суд!</p>	<p>Начало музыки.</p>	<p>ПНР. Ставка главнокомандующего. Хлудов выходит из кабинета, слышав пение. Старик-дворецкий (за кадром) поет колыбельную без слов.</p> <p>Общ.: Хлудов в нерешительности стоит в конце анфилады. Старик – дворецкий (за кадром) поет колыбельную.</p> <p>Ср.: В пустой комнате старик – дворецкий заботливо обвязывает сатую мешковиной.</p> <p>Ср.: Хлудов слушает. Старик – дворецкий (за кадром поет). Вдруг Хлудов дергает мешковину, в которую затянута люстра.</p> <p>Хлудов уходит.</p> <p>Общ.: Хлудов закрывает за собой дверь.</p> <p>ПНР. Хлудов подходит к статуе, закутанной в мешковину, развязывает веревку, срывает с нее мешок; входит в кабинет главнокомандующего, опускается на стул.</p> <p>ОБЩ. Белое поле. Под конвоем солдат идет Хлудов.</p> <p>ПНР. От горизонта до горизонта, тянется многокиломерный стол. За столом</p>

<p>Садись!</p> <p>Х.: Не молчи, Капилин! Скажи что-нибудь!</p> <p>Г.: Виноват, но меня обещали допустить к Вам. Все ушли...</p> <p>Г. (за кадром): .. куда – то...</p> <p>Х.: Что Вам нужно?</p> <p>Г.: Я пришел сюда, чтобы сказать Вам о зверских преступлениях, совершающихся в контрразведке, причиной которых является генерал...</p> <p>Г. (за кадром): ...Хлудов.</p>	<p>Конец музыки.</p>	<p>безмолвно и неподвижно сидят солдаты. Хлудов с конвоем спускаются и идут вдоль стола. Появляется Голован с граммофоном. Общ.: Конвой подводит Хлудова к единственному стулу, стоящему перед столом с солдатами. Общ.: Солдат конвоя дает Хлудову знак. Хлудов садится. Кр.: Среди солдат, сидящих за столом – Крапилин Кр.: Хлудов. Кр.: Крапилин молчит.</p> <p>Общ.: Ставка главнокомандующего. В кабинете неподвижно сидит Хлудов.</p> <p>Ср.: Входит Голубков.</p> <p>Общ.: Спиной к двери сидит Хлудов.</p> <p>ПНР. Голубков входит в кабинет.</p> <p>Ср.: Хлудов оборачивается. Кр.: Голубков растерян.</p>
--	----------------------	--

<p>Х.: Это интересно. Позвольте, но ведь Вы - живой. Вы же не повешены, надеюсь? В чем же Ваши претензии? Приятное впечатление производите. Я Вас уже где-то видел. Ну, так будьте любезны, в чем претензия?</p> <p>Г.: Позавчера Вы приказали арестовать женщину...</p> <p>Х.: Помню, помню, да, да, помню, вспомнил, я Вас узнал. Позвольте, а кому Вы хотели тут жаловаться на меня?</p> <p>Г.: Главнокомандующему.</p> <p>Х.: Поздно. Нет его. Ведро с водой. Погрузился в небытие, навсегда. На генерала Хлудова более некому жаловаться. Есаул! Слушай, Голован, возьми конвой и - в контрразведку, там за мной записана женщина. Корзухина?</p> <p>Г.: Серафима Владимировна.</p> <p>Х.: Если она не расстреляна, доставьте ее во дворец.</p> <p>Г.: Что Вы сказали? Если вы это сделали!</p> <p>Х.: Ведите себя как мужчина. Подождем.</p> <p>Г.: Если ее нет в живых, я Вас убью.</p> <p>Х.: Ну, что ж... может быть, это лучший исход, сядь! .. Пойми, солдат, ты попал под колесо и оно тебя стерло, и кости твои сломало. Бессмысленно таскаться за мной, слышишь?</p> <p>Г.: Это Вы мне?</p> <p>Х.: Что?</p> <p>Г.: С кем Вы говорите?</p> <p>Х.: С кем? Сейчас узнаем. Ни с кем, сам с</p>	<p>Начало музыки</p> <p>Конец музыки.</p>	<p>ПНР. Кабинет с Хлудовым.</p> <p>Ср.: Голубков.</p>
--	---	---

<p>собой...</p> <p>Г.: Вы сумасшедший.</p> <p>Х.: Слушайте Вы, ее нет, и не будет.</p> <p>Ее расстреляли.</p> <p>Г.: Подлец!</p> <p>Х.: Сделайте одолжение, стреляйте. Кто она Вам? Любовница?</p> <p>Г.: Нет, случайно встреченный человек, но я люблю ее.</p>		<p>ПНР. Хлудов и Голубков. Хлудов протягивает Голубкову пистолет. Обмен взглядами. Г. не в силах выстрелить.</p>
<p>Х. Расстреляна?</p> <p>Г.: Никак нет.</p> <p>Г.: Что с ней?</p> <p>Х.: Тише. Почему не доставили в таком случае?</p> <p>Г.: Виноват.</p> <p>Х.: Говорите при нем.</p> <p>Г.: Генерал-майор Чарнота ворвался в контрразведку и арестованную, применяя вооруженную силу, отбил и увез.</p> <p>Г.: Куда?</p> <p>Х.: Тише. Куда?</p> <p>Г.: На пароход „Витязь“. В пять „Витязь“ вышел на рейд.</p> <p>Г.: „Витязь“?..</p> <p>Х.: Итак, жива, жива Ваша женщина, Серафима...</p> <p>Г.: Жива.</p> <p>Х.: Есаул, берите знамя, грузитесь на „Святителя“. Идите.</p> <p>Г.: Слушаюсь.</p>		<p>ОБЩ. Ставка главнокомандующего. В кабинет входит Голован.</p> <p>Общ.: Севастополь. Порт забит беженцами</p>

<p>Г.: Хлудов! Хлудов, возьмите меня с собой в Константинополь. Х.: Черт! Какая-то Серафима, Константинополь... Г.: Нам надо спешить. Все уже удрали.</p> <p>П. (за кадром): Ну? Усат.: Так точно. Три гроба, самых дорогих, как приказывали, и катафалк лаковый с...</p>		<p>и войсками. Идет погрузка на последние пароходы. ПНР. Срываясь, падают в ледяную воду беженцы. Пароходы забиты до отказа. Общ.: С парохода выкидывают Артура Артуровича. Беженцы осаждают палубы, трюм. ПНР. Из воды на пароход поднимают на канате упавшую девочку. ПНР. Дворец – ставка. Ждет Голубков. Из дворца выходит Хлудов.</p> <p>Хлудов и Голубков идут. За ними – поэтесса. Ко дворцу подъезжает катафалк с тремя гробами.</p> <p>ПНР. Ставка главнокомандующего. К дверям одной из комнат подходят гробовщик, усатый казак и рябой детина. Гробовщик и детина садятся на диван. Казак стучится в дверь. Ср.: Открывается дверь. На пороге – усатый казак.</p> <p>Общ.: Комнате трое: полковник, капитан и</p>
---	--	--

<p>Усат. (за кадром):...кистями. П.: Ну, а ... этот? Усат. (за кадром): Гробовщик, Ваше благородие, сами здесь, дожидаются. П. (за кадром): Подожди и ты, братец. Усат.: Слушаюсь. П. (за кадром): Хорошо.</p> <p>П.: Теперь я оглашу мой последний приказ по полку: „Солдаты и офицеры! Братья! У нас нет более ничего – ни знамени, ни армии, ни Родины. На мне – тяжкий грех. П. (за кадром): Я искупил его. Да поможет вам Бог пережить русское лихолетье“. Подпись. Мы добровольно избрали этот выход. Это честь, господа.</p> <p>П.: У нас к вам просьба, голубчик. Нужно похоронить трех человек. Гр.: Не сомневайтесь, Ваше благородие, все будет сделано по первому разряду, несмотря на обстановку. Где покойники? П.: Как бы Вам объяснить, хоронить надо нас. Гр.: Кого? П.: Нас. Не обидим, голубчик, щедро заплатим, только честно исполните свой долг. Капитан, дайте деньги. К.: Слушаюсь. Гр.: Пощадите, Ваше благородие. Отпустите, не виновен.</p>		<p>юнкер-трубач.</p> <p>Усатый казак закрывает дверь.</p> <p>Ср.: Полковник. Ср.: Слушают капитан и юнкер– трубач.</p> <p>ПНР. Полковник идет к двери, открывает. Входит гробовщик.</p> <p>Ср.: Гробовщик.</p>
---	--	--

<p>П.: Не бойтесь, голубчик, никто не хочет причинить Вам зла, напротив, Вы получите целое состояние. Ведь, это же Ваша работа?</p> <p>Гр.: Я, конечно, с удовольствием. А...кого хоронить?</p> <p>К.: Болван, кого надо, того и похоронишь.</p> <p>П.: Капитан, прошу без рукосуйства.</p> <p>К.: Виноват, Ваше превосходительство.</p> <p>П.: Нас, голубчик,..</p> <p>П. (за кадром): ...нас: меня и вот этих господ.</p> <p>Гр.: Ясно, согласен.</p> <p>К.: Ты что? С ума сошел, подлец.</p> <p>Гр.: Они небритые. Живым бы побриться, а то потом трудно...</p> <p>Гр. (за кадром): ...будет.</p> <p>К. (за кадром): Не твое дело, заткнись!</p> <p>П.: Обождите за дверью.</p> <p>Гр. (за кадром): Слушаюсь.</p> <p>П.: Проследи, чтобы он все исполнил.</p> <p>Усат.: Слушаюсь.</p> <p>П.: Господа, может, кто передумал?</p> <p>П. (за кадром): Благодарю вас, господа.</p> <p>П.: Капитан от вас разит, как из бочки, стыдно. Приступим.</p> <p>П.: Первый.</p> <p>К.: Второй</p>		<p>Кр.: Жует усатый казак.</p> <p>ПНР. Гробовщик, сняв перчатку, проводит по небритой щеке капитана.</p> <p>ПНР. Полковник молчит.</p> <p>Общ.: Юнкер – трубач и капитан молчат. Полковник подходит, целует капитана и юнкера-трубача.</p> <p>Тянут жребий.</p>
--	--	---

	<p>Конец музыки.</p>	<p>отстреливаются с катеров. Уходят в море последние пароходы Кр.: Командир с Петькй Щегловым в седле устремляется в атаку. Общ.: Падают в воду не успевшие сесть на катера. ПНР. Петька Щеглов в седле у командира. Конница входит в порт.</p>
--	----------------------	---

Вторая серия

<p>Ч.: Не бьется, не ломается, а только кувывается. Не бьется, не ломается... С.: Здравия желаю, Ваше превосходительство.</p>	<p>Начало колокольного звона. Начало молитвы муедзина.</p> <p>Конец колокольного звона.</p> <p>Конец молитвы муедзина.</p>	<p>Общ.: Сверху Константинополь. Ср.: Крыши Константинополя Общ.: На берег Босфора раскинулся Константинополь. Тонкие иглы минаретов тянутся к небу. Общ.: Сверху. Гран – базар и улицы примыкающие к нем.</p> <p>Общ.: Берег Босфора. Неподвижно стоит Хлудов. ПНР. Улицы Константинополя. Уныло бредет Чарнота, торгуясь с лотками игрушками. Проходит мимо русского солдата и кебабщика.</p>
--	--	---

<p>Ч.: Сиди, брат, сиди... а только кувыркается! Не бьется, не ломается, а только...</p> <p>Ч.: Подавись ты своей котлетой! ... кувыркается. Не бьется, не ломается, а ...</p> <p>Ч. (за кадром):... только кувыркается. Не бьется, не ломается...</p> <p>Ч.:...а только кувыркается, не бьется, не ломается...</p> <p>Ч.(за кадром): ...а только кувыркается Пятьдесят пиастров!</p> <p>Ч.: Пятьдесят пиастров! Главное, не ломается, а только кувыркается. Пятьдесят пиастров...</p> <p>Ч.: Пятьдесят пиастров. Пять...мадам, купите красного комиссара для увеселения Ваших детишек..</p> <p>Т.: (говорит по-турецки).</p> <p>Ч.: ...ангелочков.</p> <p>Т.: (говорит по - турецки).</p> <p>Ч.: Не бьется, не ломается, любящая мать, пуркуа, не...не пуркуа, антрэ пур, анфан, анфан... пур,</p>		<p>Кебабщик предлагает ему кебаб (говорит по-турецки).</p> <p>Общ.: Берег Босфора. Неподвижно стоит Хлудов.</p> <p>Общ.: Гран – базар. Чарнота торгует.</p> <p>Общ.: Сверху. На Гран – базаре уже довольно оживлено.</p> <p>Общ.: Чарнота торгует у стены. Рядом пристроились торговцы тряпьем, домашней утварью.</p> <p>Общ.: Торговцы устроились прямо на земле.</p> <p>Ср.: К Чарноте подходит турчанка.</p>
---	--	---

<p>Т.: (говорит по - турецки). Ч.: Э-э...пожалуйста. Т.: (говорит по - турецки). Ч.: Мадам!</p> <p>Ч.: Мадам, мадам, ма...дам. Ну, хорошо, хорошо, хорошо, ну сорок пиастров. Сорок! Ну, как отдать, ну, хорошо, ну тридцать, мадам! Ну, ведь, детишки, ну сволочь! Ведь они же любят игрушки. Ну, ну ... ну, хорошо, двадцать, мадам. Ну, возьми, малышам. Ай! Чтоб ты пропала, у тебя и детей-то никогда не было! Геен зи! Геен зи! Ступай в гарем! Их! Иох, я говорю. Сволочной город!</p> <p>Ч.: Иох пора!</p> <p>Ч.: Мария Константиновна... Л.: Что, Григорий Лукьянович? Человек в светлом костюме.: (говорит по - французски). Л.: Пожалуйста. Ч. Тут такое дельце... нельзя сегодня в кредит на Янычара? Л.: Но, помилуйте, Григорий Лукьянович, я..</p>		<p>ПНР. Тучанка уходит, Чарнота бежит за ней.</p> <p>Чарнота уходит.</p> <p>Общ.: Тараканьи бега. На перекрестке узеньких улочек висится сооружение, напоминающее карусель, – балаган Артура Артуровича. Чарнота останавливается в нерешительности. Ему тут же стараются вручить осленка. Чарнота идет к балагану. ПНР.В окошке кассы – „Личико“ - Мария Константиновна. Подходит Чарнота.</p>
---	--	--

<p>Девушка в синей шляпе: (говорит по - итальянски).</p> <p>Л.: Я не могу...</p> <p>Ч.: Но я же не жулик какой, и не фармазон константинопольский.</p> <p>Л.: Ну...</p> <p>Ч.: Да и не какой-то неизвестный Вам человек.</p> <p>Матрос – итальянец: (говорит по - итальянски).</p> <p>Л.: Пожалуйста.</p> <p>Ч.: Кажется можно бы поверить генералу?</p> <p>Л.: Ну так-то оно так... Григорий Лукьянович, спросите сами Артура Артуовича...</p> <p>Ч.: Артур Ар...</p> <p>А.А.: В чем дело? Кому я понадобился? А чем могу?</p> <p>Ч.: А...а... видите ли, тут такое дельце...</p> <p>А.А.: Нет.</p> <p>Ч.: Ну, это уже хамство, Артур Артурович.</p> <p>А.А.: Ага...так, ведь, я же знаю, что Вы скажете.</p> <p>Ч. Ну, интересно, что?</p> <p>А.А.: Ай, черт!</p> <p>Мужчина извиняется: (говорит по - турецки).</p> <p>Ч.: Интересно, что?</p> <p>А.А.: Гораздо интереснее, что я Вам скажу. Взят.</p> <p>Ч.: Интересно, что?</p>		<p>Ср.: Артур Артурович на карачках ловит сбежавшего таракана. Встает.</p>
---	--	--

<p>А.А.: В кредит – никому!</p> <p>Ч.: Вот сволочь!</p> <p>Мужчина в светлом костюме: (говорит по - немецки).</p> <p>Ч.: Ух, город! Каких я только городов не перевидал, но такого...</p> <p>Л.: А какие Вы видели города, Григорий Лукьянович?</p> <p>Ч.: Да, Господи! Харьков! Ростов!</p> <p>Матрос – англичанин (говорит по - английски).</p> <p>Ч.: А Киев!</p> <p>Ч. (за кадром): Вот так Лавра и пылает: в горах, на Днепре – черторой. Сеном пахнет... и помню,..</p> <p>Ч.: ...какой...</p> <p>Матрос – англичанин: (говорит по - английски)</p> <p>Л.: Пожалуйста.</p> <p>Ч.: ...славный был бой под Киевом. Прелестный был бой. Тепло было, солнышко... тепло, а не жарко...</p>		<p>Чарнота вновь возвращается к окошку кассы.</p> <p>Общ.: Артур Артурович обметает веничком вывеску своего предприятия. На ней написано: „Стой! Сенсация в Константинополе! Тараканьи бега!!!“ (этот же текст повторен на иностранных языках).</p> <p>ПНР. Чарнота, стоя у кассы, рассказывает. Изредка к Личику подходят купить билеты.</p> <p>Личико улыбается.</p>
---	--	---

<p>Ч.: У!...Артур! А.А. (выходя): Что вы так кричите? СР. Ч.: Смотрю я на тебя, Артур, и восхищаюсь. Пожилая дама: (говорит по- французски). Ч.: Вот ты уже и во ...во фраке. Не человек ты, а игра природы – тараканий царь. Ну, и везет тебе! Артур Артурович, я... решил ликвидировать свое предприятие. А.А. (за кадром): Пятьдесят. Ч.: Да ты что, насмешки строишь... я штуку...</p> <p>Ч. (за кадром): ... продаю по пятьдесят. А.А.: Ну, и продолжай. Ч. (за кадром): Вы что же и впредь намерены кровопийствовать? А.А. : Я Вам не навязываюсь.</p>		<p>Кр.: Артур Артурович застыл у входа во фраке и цилиндре.</p>
<p>Ч.: (усмехается): Купи газыри, серебрянные... СР.А.А.: Газыри вместе с ящиком – две лиры пятьдесят. СР. Ч.: На, бери. Моряк – англичанин: (говорит по - английски). А.А.: Пардон, генерал. С.(говорит по - французски), Ч.: Дайте на две лиры пятьдесят, на</p>		<p>Ср.: Тараканьи бега. У окошка кассы – Чарнота.</p>

<p>третий – серый в яблоках таракан – фаворит Янычар!</p> <p>С.: Янычар!</p> <p>А.А.: Номер четвертый – Не плачь, дитя! Пятый и шестой – Пуговица и Хулиган! И так, к началу!</p> <p>А.А. (за кадром): Победил Янычар. А.А. (за кадром): Заезд второй! А.А.: Вызываются те же участники. Начинай! Профессор!</p> <p>С.: Янычар!!! Пожилая дама: (говорит по – фр.).</p> <p>Один из зрителей: Что ты делаешь?!</p> <p>Один из зрителей (за кадром): Что ты делаешь, ты убьешь его!</p>	<p>Начало музыки.</p> <p>Конец музыки.</p> <p>Начало музыки</p>	<p>Кр.: Артур Артурович демонстрирует Янычара. Общ.: Все аплодируют.</p> <p>Наяривает трио. Кр.: Чарнота и старик с нетерпением ждут начала бегов. Кр.: Руки ассистента на тараканьем старте. ПНР. Старт дан. Бегут тараканы. Беснуются зрители. ПНР. Один из тараканов вырывается вперед. ПНР. Зрители неистовствуют. ПНР. Бегут тараканы. Ср.: Все беснуются, спокоен лишь Артур Артурович. ПНР. Тараканы финишируют. Ср.: Зрители аплодируют. Кр.: Артур Артурович.</p> <p>Кр.: Профессор головой ударяет в висящий таз и начинает играть на контрабасе. Общ.: Бегут тараканы. Один из них поворачивает назад. Кр.: Старик, потом – пожилая дама. ПНР. Тараканы бегут к финишу. Общ. сверху: Зрители потрясены поведением Янычара. Кр.: Янычар возвращается к коробке старта. Его смахивают кисточкой.</p>
---	---	---

<p>С. (за кадром): Янычар! Янычар.</p> <p>Ч.(за кадром): Давай Янычар, голубчик, давай!</p> <p>Ж.: Янычар сбоит!</p> <p>Ч.: Быть не может!</p> <p>С.: Артурка пивом напоил Янычара!</p> <p>А.А.: Громче музыку! Боцман! Где вы видели пьяного таракана, я вас спрашиваю? (реплики плохо прослушиваются).</p> <p>А.А. (за кадром): Вон, смотрите: Янычар трезв, как алмаз. Внимание! Янычар! (свистит, реплики неразборчивы).</p> <p>А.А.: Вон как сиганул! Не прикасаться! Мое заведение с разрешения полиции!</p> <p>Ч.: Убить Артурку мало!</p> <p>А.А.: Полиция! На помощь! Ваше, Ваше превосходительство! Янычара, Янычара не раздавите! Беги, Янычар, беги! (реплики неразборчивы).</p> <p>А.А. (за кадром): Беги, Янычар, беги!</p>		<p>ПНР. Янычар бежит к финишу, вдруг останавливается.</p> <p>Ср.: Чарнота срывает пенсне.</p> <p>Ср.: Кипящий страстями котел балагана.</p> <p>Кр.: Янычар лезет на барьер.</p> <p>Янычар спрыгивает с барьера.</p> <p>Ср.: Матросы-итальянцы бьют Артура Артуровича.</p> <p>Ср.: Чарнота влезает на бильярдный стол.</p> <p>ПНР. Завязывается драка. Балаган ходит ходуном. Чарнота добрался до Артура Артуровича.</p> <p>ПНР. Янычар бежит по дорожке.</p> <p>Общ.: Артуру Артуровичу удается вырваться из рук Чарноты. Он ползет к выходу</p>
---	--	--

<p>А.А.: Полиция На помощь! На помощь! (по-фр.). Где вы видели пьяного таракана? Где вы видели? (по- фр.)</p> <p>Л.: На тебе!</p> <p>Ч: Ну, и развелось вас тут. И ты, лысый, туда же?! (реплика неразборчива).</p> <p>Л: Артур! Ах, помогите! Артур! Помогите! Полиция!</p> <p>А.А.: Янычар трезв как алмаз! Ах, ты мясом?</p> <p>Л. (за кадром): Полис!</p> <p>Л: Полиция! Скорей! Скорее! Скорее!</p> <p>А.А: Господа офицеры. Это недоразумение!</p> <p>Я - жертва.</p> <p>Л: Он - жертва!</p> <p>А.А: Джаст э момент. Я! Возьмите их!</p> <p>Негодяи! Сволочи! Мое заведение - самое лучшее в Константинополе!</p> <p>Л: Именно!</p> <p>А.А: В лазарет, Мария Константиновна!</p> <p>Л: Да.</p> <p>А.А: В лазарет.</p> <p>Л: Ах! Артур!</p>		<p>ПНР. Из балагана выбегает Артур Артурович. На улице кипит драка.</p> <p>ПНР. Драка и у кассы. Личико, схватив манекен, устремилась в гущу дерущихся.</p> <p>ПНР. Балаган внутри. Чарнота дерется с матросами.</p> <p>ПНР. На улице продолжается драка. Личико пытается помочь Артуру Артуровичу.</p> <p>Ср.: Дерутся моряки. У входа флегматично сидит старый турок с четками.</p> <p>ПНР. Личико зовет полицейский патруль. Появляется патруль. Патрульный хватает А.А.</p> <p>Общ.: Балаган опустел. На разрушенном биллиарде – Чарнота и мертвый Янычар. В углу – профессор бессмысленно водит</p>
---	--	--

<p>Ч.: Что, брат Янычар, труба нам с тобой? Крышка! А какой прелестный был бой... Я тогда белую бурку выиграл в винт... Ч (за кадром): Белую, белую ,белую, как снег...</p> <p>Ч. (вздыхает): Прелестный был бой, брат Янычар.</p> <p>Т.: Стой! Стой! Здравия желаю... Не узнаете меня? Нет?... Простите, я - Тихий. Чуть не повесил Вас в Крыму... припоминаете? Как Вы невнимательны к людям. Униженно прошу десять минут конфиденциальной беседы, ввиду старого знакомства. К.: Короче. Я отбываю в Париж. Т.: Я Вас не задержу, Ваше Превосходительство.</p>	<p>Конец музыки. Начало молитвы муедзина</p> <p>Конец молитвы муедзина.</p>	<p>смычком по контрабасу</p> <p>ПНР. Летят белые всадники. Впереди на коне Чарнота в белой бурке.</p> <p>Общ.: Тараканьи бега. Балаган внутри.</p> <p>Кр.: Константинополь – порт. Тихо покачиваются на воде суда. Общ.: В порту множество лодок, катеров, маленьких суденышек. Общ.: Из порта открывается общий вид на Константинополь. Кр.: У причала большой пароход. Снуют пассажиры, подъезжают извозчики, кричат торговцы. Здесь и Тихий. ПНР. Подъезжает автомобиль. Выходит Корзухин. Навстречу ему Тихий</p> <p>Они идут к пароходу.</p> <p>ПНР. В каюту входят Тихий и Корзухин.</p>
---	---	--

<p>К.: Я Вас слушаю.</p> <p>Т.: Буду краток. В перспективе -богодельня. Обидно.</p> <p>К.: У меня принцип - в долг никому.</p> <p>Т.: Не прошу. Не в видах гордости, но знаю, с кем имею дело.</p> <p>К.: Садитесь.</p> <p>Т.: Благодарю Вас. Хочу работать.</p> <p>К.: Простите, но Вы мне не нужны.</p> <p>Т.: Нужен...</p> <p>К.: Нет, не нужны.</p> <p>Т.: Э...Нужен, нужен...Позвольте, пояснить. Мною проделана гигантская работа по выяснению политической картины среди эмиграции. Собран материал о многих людях, могущих представить интерес...</p> <p>К.: Простите, а причем же здесь я? Меня это нимало не интересует.</p> <p>Т.: Но, собранные данные мною обработаны в части направления умов, а также особенностей и свойств характеров, и занесены в особую ведомость. Это даст известные гарантии не совершить ошибки при использовании человека.</p> <p>К.: Ну, что ж, это остроумно, но при чем же здесь я? Политика меня не интересует.</p> <p>Т.: Да. Но, однако, ради любопытства... Позвольте зачитать?</p> <p>К.: Ну, что ж... Разве что ради любопытства...</p> <p>Т.: Ради любопытства... Вот к примеру...</p>		
--	--	--

<p>Так... Читаем: „Чарнота. Григорий Лукьянович“. Но за недостатком времени, чтобы не утомить, я буду читать выборочно. Вот, к примеру, - графа „достоинства“:</p> <p>„Помещик. В тысяча девятьсот восемнадцатом году потерял усадьбу и конный завод в Чернигове. Воевал. Теоретически здоров. Хитер. Храбр. Удачлив в карты“. Всего сто семь достоинств. Так. Вот графа – „недостатки“: „Пьет. Вспыльчив. Прямолинеен. Хитер.</p> <p>Т. (за кадром): ... Храбр“.</p> <p>К.: Но... Позвольте, позвольте... Вы только что перечислили эти свойства как достоинства.</p> <p>Т.(за кадром): Так точно. Хитер, храбр - это и достоинства и недостатки, в зависимости от ситуации. Позвольте продолжить?</p> <p>К.(смеется): Благодарю Вас за развлечение, и больше не задерживаю.</p> <p>Т.: Виноват, не уложился. Настоятельно прошу еще д..., три минуты. Вот папка, на обложке написано: „Корзухин Парамон Ильич“.</p> <p>К.: Я?</p> <p>Т.: Так точно, извините, Ваше Превосходительство.</p> <p>К.: Ну, что ж... Это любопытно...</p> <p>Т.: Так, биографию позвольте пропустить, надеюсь Вы ее знаете?</p> <p>К.: Да, я ее знаю.</p>		ПНР. Слушает Корзухин
---	--	-----------------------

<p>Т.: Вот любопытный пункт - политические убеждения. Написано: „Политикой не интересуется“. (смеется) Пардон.</p> <p>К.: Ну, что ж... Это общеизвестно... Не надо быть особенно прозорливым, чтобы...</p> <p>Т.: Да, так точно. Однако, у меня в этом пункте есть сноска.</p> <p>К.: Что?</p> <p>Т.: Сноска.</p> <p>К.: А, сноска...</p> <p>Т.: Так точно, вот она: „Связан с организациями, ставящими целью реставрацию свергнутого строя в России. За последний месяц имел семь неофициальных встреч с заинтересованными лицами...“</p> <p>К.: Это я?</p> <p>Т.: Так точно. Вы. „Через подставных лиц финансирует газету на русском языке“.</p> <p>Весьма...</p> <p>К.: Хватит.</p> <p>Т.: Слушаюсь.</p> <p>К.: Что Вы умеете делать?</p> <p>Т.: Все. Стрелять, варить халву, подковать жеребца, вскрыть сейф, подделать документы, принять роды, написать статью. Петь в хоре. Теноры поют: „Вечерний звон“... Мы поем: „Бом, бом“, они: „Вечерний звон“... Мы поем: „Бом, бом“ – „Так много дум наводит он“ – „Бом, бом“.</p> <p>К.(поет): О юных днях в краю родном</p> <p>Т. (подтягивает): Бом, бом.</p>		
--	--	--

<p>К.: Достаточно. Т.: Простите.</p> <p>К.: Вы меня растрогали. Как Ваше имя - отчество? Т.: Просто Тихий. К.: Вы умный человек, господин Тихий, я подумаю, что для Вас сделать. Мне нужны преданные люди. Попомните, преданные. Т.: Позвольте вопрос, Ваше Превосходительство? К.: Прошу. Т.: Вы сомневаетесь в том, что я бы Вас повесил в случае приказа? К.: Нисколько. В этом я убедился. Т.: Ваше Превосходительство?.. К.: Ешьте, ешьте... Т.: Благодарю Вас...</p> <p>К.: Вы слышали? С.: Так точно. К.: Дайте мне его дело. С.: „Тихий“. К.: „Вдовец. Плоскостопие“.</p> <p>Т.: Виноват. Мы знакомы по Севастополю. Приглядитесь. Я - Тихий. Узнаете? Ну вот и хорошо. Разрешите присесть? Смотрите-ка, совсем не нужные преждевременные</p>		<p>ПНР. Корзухин встает</p> <p>Корзухин уходит, закрыв за собой дверь. ПНР. Корзухин входит в спальню. Его ждет Скунский.</p> <p>Ср.: В каюте, давясь, ест Тихий.</p> <p>ПНР. Гостиничный внутренний дворик. Идет Чарнота. По лестнице поднимается Тихий, подходит к Корзухиной. Корзухина стирает на балконе.</p>
---	--	--

<p>морщины (вздыхает). Сочувствую и понимаю. Потерять все нелегко. Но готов помочь. Поясню недвусмысленно суть предложения. Я Вам даю денег, но естественно, вопрос - что взамен? Отвечаю. Ничего! Клочок бумаги, расписка. Возможно, в неопределенном будущем некоторые мелкие услуги. Подчеркиваю, чисто делового характера. Оцените перспективу. Вы соглашаетесь – вариант первый.</p> <p>Соглашаетесь и получаете все составные части человеческого существования: устрицы, сыр „Шабли“, цветочный одеколон, платья, электрик, рестораны с хорошей обслугой, здоровый желудок, любовь, - по собственному усмотрению. Вариант второй – Вы отказываетесь. Ну, что будет? Уже упомянутые мною морщины, ускоренное старение организма, только чудо может спасти от института проституции. Ну? Предложение остается в силе. Здравия желаю, Ваше Превосходительство.</p> <p>Ч.: Ну, здравствуй, сволочь...</p> <p>Т.: Удивлен Вашим крайним обхождением. Хотя мое предложение распространяется также и на Вас. Подумайте, я, ведь, не тороплю.</p> <p>Ч.: А чего ж думать...</p> <p>Т.: Я официальн... Я официальное лицо, я уполномочен Лигой Борьбы. Осторожно!</p>		<p>Ср.: Чарнота поднялся по лестнице.</p>
---	--	---

<p>Лестница! О, черт! Чуть не утоп!</p>		<p>Чарнота опускает голову Тихого в лоханку со стиркой. Тихий захлебывается. Чарнота скидывает посетителя с лестницы. Серафима продолжает стирать. Чарнота заходит в дом.</p>
<p>Л. (за кадром): А, здоровья желаю, Ваше превосходительство! Ч.: Здравствуй, Люсенька... Л.: Чего же так рано? Я бы на Вашем месте прошлялась бы до ночи, тем более, что дома скучно, ни провизии, ни денег. Пожалуйста деньги. Ч.: Люсенька, произошла катастрофа. Л.: Где газыри? Ч.: Я их про..., продал, продал, то – есть хотел продать. Хотел продать – положил в ящик. А ящик оставил на гран-базаре... и... Л.: Украли? Ч.: Да... Л.: Тогда вот что... ты знаешь, Гриша, кто ты таков? Ч.: Кто? Л.: Последний подлец. Ч.: У... как тебе не стыдно. Л.: Не стыдно. Ч.: Как тебе не стыдно? Л.: Не стыдно...</p>		<p>ПНР. Гостиничный номер. В комнату несмело входит Чарнота. Подходит к Люське.</p>

<p>Л. (за кадром): Потому что ящик был куплен на мои деньги. Ч. (за кадром): Ты мне жена... Ч.: ... и у нас общие деньги Л.: У мужа - от торговля чертями, а у жены - от торговли совсем другими вещами. Ч.: Что ты сказала? Л.: Брось валять дурака. На прошлой неделе я с французом псалмы ездила петь? Кто-нибудь спросил...</p> <p>Л. (за кадром): ... откуда у меня эти пять лир. Мы на эти деньги неделю жили. Ты, я и Серафима! К.: Люся...</p> <p>Л.: Подслушивать тебя как будто не к лицу...</p> <p>Л. (за кадром): ... Серафима Владимировна. К.: Ты не беспокойся, Люся, я отработаю... Л.: Пожалуйста, без благородства. Завтра хозяин турнет нас из гостиницы, жрать нечего, все продано. Это он довел меня. Ну, отвечай – проиграл? Ч.: Проиграл... Л.: Эх, ты... Ч.: Ты пойми мое положение! Ну, не могу я торговать чертями, я воевал. Ты была с французом, а? Врешь, врешь... Л.: Пойди ты от меня к черту...</p>		<p>Ср.: В комнату незаметно для спорящих входит Корзухина</p> <p>Ср.: Чарнота. Кр.: Корзухина.</p> <p>Ср.: Чарнота и Люська.</p> <p>Кр.: Корзухина.</p> <p>ПНР. Люська и Чарнота.</p> <p>Ср.: Люська подходит к Корзухиной.</p>
---	--	--

<p>Л.: Ты моим словам не обижайся. Я не евши сидеть не буду, у меня принципов нету. К.: А я за чужой счет питаться не хочу. Л.: Брось... он револьвер...</p> <p>Л. (за кадром): ... продаст. Ч.: Ну, нет, штаны продам, все продам, а только не револьвер, я без револьвера не могу. Л.: Он тебе голову заменяет. Ну, и питайся на женский счет. Ч.: Люська...</p> <p>Ч. (за кадром): ... ты меня не искушай. Л.: Вот только тронь меня пальцем, отравлю ночью! (Корзухиной:) Что ты там затеваешь? К.: Ждите меня, только, пожалуйста, без драки.</p> <p>Ч.: Сим... Л.: Сима! Сима!</p> <p>Л.: Симка, куда ты?! Вернись! Серафима! Сима! Серафима, вернись!</p> <p>Л. (рыдая): Симка! У, гнусный город! У, клопы! У, Босфор! А ты...</p>		<p>ПНР. Чарнота опускается в кресло.</p> <p>ПНР. Чарнота сидит в кресле.</p> <p>ПНР. Корзухина идет за ширму, надевает жакет и шляпу.</p> <p>Корзухина уходит.</p> <p>Ср.: Люська подбегает к окну. ПНР. По улице мимо уличных парикмахеров идет Корзухина. Люська кричит из окна.</p> <p>ПНР. Гостиничный номер. Люська кидается за ширму, начинает собирать вещи.</p>
---	--	---

<p>Л. (за кадром): Ненавижу я тебя, и себя, и всех эмигрантов. Изгой чертовы! Ненавижу!</p> <p>...</p> <p>Ч.: Замолчи...</p> <p>Л. (рыдая): Все. Выпила я свою Константинопольскую чашу. Довольно.</p> <p>Л.: Прощайте, Григорий Лукьянович! Совместная наша жизнь кончена. Желаю вам всего хорошего.</p> <p>Ч.: Куда ты?</p> <p>Л.: В Париж.</p> <p>Ч. (смеется): В Париж! (стонет.)</p> <p>Л.: В Париж! Пшел...</p> <p>Ч. (За кадром): ...Вон.</p> <p>Женщина (за кадром): (реплика неразборчива).</p> <p>Ч. (за кадром): А мне куда податься?...Я..</p> <p>Ч.: В Мадрид что-ли? Испанский город, не бывал, но пари могу держать, что дыра! У! Проклятый...</p> <p>Ч. (за кадром): ...город!</p>	<p>Начало музыки</p> <p>Выстрелы</p> <p>Начало молитвы муедзина</p>	<p>Кр.: Чарнота, вобрав голову в плечи, молчит.</p> <p>Ср.: Люська одевается за ширмой.</p> <p>ПНР. Константинополь. По улице идет Корзухина.</p> <p>ПНР. Гостиница – номер. Люська, уже хорошо одетая, подходит к Чарноте.</p> <p>Общ.: Чарнота выходит на балкон.</p> <p>Чистильщик сапог (за кадром) говорит по – турецки.</p> <p>ПНР. Внизу на тротуаре мальчишки – чистильщики. Они уходят.</p> <p>Чарнота стреляет из револьвера.</p> <p>Общ.: Константинополь. Крыши и минареты.</p> <p>Ср.: Чарнота палит из револьвера.</p> <p>Ср.: Облупившиеся, ветхие здания залиты солнцем. Вдали – игла минарета.</p> <p>Ср.: Стреляет Чарнота.</p> <p>Общ.: Сверху. Константинополь. Гран –</p>
--	---	--

<p>П-Э: Спасибо, генерал... Ч.: А...</p>	<p>Конец молитвы муедзина. Начало колокольного звона</p> <p>Конец колокольного звона</p>	<p>базар. Общ.: Россия. Зимний лес весь в инее. Вдали блестит купол монастыря. Общ.: Через ветки деревьев – блестит на солнце крест колокольни. Общ.: Из-за сугробов виден лишь купол монастыря. Общ.: Сквозь ветви деревьев виден монастырь. Кр.: Константинополь. На улице, задумавшись, стонет Чарнота. Кр.: Уличный факир глотает огонь. Кр.: Чарнота уходит. Общ.: Чарнота помогает русскому офицеру и возчику, придерживает гроб; за гробом идут вдова и профессор-эмигрант.</p>
	<p>Начало музыки.</p>	<p>ПНР. Константинополь. Корзухина проходит к стене, где в ожидании клиентов стоят женщины, занимает место рядом со скучающей девицей. Матрос-англичанин что-то объясняет женщине (говорит по-английски) (реплики неразборчивы). Кр.: Улица Константинополя. Обезьяна ест помидор. Чарнота, сглотив слюну, уходит. ПНР. Корзухина плачет, стоя у стены. ПНР. Другая улица, другая стена. Просят милостыню нищие (говорят по-турецки). Чарнота плачет, садится рядом с нищими, просит милостыню у проходящего богатого турка.</p>

<p>Б.т.: (говорит по-турецки). Ч.: Подайте, ну...я генерал, я жрать хочу... ну, подайте...</p> <p>Ч.: Перестань, перестань душу...</p> <p>Ч.: ...тянуть! А, приват-доцент?!</p> <p>Г.: Я...</p> <p>Ч.: Ну, здорово. Здравствуй! Постарел ты, а мы думали, ты там остался... где ж ты пропал?</p> <p>Г.: Полгода в лагерях, потом тифом болел...</p> <p>Ч.: Ага...</p> <p>Г.: А теперь вот по Константинополю... Григорий Лукьянович, я Вас ищу. Помните, из Крыма с вами уезжала Серафима Владимировна...</p> <p>Ч.: Да, да...</p> <p>Г.: Она была больна...</p> <p>Г.: Что, умерла?</p> <p>Ч.: Нет, нет... она поправилась, живехонька. Тут она...</p> <p>Г.: Где она?</p> <p>Ч.: Тут, недалеко... скоро придет. А... на перу она пошла.</p> <p>Г.: Куда?</p> <p>Ч.: Мужчину ловить... на перу! Ну, чего ты выпятился, доцент, подышаем мы с голоду. Добегались, Сережа, до ручки. Вот сегодня не выдержала – пошла на перу.</p>	<p>Конец музыки</p>	<p>Богатый турок уходит, ругаясь (говорит по-турецки).</p> <p>Чарнота подбегает к шарманщику. Ср.: Чарнота кидается на шарманщика. Тот оборачивается. Это – Голубков.</p> <p>Общ.: Турки у стены просят милостыню: (говорят по-турецки).</p>
---	---------------------	--

<p>Г.: Как же так? Ч.: В первый раз пошла... а меня чего-то в Мадрид кидает... Снился мне всю ночь Мадрид.</p> <p>Ч.: Ты куда, доцент? Обожди, Сережа, приват...</p> <p>Ч.: Пardon. Нашел... Г.: Где? Ч.: Быстро, сюда! Ч.: Быстрее! Ч.: Стой! Г.: Что? Ч.: Держи шарманку! Г.: Да.</p> <p>П.-э.: Здравствуйте, Сергей Павлович. Г.: А? Здравствуйте, профессор. Ч.: Здравствуйте. Идем... Г.: Сейчас. Будьте любезны, постерегите эту вещь. Ч.: Идем быстрее!</p>		<p>Голубков уходит. ПНР. Чарнота идет за Голубковым.</p> <p>Кр., с движ.: Корзухина, глядя в одну точку, молча едет в экипаже с полным клиентом. ОБЩ. На перекрестке улиц с шарманкой стоит Голубков. К нему подбегает Чарнота (реплики плохо прослушиваются).</p> <p>Чарнота и Голубков прячутся за угол. Проезжает экипаж. В нем - Корзухина и грек-сладострастник. Чарнота и Голубков бегут за экипажем. Общ.: По улице бегут за экипажем Чарнота и Голубков. ПНР. По улицам проезжает экипаж. За ним бегут Чарнота и Голубков. На углу на мостовой сидит профессор-эмигрант.</p> <p>ПНР. К кофейной Ставраки подъезжает экипаж. Грек-сладострастник помогает Корзухиной сойти с экипажа и ведет ее в кофейню. Грек-сладострастник берет ключ у Ставраки, ведет Корзухину вверх, на смену спускающейся паре.</p>
--	--	--

<p>Г.-с. (говорит по-гречески).</p> <p>Ч. (за кадром): Быстрее, доцент, быстрее!</p> <p>Ч.: Что тебе, что? Стой!</p> <p>Г.: Вы не видели, здесь двое?</p> <p>Ч.: Да пошла ты!</p> <p>Дев. в лил. (говорит по-франц.)</p> <p>Ч.: Туда наверх! Быстрее! Быстрее, ну!</p> <p>Г.: Здесь заперто.</p> <p>Ч.: Ну-ка, доцент, пусти.</p> <p>К.: А, Григорий Лукьянович! Позвольте, я познакомлю вас.</p> <p>Г.-с. (говорит по-греч.).</p> <p>Г.-с.: Мило, очень мило...</p> <p>Г.: Вон отсюда!</p> <p>Г.-с.: Я попал в мухоловка.</p> <p>Г.: Убирайся!</p> <p>Г.-с.: В мухоловка! В притон! Возьми, возьми кошелек! У меня жена, дети, магазин!</p> <p>Г. (за кадром): Убирайся! Забирай свои покупки.</p> <p>Г. (за кадром): Убирайся вон!</p> <p>Г.-с. (за кадром): Мухоловка! Притон (по-греч.).</p> <p>Г. (за кадром): Вон!</p> <p>Ч.: Господин грек... (чихает).</p>	<p>Начало музыки.</p>	<p>ПНР. В кофейню вбегают Чарнота и Голубков. У дверей – девица в лиловом. (реплики неразборчивы).</p> <p>Ср.: Чарнота и Голубков врываются в комнату.</p> <p>Общ.: В комнате грек-сладострастник суетится у стола. В глубине у окна – Корзухина.</p> <p>ПНР. Голубков подходит к греку-сладострастнику.</p> <p>Голубков ударяет грека-сладострастника, хватает стул, замахивается. Грек-сладострастник отскакивает с визгом.</p> <p>Кр.: Корзухина закрывает глаза.</p> <p>Ср.: У двери грек-сладострастник натывается на Чарноту. Тот отбирает у грека покупки: хлеб, мясо...</p>
--	-----------------------	---

<p>Г.-с.: Ауфидерзеен! Ой!</p> <p>Г.-с.: О, Стамбул! Стамбул! Стамбул! (по-греч.) (Чихает).</p> <p>Г.: Я и бежал, и плыл, только чтобы найти тебя. Был в больнице, голова моя была обрита. Что ты здесь делаешь? Отвечай!</p> <p>К.: Кто дал Вам право упрекать меня?</p> <p>Г.: Я люблю тебя...</p> <p>Ч.: Авероф. Форев... Форева!</p> <p>К.: (вставая) Простите меня.</p> <p>Пож.чел. (говорит по-тур.).</p>		<p>ПНР. Грек-сладострастник бежит по лестнице; выбегает на улицу. В дверях сталкивается с девицей в лиловом.</p> <p>Кр.: Корзухина.</p> <p>Ср.: Чарнота поглощает провизию, принесенную греком-сладострастником.</p> <p>ПНР. Голубков, ползая по полу, ищет очки. Корзухина поднимает их, помогает одеть. Голубков целует руки Корзухиной.</p> <p>Ср.: Ест Чарнота.</p> <p>Ср.: Голубков и Корзухина.</p> <p>Ср.: Чарнота жует и разглядывает рисунки на стене.</p> <p>ПНР. Голубков и Корзухина молча сидят. Корзухина выходит из комнаты.</p> <p>ПНР. Корзухина спускается по лестнице. Садится на ступени, плачет. К ней подходит пожилой человек.</p> <p>Корзухина вскакивает, выбегает из кофейной.</p>
<p>Ч.: Пойдем, доцент...</p> <p>Г.: Благодарю вас, Александр Николаевич.</p>	<p>Начало музыки.</p> <p>Конец музыки.</p>	<p>ПНР. Кофейня. Чарнота и Голубков спускаются по лестнице.</p> <p>ПНР. Улица Константинополя. К профессору – эмигранту подходят Голубков и Чарнота.</p>

<p>Домой пора. П.-э.: Пора... Ч. (девице): Не надо. Г.: Да, всего доброго. Спасибо. П.-э.: До свидания. Ч.: Возьмите чебуреки... П.-э.: Благодарю вас. Ч.: Прощайте.</p> <p>Г.: Здесь.</p> <p>Ч.: Ну, здравствуй, Хлудов. Х.: Здравствуй, Григорий Лукьянович. Ч.: Ты, я вижу, теперь - человек штатский, вроде меня. Х.: Ну, что? Нынче опять безрезультатно? Г.: Нет, сегодня нашел... Ч.: Нашел.</p> <p>Г.: Хлудов, у меня к тебе просьба. Только ты теперь можешь мне помочь... найди ее... Х.: Где? Г.: Не знаю... где хочешь... Здесь, в городе, найди. Накорми и не отпускай, пока я не вернусь. Х.: А ты? Г.: Я поеду в Париж и найду Корзухина. Он должен ей помочь. Это он погубил ее . Только не отпускай. Х.: От меня не уйдет, недаром говорил один</p>	<p>Начало музыки.</p>	<p>Чарнота и Голубков уходят. ПНР. Корзухина бежит по улице. Кричит точильщик (по турецки). ПНР. По улице, ведущей к Босфору, идут Чарнота и Голубков. ПНР. Берег Босфора. Голубков и Чарнота подходят к Хлудову.</p> <p>Общ.: Мальчишки – турчата крутят шарманку Голубкова. ПНР. на всех стоящих у обрыва.</p>
--	-----------------------	---

<p>вестовой – „мимо тебя не проскочишь“. Помяни Господи... На, продашь в случае крайности. Ч.: Поеду-ка и я с тобой. Куда-то ехать, ехать надо. Думал, - в Мадрид, да Париж, вроде, как бы пристойнее. Г.: Пора. Ч.: В Париж, так в Париж...</p> <p>Ч.: Давай на тачанке.</p> <p>Ч.: Э... с добрым утром, господа нищие. Как</p>	<p>Конец музыки.</p> <p>Начало музыки.</p>	<p>Ср.: Хлудов. Затем передает Голубкову медальон. Ср.: Чарнота.</p> <p>ПНР. Париж. Утро. Общ.: Крыши домов Общ.: Латинский квартал. Общ.: Безмолвны спящие кварталы Парижа ПНР. Чарнота и Голубков, оборванные и голодные, идут по одной из парижских улиц. Кучер отгоняет их. Общ.: По улице идут беседея (говорят по-фр.) две дамы. Навстречу им Голубков и Чарнота. Все четверо шарахаются от проезжающего мимо автомобиля. ПНР. Чарнота и Голубков проходят мимо влюбленной пары, догоняют экипаж. Общ.: Чарнота и Голубков едут, примостившись на задке экипажа. Общ.: Набережная Сены. Чарнота и Голубков спускаются к воде. Под мостом спят нищие.</p>
--	--	---

<p>говорится бон суар! Г.: Бон жур! Ч.: О... бон жур! Позвольте представиться – генерал-майор Чарнота... Ч.: Подожди. Э... пардон! С.-н.: (говорит по-фр). Ч.: Э... бон жур... С.-н.: (говорит по-фр.). Ч.: Видите ли, какое дельце, не одолжите ли штаны взаимнообразно? Н.: (говорит по-фр.). Ч.: Ну, Голубков, переведи. Г. переводит (говорит по-фр.). С.-н. отказывается: (говорит по-фр.). Г.: Пойдем, пойдем. Ч.: Э... этого следовало ожидать. Ну, что же, попытаем счастья в дезабелье.</p> <p>Ч: Желаю вам хорошей милостыни, господа нищие! Я еще вернусь!</p> <p>Х.: Ночью будет еще один пароход из Марселя. Я Вас разбужу. К.: Долго мы будем ходить так? Это бессмысленно. Они не вернуться. Х.: Я Вас разбужу. К.: Хорошо. До свидания. Х.: До свидания. К.: Роман Валерьянович! Роман</p>	<p>Конец музыки</p>	<p>Общ.: Навстречу Чарноте и Голубкову старик-нищий.</p> <p>ПНР. Голубков и Чарнота проходят под мостом.</p> <p>ПНР. Комната Хлудова и Корзухиной в отеле. Входят Хлудов и Корзухина.</p>
--	---------------------	---

<p>Валерьянович! Отпустите меня, я не могу больше здесь, пожалуйста. Я измучилась, я не сплю. Я Вас боюсь! Я ненавижу Вас. Отпустите меня.</p> <p>Х.: Я продал перстень, деньги есть, я приглашаю Вас.</p> <p>Человек во фраке (за кадром): конная группа казаков – джигитов...</p> <p>КР. Человек во фраке: ...под руководством эсаула Голована!</p>	<p>Начало музыки.</p> <p>Конец музыки.</p>	<p>ПНР. Цирк. По арене бешено несется донской жеребец. Всадник выполняет один из элементов джигитовки.</p> <p>ПНР. Лошадь бешено скачет по кругу. Голован пролезает у нее под брюхом.</p> <p>Ср.: В ряду зрителей – Хлудов и Корзухина.</p>
<p>Х.: Есаул Голован! Есаул!</p> <p>Г.: Я, Ваше превосходительство!</p> <p>Х.: Крапилина ко мне!</p> <p>К.: Что с Вами, Роман Валерьянович?</p> <p>Х.: Крапилина!</p> <p>Г.: Слушаюсь! ... Вы, что Ваше превосходительство, белены объелись...</p> <p>Г. (за кадром): А?</p> <p>К.: Пожалуйста...</p> <p>Х.: Да.</p> <p>Х.: Все, все они здесь, все... все вокруг меня – я примирился. Одно мне непонятно – ты? Как отлепился ты от длинной цепи мешков и фонарей, как ушел от вечного покоя? Ведь вас было много, ты был не один. А... помяни, помяни...</p>		<p>ПНР. Голован прерывает представление.</p> <p>Кр.: Хлудов.</p> <p>Кр.: Хлудов и Корзухина.</p> <p>ПНР. Представление продолжается.</p> <p>ПНР. Хлудов бормочет себе под нос</p> <p>ПНР. Бешено мчатся лошади по кругу.</p>

<p>Х.: Скажи что-нибудь, солдат, не молчи!</p> <p>Х.: А потом, что было? Просто мгла, ничто – зной... Аты, ловец, в какую даль за мной проник, и вот поймал меня в мешок.</p> <p>К.: Опять...</p> <p>Х.: Что такое?</p> <p>К.: С кем Вы говорите?</p> <p>Х.: Ни с кем. Просто, у меня есть манера бормотать во сне. Я спал.</p>	<p>Конец музыки.</p> <p>Начало музыки и хора. Слова неразборчивы.</p> <p>Конец хора. Начало музыки.</p>	<p>Кр.: Хлудов.</p> <p>ПНР. Белое поле. Мимо бесконечных цепей солдат едет телега. На ней – Хлудов. За ним несут гроб.</p> <p>Общ.: С лестницы спускается палач.</p> <p>Общ.: У воды сидит Крапилин.</p> <p>ПНР. Телега с Хлудовым объезжает цепи солдат.</p> <p>Общ.: Встает Крапилин, идет по воде.</p> <p>Общ.: Телега с Хлудовым подъезжает к виселице.</p> <p>Общ.: Хлудов сходит с телеги, пододит к воде.</p> <p>Общ.: Навстречу ему Крапилин. Оба останавливаются.</p> <p>Кр.: Хлудов.</p> <p>Кр.: Крапилин.</p> <p>Кр.: Крапилин молчит.</p> <p>Общ.: Крапилин накидывает на него мешок.</p> <p>ПНР. Цирк.</p> <p>ПНР. Голован выполняет сложные трюки.</p> <p>Кр.: Хлудов.</p> <p>ПНР. Голован заканчивает трюк.</p> <p>ПНР. Вскрывает Хлудов. Его останавливает Корзухина.</p>
---	---	---

<p>Ч.: Слушай, дай штаны. Г.: А как же я? Г.? Да, действительно. Иди, я подожду.</p> <p>К.: Антуан!</p> <p>К.: Да, вы кажется ничего не поняли, Антуан? А. (за кадром): Так точно, Парамон Ильич, не понял. К.: Как „так точно“ по-французски? А. (за кадром): Не могу знать, Парамон Ильич. К.: Да Вы лентяй, Антуан. Что Вы делаете в настоящую минуту? А. (за кадром): Жо... К. (за кадром) Же, Антуа, Же... СР. А.: Жо... К. (за кадром): Же... А.: Жоп... К.: Же... А. (за кадром): Же... ножи чищу, Парамон Ильич. К.: Как „ножи“ по-французски?</p>	<p>Конец музыки.</p>	<p>фр.). ПНР. Чарнота и Глубков подходят к особняку Корзухина. Увидав даму, Чарнота прикрывает кальсоны газетой. Дама делает ему замечание.</p> <p>Голубков уходит. Чарнота садится на ограду, ждет.</p> <p>Ср.: Особняк Корзухина. Корзухин вяжет. Общ.: Входит Антуан. В одной руке у него – зонт, в другой – боты. Ср.: Корзухин изумлен.</p> <p>Кр.: Корзухин продолжает вязать.</p> <p>Ср.: Антуан. Ср.: Корзухин.</p>
--	----------------------	---

<p>А.: Ле куто?</p> <p>К.: Правильно. Учитесь, Антуан, учитесь... принять...</p> <p>К. (за кадром): Я дома.</p> <p>А.: Есть!</p> <p>А.: Господин Голубков.</p> <p>К. (за кадром): Чем могу быть... полезен?</p> <p>Г.: Вы... Вы не узнаете меня? Мы с Вами встречались год назад в Крыму, на станции, когда схватили Вашу жену. Серафима Владимировна теперь в Константинополе. Она на краю гибели...</p> <p>К.: На краю чего? Простите, во-первых, у меня нет никакой жены, да и станции я не припоминаю...</p> <p>Г.: Вы не помните мороз во время взятия Крыма?</p> <p>К.: К сожалению, не помню. Вы изволите ошибаться.</p> <p>Г.: Вы - Корзухин. Вы были в Крыму. Я Вас узнал.</p>	<p>Звонок в передней.</p> <p>Начало музыки.</p> <p>Конец музыки.</p>	<p>Ср.: Антуан ждет дальнейших приказаний. Антуан выходит в переднюю.</p> <p>Ср.: Корзухин прячет вязание.</p> <p>Общ.: Входит Антуан, за ним – Голубков.</p> <p>Ср.: Голубков. ПНР. на комнату.</p> <p>Ср.: Корзухин.</p> <p>Ср.: Голубков.</p> <p>Ср.: Корзухин.</p> <p>Кр.: Голубков.</p>
<p>К.: Действительно, я некоторое время проживал в Крыму, когда там бушевали эти полоумные генералы... но, видите ли, я тогда же уехал из России. И никаких связей с ней не имею, и иметь не намерен. Должен Вам сказать, что в моем доме проживает, в</p>		<p>ПНР. Особняк Корзухина. Корзухин подходит к Голубкову, садится в кресло.</p>

<p>качестве секретаря, русская эмигрантка. Это существо настолько тронуло мое сердце, что я намерен вскоре на ней жениться, и поэтому всяческие разговоры о какой-то, якобы имеющейся у меня жене, мне неприятны.</p> <p>Г.: Я понял, она Вам мешает. Что ж, очень хорошо... пусть она Вам не жена, так даже лучше. Но надо вырвать ее из нищеты. Ну, дайте мне займы тысячу долларов. Я Вам свято верну. Я отработаю, я поставлю это целью своей жизни. Я...</p> <p>К.: Я так и предполагал, что разговор о мифической жене приведет именно к долларам. Тысячу, я не ослышался?</p> <p>Г.: Тысячу...</p> <p>К.: Скажите, я похож на сумасшедшего?</p> <p>Г.: Нет, скорее я похож на сумасшедшего.</p> <p>К.: В таком случае, господин Голубков, я думаю, что Вы не будете настаивать на том, чтобы я отдал незнакомому человеку тысячу долларов.</p> <p>Г.: Нет, я не буду настаивать. Но я хочу Вам сказать, что Вы - самый страшный человек, какого я когда-либо встречал. Прощайте.</p> <p>А.(за кадром): Женераль Чарнота...</p> <p>Ч. (за кадром): Парамон, родной!</p> <p>Ч.: Парамон!</p>		<p>Голубков уходит.</p> <p>ПНР. В гостиную Чарнота за руку втаскивает Голубкова. Чарнота подходит к Корзухину, страстно целует его.</p> <p>Ср.: Антуан.</p> <p>Кр.: Чарнота целует испуганного Корзухина.</p>
---	--	---

<p>Ч. (за кадром): Парамон, дорогой!</p> <p>Ч.: Здорово, Парамоша!</p> <p>К.: Мм.. мы разве встречались?</p> <p>Ч.: Да ты что, Парамон, гредишь? А Севастополь?</p> <p>К.: Да, да, как же, как же, как же...</p> <p>Ч: Парамон...</p> <p>К.: На брудершафт мы пили?</p> <p>Ч.: Да уж коли встречались, так наверное пили.</p> <p>К.: Простите, Вы кажется в кальсонах?</p> <p>Ч.: А почему это тебя так удивляет? Я, кажется, не женщина, коей этот вид одежды не присвоен.</p> <p>К. (за кадром): Так Вы что же, так и по Парижу шел?</p> <p>Ч.: Да нет, по Парижу я шел в штанах. А в передней у тебя снял. Ну, что за дурацкий вопрос, Парамон. Ну, что с тобой, Парамоша? Твои соотечественники, которые за тебя же боролись с большевиками, стоят перед тобой, а ты, ты им отказываешь в пустяковой сумме... да ты представляешь, что в Константинополе Серафима голодает.</p> <p>К. (за кадром): Я полагаю, эта тема исчерпана.</p> <p>Ч.: Ну, Парамон! Я грешный человек нарочно бы записался к большевикам, чтобы тебя расстрелять. Расстрелял бы, и мгновенно обратно выписался. Постой, что это такое? Карты? Ты что играешь в карты?</p>		<p>Ср.: Антуан. ПНР. Чарнота снова целует Корзухина. Корзухин отплеивается.</p> <p>Ср.: Чарнота утирает слезы.</p>
---	--	--

<p>К. (за кадром): Да, представь, в девятку, и очень люблю.</p> <p>Ч.: Ну, так сыграй со мной?</p> <p>К.: Я, видите ли, люблю играть на наличные.</p> <p>Ч.: Голубков, иди-ка...</p> <p>Ч. (за кадром): ... сюда. Дай мне хлудовский медальон.</p> <p>Г. (за кадром): На.., а я ухожу.</p> <p>Ч. (за кадром): Да никуда ты не уйдешь. Я тебя не отпущу. Ложись на...</p> <p>Ч.: ... диван. Спи.</p> <p>К.: Мм.. приличная вещь... Ну, что же ... мм. Десять долларов.</p> <p>Ч.: Но, однако, Парамон, эта вещь стоит гораздо больше. Но, я вижу, ты в этом ничего не понимаешь. Ладно, пошло.</p> <p>Ч.(за кадром): Ну-с...</p> <p>Ч.: На сколько?</p> <p>К.: На эти десять долларов.</p> <p>Ч.: Девятка.</p> <p>К.: Прошу на квит.</p> <p>Ч.: Еще?</p> <p>К.: Да.</p> <p>Ч.: Домбле. Парамон...</p> <p>К.: Еще раз. На квит.</p> <p>Ч.: Еще раз, еще карточку?</p> <p>К.: Да. Семь. Ну...</p>		<p>Кр.: Корзухин.</p> <p>Ср.: Чарнота на секунду задумывается, затем вскакивает и кидается к Голубкову.</p> <p>Ср.: Корзухин не может опомниться после объятий Чарноты.</p> <p>Ср.: Чарнота берет у Голубкова медальон и возвращается к Корзухину.</p> <p>Чарнота распечатывает колоду карт. Начинается игра</p> <p>Кр.: Голубков зажимает уши.</p> <p>ПНР. Чарнота и Корзухин.</p>
--	--	---

<p>Ч.: Восемь. К.: В таком случае, еще раз на квит. Еще... Ч.: Как зовут твоего раба? К.: Антуан. Ч.: Антуан! Ч.: Антон, принеси, голубчик, что-нибудь, и закусить. Карточку. Еще? Ч. (за кадром): Так простите, на сколько? К. (за кадром): Естественно, на квит. К. Сто шестьдесят. Ч.(за кадром): Идет. Ч.: Пошло. Ч.: Вновь домбле. К.: Что домбле? Ах, домбле... Ч.: Попрошу наличными. Г.: Григорий Лукьянович, брось все это. Брось теперь, опомнись. Слышишь. Уйдем отсюда. Ч.: Ты азартный ... Г.: Уйдем теперь... Ч.: Парамоша, вот что тебя губит. К. (за кадром): Семь. Ч.: Семь с половиной...нет, шучу – восемь. Пошло.</p> <p>Ч. (за кадром): Еще? К. (за кадром): Так... Ч. (за кадром): Мое. К. (за кадром): Как твое? Ч. (за кадром): Ну так мое. (смеется) К. (за кадром): Ну твое... (неразборчиво).</p>		<p>Входит Антуан.</p> <p>Кр.: Голубков не находит себе места.</p> <p>Ср.: Корзухин пересчитывает деньги.</p> <p>Ср.: Чарнота.</p> <p>Ср.: Корзухин смотрит свои карты. Ср.: Чарнота.</p> <p>Ср.: К Чарноте подходит Голубков.</p> <p>ПНР. Зажав уши, Голубков идет к дивану. Ложится и закрывает глаза, отворачивается к стене.</p>
--	--	--

<p>Г. (затыкая уши и стараясь заглушить игроков): Мчатся тучи, вьются тучи, невидимкою луна освещает снег летучий. Мутно небо, ночь мутна.</p> <p>Ч. (за кадром): Дама, дама, дама...</p> <p>Г.: Сил уж нет кружится боле, колокольчик вдруг умолк. Кони встали, что там в поле, кто их знает, пень иль волк. Пень иль волк?!</p>	<p>Начало музыки.</p> <p>Конец музыки</p>	<p>Кр.: Из окна в особняке Корзухина видна Эйфелева башня.</p> <p>Кр.: Крыши Парижа.</p>
<p>К.: Раз. Два, три, четыре... (неразборчиво).</p> <p>Ч.: ... пять, шесть, семь, восемь (реплики неразборчиво).</p> <p>К.: Душно.</p> <p>Ч.: Прости, прости...</p> <p>К.: Все.</p> <p>Ч.: Парамоша.</p> <p>К.: Все.</p> <p>Ч.: Вот эта – моя.</p> <p>К.: Да.</p> <p>Ч.: Парамоша, у тебя нет газеты? Завернуть. Ты знаешь, в кальсонах нет этого... карманов? А?</p> <p>К.: Нет газеты.</p> <p>Ч. Нет, значит.</p> <p>К.: Отдай мне наличные, я тебе выпишу чек.</p> <p>Ч.: Да... Парамоша...</p> <p>К.: Газеты нет...</p> <p>Ч.: Парамоша, ты что?</p> <p>К.: Нет газеты.</p> <p>Ч.: Разве в каком-нибудь банке выдадут...</p>	<p>Начало музыки – боя часов</p> <p>Конец музыки – боя часов</p>	<p>Общ.: Париж. Утро.</p> <p>Особняк Корзухина. На полу валяются бутылки, груды долларов. Корзухин и Чарнота считают деньги.</p>

<p>К.: Газеты нет... Ч. Двадцать тысяч, человеку без штанов? К.: Нет газеты... Ч. Нет, уж спасибо. К.: Газеты нет... Ч.: Значит... Ч. (за кадром): ... нет газеты, Парамоша? К. (за кадром):нет, отстань... Ч. (за кадром): нет, нет. Ага... Ч.: Странно, а? Я выиграл столько денег, отчего мне так грустно? Голубков! Где Голубков? К.: Он там... Ч.: Где? К.: Там. Ч.: А... Голубков! А... Парамоша, веди себя прилично. Г. (просыпаясь): А? Ч.: Приват-доцент... Г.: Чарнота... Ч.: Отчего мне так грустно, а? Г.: Выкупи, выкупи у него медальон. Ч.: Вот... Г.: Выкупи, мы должны вернуть. К.: Триста долларов. Ч.: На. Ага держи. Г.:А теперь уйдем, ради Бога скорее уйдем отсюда. Слышишь? Ч.: Парамоша, мы засиделись у тебя, мы уходим. Уходим сейчас, Парамоша. Все, все. К.: Ну, нет!.. Ч.: Пора, все.</p>		<p>Кр.: На диване спит Голубков.</p> <p>Ср.: Чарнота и Корзухин.</p> <p>Ср.: Корзухин пытается спрятать бумажку в 100 долларов, выпавшую у Чарноты.</p>
---	--	---

<p>К.: Нет. Ч.: Все. К. Я больной, у меня жар. Вы воспользовались тем, что у меня жар в груди. Ч.: Нет. К.: Жар у меня... Ч.: Ну, подожди, Парамоша. К.: Отдай деньги, отдай деньги. Ч.: Да ты что, Парамон?!</p> <p>К.: Отдай деньги, я вам даю по пятьсот долларов отступного. Ч.: Да что ты, ласковый ты мой, ну, не сердись меня, ну, не порть такой прекрасный вечер. Г.: Чарнота, ради Бога уйдем отсюда. Пойдем. Ч.: Все, Парамоша. К.: Я зв... я звоню в полицию. Вы, вы ... меня ограбили, отравили, оборванцы! Что ты делаешь? Что ты делаешь? Ну, что ты делаешь? Ч.: Ну, Парамоша, молись своей Парижской Богоматери. Л. (за кадром): Антуан,.. К.: Кому? Л. (за кадром): ... перестань дразнить собаку, ты мешаешь мне спать. Ты не в полку, Антуан.</p> <p>Л.: Боже мой, не даром я видела тараканов во сне.</p>	<p>Начало музыки.</p> <p>Конец музыки.</p>	<p>Ср.: Голубков. Общ.: Чарнота.</p> <p>Ср.: Появляется на лестнице со второго этажа дома Корзухина – Люська в ночном чепце. ПНР. Все присутствующие, кроме Люськи. Кр.: Корзухин и Чарнота, растеряны. Ср.: Люська спускается с лестницы. Общ.: Люська подходит к Чарноте и</p>
---	--	---

<p>Л.: Познакомимся, господа. Ч.: Генерал Чарнота. Л.: Ну-с, господа, в чем недоразумение? К.: Он выиграл у меня деньги, и я хочу, чтоб он вернул их. Л.: Нет, это невозможно. К.: Как невозможно? Л.: Ну, проиграл, не маленький ничего не поделаешь. Господа, деньги принадлежат вам, и никаких недоразумений быть не может. К.: Ути, мой маленький... Л.: Иди, мой мальчик, усни. У тебя под глазами тени. К.: Тени, какие тени? А... тени... Ч.: Парамон. Ч. (за кадром): Парамон, иди. Ч.: Парамошка, ты...</p> <p>Ч.: Бон матен, мадам. Л.: Не „бон матен“, а „о ревуар“. Ч.: Один черт, одъе! Пошли, Голубков. Л.: Не туда. Туда. Г.: Тут же окно. Л.: Уходите живо. Ч.: Прощай, Люська.</p>	<p>Начало музыки</p> <p>Конец музыки.</p>	<p>Корзухину Кр.: Молчит Чарнота. Кр.: Молчит Люська.</p> <p>Кр.: Чарнота завязывает веревку на рубашке.</p> <p>Люська идет за Корзухиным. Кр.: Голубков.</p> <p>ПНР. Люська подходит к Корзухину. Люська целует Корзухина в лоб и отталкивает.</p> <p>Корзухин уходит.</p> <p>Кр.: Голубков Ср.: Чарнота подходит к Люське.</p> <p>ПНР. Корзухин входит в комнату, где спит</p>
---	---	---

<p>Л.: Чарнота, купи себе штаны. Ч.: Угу...</p> <p>К.: Мерзавцы! Вашего хозяина грабят, а вы...</p> <p>С.: Виноват, Ваше превосходительство. Я полагал, что у Вас конфиданс с генералом, совещание „Лиги за спасение Отечества“ (реплика неразборчива).</p> <p>К.: Болваны! Уволю дармоедов. Перекрыть все двери! Не выпускать их!</p> <p>С.: Слушаюсь.</p> <p>Ч.: Добрый день, господа нищие. Это я – генерал Чарнота. Лакей разливай...</p> <p>Г.: (реплика неразборчива).</p> <p>Ч.: Пусти. Вы мне все симпатичны,..</p> <p>Г.: Пойдем!</p> <p>Ч.: Господа, я бы с удовольствием...</p> <p>Г.: Пойдем!</p> <p>Ч.: ... всем подарил теплые штаны с лампасами...</p> <p>Г.: Мы опоздаем.</p> <p>Ч.: ... но, увы, в этом паршивом городишке их нет.</p> <p>Г.: Оставьте это, пойдем!</p> <p>Ч.: Молчи приват, мне грустно.</p>		<p>Скунский и один из слуг.</p> <p>ПНР. Набережная Сены. Чарнота в сопровождении Голубкова и лакеев, с бутылками и провизией, спускается к нищим, спящим под мостом.</p>
<p>Н.(говорят по-фр.): (реплики неразборчивы). Ч.: Вы мне симпатичны, господа. Мне</p>		<p>ОБЩ. Набережная Сены. Чарнота подходит к нищим, обнимает их. Голубков идет за ним.</p>

<p>сегодня подали гигантскую милостыню, я богат .</p> <p>Ч.(за кадром): но мне отчего-то грустно. Мне никогда не было так грустно, даже когда меня расстреливали...</p> <p>Ч.: И дело не в штанах</p> <p>Г.: Ты куда?</p> <p>Ч.: Подождите...</p> <p>Г.: Поднимись!</p> <p>Ч.: Ну, подождите. Когда вас поведут в рай, я буду сидеть так у ворот , и передо мной будет лежать шляпа. Я буду сидеть там тысячу лет и просить. И никто не подаст. Никто! Даже самый добрый из нас – Бог! При желании можно выклянчить все! Деньги, славу, власть, но только не Родину, господа...</p> <p>Н.(говорят по-фр.): (реплики неразборчивы).</p> <p>Г.: Слушай...</p> <p>Ч.: Особенно такую, как моя...</p> <p>Г.: Пора нам, пора...</p> <p>Ч.: Подожди. Россия не вмещается, не вмещается в шляпу, господа нищие. Под... подожди... не вмещается в шляпу...</p> <p>Н. (говорят по-фр.): (реплики неразборчивы).</p> <p>Г.: Хватит!</p> <p>Ч.: Прощайте...</p> <p>Г.: Пойдем.</p> <p>Ч.: ... господа!</p> <p>Г.: Пойдем..</p> <p>Ч.: До встречи...</p> <p>Г.: Идем.</p>		<p>ОБЩ. На ступенях моста спит нищий.</p> <p>ПНР. Чарнота опускается на землю.</p> <p>ПНР. Голубков ведет Чарноту к лестнице вверх.</p>
---	--	---

<p>звон!</p> <p>К.: Домой пора! Домой надо! (реплики неразборчивы).</p> <p>Ст. каз: Будя! Надоело чужих клопов кормить! А ты заткнись! Заткнись.</p> <p>1 каз.: Наш Союз за спасение Отечества...</p> <p>1 каз (за кадром): ... . Всех поднимает на борьбу... (далее реплики неразборчивы).</p> <p>К.: Встречаем, встречаем... Напрасно все это. Не вернуться они... Казаков вот пустили.</p> <p>Х.: А?</p> <p>К.: Я говорю, казаков вот пустили домой, в Россию...</p> <p>К.: Ну, вот и все, и сегодня не встретили.</p> <p>Казак в папахе (за кадром): Братцы! Домой надо ехать!</p> <p>Каз.: Домой!</p> <p>Казак в папахе: В Россию подаваться!</p> <p>Каз.: Правильно! Правильно говорит!</p> <p>Каз. в папахе: Там землю мужикам дали. Землю пахать пора, самое время! Хватит! Навоевались! Домой пора!</p> <p>К.(за кадром): Сергей Павлович!</p> <p>2 каз.(за кадром): Одумайтесь, станичники! (далее реплики неразборчивы).</p> <p>Ч.: Ну, что же вы молчите? Здравствуй, Сима.</p>		<p>Ср.: Митингуют старый казак и первый казак.</p> <p>Ср.: Корзухина и Хлудов сидят у причала.</p> <p>Ср.: Казаки стаскивают с арбы первого казака. Все возмущены. На арбу взбирается казак в папахе (реплики неразборчивы).</p> <p>ПНР. Корзухина встает. Корзухина и Хлудов уходят с причала.</p> <p>ПНР. В экипаж садятся Чарнота и Голубков. Корзухина и Хлудов подходят к ним.</p>
---	--	---

<p>Здравствуй, Серафима...</p> <p>Х.: Ну, все в порядке? Любишь ее, искренний человек? Теперь прощайте.</p> <p>Ч.: Куда это, смею спросить?</p> <p>Х.: Будет парохлд, я поеду с ним, в Россию. Поедем со мной, Чарнота.</p> <p>Ч.: Что? Ответ едешь держать? Ну, так знай, Роман, что проживешь ты ровно столько, чтоб довести тебя от парохода до ближайшей стенки. Да и то под строжайшим караулом, чтоб по дороге не разорвали. Большую, брат, память ты по себе оставил . Ну, а попутно с тобой и меня, раба Божьего, поведут. За мной тоже много чего есть... хотя, фонарей в тылу у меня нет.</p> <p>Х.: Ты будешь тосковать, Чарнота.</p> <p>Ч.: Эх, Хлудов ... я давно уже тоскую. От смерти я не бегал, но и специально на смерть не поеду.</p> <p>Х.: Прощай.</p> <p>Ч.: Прощай.</p> <p>Ч.: Пойдем, извозчик ждать не будет. Ступай! ... Пошел!</p> <p>А.А.(за кадром): (говорит по-тур и по-арм.).</p>		<p>Кр.: Голубков.</p> <p>ПНР. Чарнота, Корзухина и Голубков идут к экипажу, садятся и уезжают.</p> <p>ПНР. Идет Хлудов. На пароход грузятся казаки.</p> <p>Ср. с движ.: Улицы Константинополя. В экипаже едут Голубков и Корзухина.</p> <p>Кр.: Задумался Чарнота.</p> <p>ПНР. Экипаж подъезжает к тараканьим</p>
---	--	---

<p>А.А. Внимание! Сенсация! Ч. (кучеру): Стой! А.А.: Сенсация в Константинополе! С дозволения полиции (далее реплики неразборчивы). Ч.: Ну, вот. Пути наши разошлись. Судьба нас развязала. Кто в петлю, кто в Питер. А.А.: Бега открыты! Невиданная нигде в мире... (далее реплики неразборчивы). Ч.: А я куда? Кто я теперь? Я – Агасфер! Летучий я голландец! Черт я собачий! А.А. (за кадром): Прошу месье! Прошу мадам! Любимая забава покойной... А.А.: ... императрицы в Царском селе! Ч.: ну, здравствуй, вновь, тараканий царь Артур. Шляпу. Сними шляпу! На все заезды «Янычара».</p> <p>А.А. (за кадром): Сенсация! Сенсация! На фаворита поставлено...</p> <p>А.А.: ... состояние. Не упускайте шанса, месье! А.А. (за кадром): Ловите Фортуну, мадам, теперь или никогда!</p> <p>А.А.: Янычара нет с нами, Ваше превосходительство. Скончался. Работает внук – Янычар третий, способнейший мальчуган. Уйди ты!.. Не таракан – лев, орловский рысак! Прикажете начинать?</p>	<p>Начало музыки</p> <p>Конец музыки.</p> <p>Начало музыки.</p>	<p>бегам. Артур Артурович, стоя у входа зазывает публику.</p> <p>ПНР. Чарнота выходит из экипажа.</p> <p>Чарнота идет к балагану. Кр.: Корзухина и Голубков.</p> <p>ПНР. К артуру Артуровичу подходит Чарнота, стреляет в воздух. Чарнота кидает в цилиндр Артура Артуровича пачки денег. Кр.: Корзухина и Голубков – в экипаже.</p> <p>Общ.: Экипаж с Корзухиной и Голубковым проезжает мимо балагана.</p> <p>Ср.: Тараканьи бега. Внутри балагана наяривает трио. ПНР. Два турка заглядывают в балаган. Артур Артурович усаживает Чарноту.</p>
--	---	---

<p>Слушаюсь. Внимание! Ахтунг! На первой дорожке – фаворит, внук Янычара! Профессор, гонг!</p>	<p>Конец музыки. Гонг.</p>	<p>ОБЩ. Улицы Константинополя. Экипаж увозит Голубкова и Корзухину. КР. Тараканьи бега. Чарнота смотрит вслед экипажу.</p>
<p>К.: Вот здесь мы жили. Тут – Хлудов, а там – я. Теперь это Ваша комната. Вы теперь никуда больше не поедете. Я Вас не отпущу. Располагайтесь. Г.: Да, да ... благодарю... Серафима Владимировна? К.: Да, Сергей Павлович. Г.: Я приехал для того, чтобы проститься с Вами... Вы слышите... Г. (за кадром): ...меня? К.: Да, Сергей Павлович. Г.: Я уезжаю в Россию. Прощайте. Я не сумею объяснить вам... иногда мне снится, что я еще жив. Что я там – в России, в вихре огромных событий, надежд. Я верую, истина моя - там, Вы меня слышите? К.: Да, Сергей Павлович. Г. (за кадром): А здесь меня нет, да и никогда не было, я остался там. Теперь я просто возвращаюсь к себе... Вы меня слышите? К.: Да. Г.: Прощайте. К.: Прощайте. Г.: Простите меня.</p>	<p>Начало музыки.</p> <p>Конец музыки</p>	<p>ПНР. В комнату Корзухиной и Хлудова Корзухина вводит Голубкова.</p> <p>Кр.: Корзухина опускается на кровать. ПНР на две, разделенные перегородкой, комнатки-клетки.</p> <p>Кр.: Корзухина.</p> <p>ПНР. Корзухина встает и идет к двери. В комнате Хлудова – Голубков.</p> <p>Голубков уходит.</p>

<p>К.: Сергей Павлович!</p> <p>Каз.: Ну, проходи ты! Каз.: Ну, чего встал! 3 каз.: Толай! Толай! К. (за кадром): Сергей Павлович! К.: Сережа!</p> <p>Г.: Забыл... К.: Что? Г.: Лицо. К.: Какое лицо? Г.: Мальчика в Севастополе, в последний</p>	<p>Начало молитвы муедзина. Конец молитвы муедзина.</p> <p>Начало молитвы муедзина</p> <p>Конец молитвы муедзина. Начало хора.</p> <p>Конец хора.</p>	<p>Общ.: Берег Босфора. У самой воды неподвижно стоит Хлудов. У его ног – пес. ПНР. Корзухина с вещами бежит по причалу. ПНР. Корзухина бежит мимо парохода, на который грузятся казаки. Общ.: Голубков останавливается на трапе. ПНР. Корзухина бежит к трапу.</p> <p>ПНР. На трапе Корзухина и Голубков встречаются. Голубков обнимает Корзухину. Общ.: Через мачты пароходов виден Константинополь. Общ.: Все шире полоса моря – все меньше Константинополь. Общ.: Палуба парохода. Среди казаков – Голубков и Корзухина. Общ.: Берег Босфора. На берегу одинокая фигура Хлудова. Кр.: Хлудов. Общ.: Пароход уходит в открытое море. Ср.: На палубе среди спящих казаков, Корзухина и Голубков.</p> <p>Кр.: Голубков.</p>
--	---	--

<p>день бегства, на мостовой... все смешалось, спуталось, ушло куда-то, а его помню. Только вот лицо забыл...</p> <p>К.: Боже, мой! Что это было, Сережа, за эти полтора года? Сны... Объясни мне, куда, зачем мы бежали? Фонари на перронах, черные мешки, потом... зной... Я хочу опять на Литейный, я хочу опять увидеть... снег, я хочу все забыть, как будто ничего не было...</p> <p>Г.: А ничего и не было... это все приснилось. Мы доберемся... снова пойдет снег, и наши следы заметет.</p> <p>Г.: Вспомнил...</p> <p>К.: Что?</p> <p>Г.: Лицо вспомнил...</p> <p>К.: Что это?</p> <p>Г.: Нас ждут кони...</p> <p>П.Щ.: Пора.</p>	<p>Начало музыки</p>	<p>Ср.: Улица Севастополя. На перекрестке, сидя на мостовой, Петька Щеглов печатает на машинке.</p> <p>Общ.: Россия. Зимний лес в инее. Повзрослевший Петька Щеглов, верхом на лошади, держит под узцы двух коней.</p> <p>Кр.: Палуба. Молчат, задумавшись Корзухина и Голубков.</p> <p>Общ.: Зимний лес. Ждет Петька Щеглов.</p> <p>Кр.: Корзухина и Голубков в зимнем лесу.</p> <p>Кр.: Подмигивает Петька Щеглов.</p> <p>Кр.: Корзухина и Голубков.</p> <p>Голубков подмигивает.</p> <p>Общ.: К Петьке Щеглову бегут Корзухина и Голубков. Петька Щеглов протягивает Корзухиной горсть снега. Голубков</p>
--	----------------------	---

	Конец музыки.	<p>пожимает Петьке Щеглову руку. Петька Щеглов трогает коня.</p> <p>Общ.: По зимнему лесу проносятся три всадника – Петька Щеглов, Голубков, Корзухина.</p> <p>Общ.: Они скачут по глубокому снегу.</p> <p>Общ.: По узенькой тропке.</p> <p>ПНР. Кругом простираются поля, покрытые снегом. Вдали чернеют полосы леса. Прямо по снежной целине скачут Петька Щеглов, Голубков и Корзухина.</p> <p>Общ.: Всадники теряются в заснеженных полях или в беспредельном небе (установка камеры).</p>
--	---------------	--

Дополнительные материалы

Фрагменты романа М. Булгакова «Дни Турбиных», использованные при создании фильма «Бег»²²

***

Были офицеры. И они бежали и с севера, и с запада - бывшего фронта - и все направлялись в Город, их было очень много и становилось все больше. Рискуя жизнью, потому что им, большею частью безденежным и носившим на себе неизгладимую печать своей профессии, было труднее всего получить фальшивые документы и пробраться через границу. Они все-таки сумели пробраться и появиться в Городе, с травленными взорами, вшивые и небритые, беспогонные, и начинали в нем приспособливаться, чтобы есть и жить. Были среди них исконные старые жители этого Города, вернувшиеся с войны в насиженные гнезда с той мыслью, как и Алексей Турбин, - отдыхать и отдыхать и устраивать заново не военную, а обыкновенную человеческую жизнь, и были сотни и сотни чужих, которым нельзя было уже оставаться ни в Петербурге, ни в Москве. Одни из них - кирасиры, кавалергарды, конногвардейцы и гвардейские гусары, выплывали легко в мутной пене потревоженного Города. Гетманский конвой ходил в фантастических погонах, и за гетманскими столами усаживалось до двухсот масляных проборов людей, сверкающих гнилыми желтыми зубами с золотыми пломбами. Кого не вместил конвой, вместили дорогие шубы с бобровыми воротниками и полутемные, резного дуба квартиры в лучшей части Города - Липках, рестораны и номера отелей... Другие, армейские штабс-капитаны конченных и развалившихся полков, боевые армейские гусары, как полковник Най-Турс, сотни прапорщиков и подпоручиков, бывших студентов, как Степанов - Карась, сбитых с винтов жизни войной и революцией, и поручики, тоже бывшие студенты, но конченные для университета навсегда, как Виктор Викторович Мышлаевский. Они, в серых потертых шинелях, с еще не зажившими ранами, с ободранными тенями погон на плечах, приезжали в Город и в своих семьях или в семьях чужих спали на стульях, укрывались шинелями, пили водку, бегали, хлопотали и злобно кипели. Вот эти последние ненавидели большевиков ненавистью горячей и прямой, той, которая может двинуть в драку. Были юнкера. В Городе к началу революции оставалось четыре юнкерских училища - инженерное, артиллерийское и два

²² Цитируется по публикации романа на: www.lib.ru

пехотных. Они кончились и развалились в грохоте солдатской стрельбы и выбросили на улицы искалеченных, только что кончивших гимназистов, только что начавших студентов, не детей и не взрослых, не военных и не штатских, а таких, как семнадцатилетний Николка Турбин...

***

В семь часов на Бородинском поле, освещенном розоватыми шарами, стояла, пожимаясь от предрассветного холода, гудя и ворча говором, та же растянутая гусеница, что поднималась по лестнице к портрету Александра. Штабс-капитан Студзинский стоял поодаль ее в группе офицеров и молчал. Странное дело, в глазах его был тот же косоватый отблеск тревоги, как и у полковника Малышева, начиная с четырех часов утра. Но всякий, кто увидел бы и полковника и штабс-капитана в эту знаменитую ночь, мог бы сразу и уверенно сказать, в чем разница: у Студзинского в глазах - тревога предчувствия, а у Малышева в глазах тревога определенная, когда все уже совершенно ясно, понятно и погано. У Студзинского из-за обшлага его шинели торчал длинный список артиллеристов дивизиона. Студзинский только что произвел переключку и убедился, что двадцати человек не хватает. Поэтому список носил на себе след резкого движения штабс-капитанских пальцев: он был скомкан. В похолодевшем зале вились дымки - в офицерской группе курили. Минута в минуту, в семь часов перед строем появился полковник Малышев, и, как предыдущим днем, его встретил приветственный грохот в зале. Господин полковник, как и в предыдущий день, был опоясан серебряной шашкой, но в силу каких-то причин тысяча огней уже не играла на серебряной резьбе. На правом бедре у полковника покоился револьвер в кобуре, и означенная кобура, вероятно, вследствие несвойственной полковнику Малышеву рассеянности, была расстегнута. Полковник выступил перед дивизионом, левую руку в перчатке положил на эфес шашки, а правую без перчатки нежно наложил на кобуру и произнес следующие слова: - Приказываю господам офицерам и артиллеристам мортирного дивизиона слушать внимательно то, что я им скажу! За ночь в нашем положении, в положении армии, и я бы сказал, в государственном положении на Украине произошли резкие и внезапные изменения. Поэтому я объявляю вам, что дивизион распущен! Предлагаю каждому из вас, сняв с себя всякие знаки отличия и захватив здесь в цейхгаузе все, что каждый из вас пожелает и что он может унести на себе, разойтись по домам, скрыться в них, ничем себя не проявлять и ожидать нового вызова от меня! Он помолчал и этим как будто бы еще больше подчеркнул ту

абсолютно полную тишину, что была в зале. Даже фонари перестали шипеть. Все взоры артиллеристов и офицерской группы сосредоточились на одной точке в зале, именно на подстриженных усах господина полковника. Он заговорил вновь: - Этот вызов последует с моей стороны немедленно, лишь произойдет какое-либо изменение в положении. Но должен вам сказать, что надежд на него мало... Сейчас мне самому еще неизвестно, как сложится обстановка, но я думаю, что лучшее, на что может рассчитывать каждый... э... (полковник вдруг выкрикнул следующее слово) лучший! из вас - это быть отправленным на Дон. Итак: приказываю всему дивизиону, за исключением господ офицеров и тех юнкеров, которые сегодня ночью несли караулы, немедленно разойтись по домам! - А?! А?! Га, га, га! - прошелестело по всей громаде, и штыки в ней как-то осели. Замелькали растерянные лица, и как будто где-то в шеренгах мелькнуло несколько обрадованных глаз... Из офицерской группы выделился штабс-капитан Студзинский, как-то иссиня-бледноватый, косящий глазами, сделал несколько шагов по направлению к полковнику Малышеву, затем оглянулся на офицеров. Мышлаевский смотрел не на него, а все туда же, на усы полковника Малышева, причем вид у него был такой, словно он хочет, по своему обыкновению, выругаться скверными матерными словами. Карась нелепо подбоченился и заморгал глазами. А в отдельной группочке молодых прапорщиков вдруг прошелестело неуместное разрушительное слово «арест»!.. - Что такое? Как? - где-то баском послышалось в шеренге среди юнкеров. - Арест!.. - Измена!! Студзинский неожиданно и вдохновенно глянул на светящийся шар над головой, вдруг скосил глаза на ручку кобуры и крикнул: - Эй, первый взвод! Передняя шеренга с краю сломалась, серые фигуры выделились из нее, и произошла странная суета. - Господин полковник! - совершенно сиплым голосом сказал Студзинский. - Вы арестованы. - Арестовать его!! - вдруг истерически звонко выкрикнул один из прапорщиков и двинулся к полковнику. - Пойдите, господа! - крикнул медленно, но прочно соображающий Карась. Мышлаевский проворно выскочил из группы, ухватил экспансивного прапорщика за рукав шинели и отдернул его назад. - Пустите меня, господин поручик! - злобно дернув ртом, выкрикнул прапорщик. - Тише! - прокричал чрезвычайно уверенный голос господина полковника. Правда, и ртом он дергал не хуже самого прапорщика, правда, и лицо его пошло красными пятнами, но в глазах у него было уверенности больше, чем у всей офицерской группы. И все остановились. - Тише! - повторил полковник. - Приказываю вам стать на места и слушать! Воцарилось молчание, и у Мышлаевского резко насторожился взор. Было похоже, что какая-то мысль уже проскочила в его голове, и

он ждал уже от господина полковника вещей важных и еще более интересных, чем те, которые тот уже сообщил. - Да, да, - заговорил полковник, дергая щекой, - да, да... Хорош бы я был, если бы пошел в бой с таким составом, который мне послал господь бог. Очень был бы хорош! Но то, что простительно добровольцу-студенту, юноше-юнкеру, в крайнем случае, прапорщику, ни в коем случае не простительно вам, господин штабс-капитан! При этом полковник вонзил в Студзинского исключительной резкости взор. В глазах у господина полковника по адресу Студзинского прыгали искры настоящего раздражения. Опять стала тишина. - Ну, так вот-с, - продолжал полковник. - В жизнь свою не митинговал, а, видно, сейчас придется. Что ж, помитингуем! Ну, так вот-с: правда, ваша попытка арестовать своего командира обличает в вас хороших патриотов, но она же показывает, что вы э... офицеры, как бы выразиться? неопытные! Коротко: времени у меня нет, и, уверяю вас, - зловеще и значительно подчеркнул полковник, - и у вас тоже. Вопрос: кого желаете защищать? Молчание. - Кого желаете защищать, я спрашиваю? - грозно повторил полковник. Мышлаевский с искрами огромного и теплого интереса выдвинулся из группы, козырнул и молвил: - Гетмана обязаны защищать, господин полковник. - Гетмана? - переспросил полковник. - Отлично-с. Дивизион, смирно! - вдруг рявкнул он так, что дивизион инстинктивно дрогнул. - Слушать!! Гетман сегодня около четырех часов утра, позорно бросив нас всех на произвол судьбы, бежал! Бежал, как последняя каналья и трус! Сегодня же, через час после гетмана, бежал туда же, куда и гетман, то есть в германский поезд, командующий нашей армией генерал от кавалерии Белоруков. Не позже чем через несколько часов мы будем свидетелями катастрофы, когда обманутые и втянутые в авантюру люди вроде вас будут перебиты, как собаки. Слушайте: у Петлюры на подступах к городу свыше чем сотысячная армия, и завтрашний день... да что я говорю, не завтрашний, а сегодняшний, - полковник указал рукой на окно, где уже начинал синеть покров над городом, - разрозненные, разбитые части несчастных офицеров и юнкеров, брошенные штабными мерзавцами и этими двумя прохвостами, которых следовало бы повесить, встретятся с прекрасно вооруженными и превышающими их в двадцать раз численностью войсками Петлюры... Слушайте, дети мои! - вдруг сорвавшимся голосом крикнул полковник Малышев, по возрасту годившийся никак не в отцы, а лишь в старшие братья всем стоящим под штыками, - слушайте! Я, кадровый офицер, вынесший войну с германцами, чему свидетель штабс-капитан Студзинский, на свою совесть беру и ответственность все!.. все! вас предупреждаю! Вас посылаю домой!! Понятно? -

прокричал он. - Да... а... га, - ответила масса, и штыки ее закачались. И затем громко и судорожно заплакал во второй шеренге какой-то юнкер. Штабс-капитан Студзинский совершенно неожиданно для всего дивизиона, а вероятно, и для самого себя, странным, не офицерским, жестом ткнул руками в перчатках в глаза, причем дивизионный список упал на пол, и заплакал. Тогда, заразившись от него, зарыдали еще многие юнкера, шеренги сразу развалились, и голос Радамеса-Мышлаевского, покрывая нестройный гвалт, рявкнул трубачу: - Юнкер Павловский! Бейте отбой!!

- Господин полковник, разрешите поджечь здание гимназии? - светло глядя на полковника, сказал Мышлаевский. - Не разрешаю, - вежливо и спокойно ответил ему Малышев. - Господин полковник, - задумчиво сказал Мышлаевский, - Петлюре достанется цейхгауз, орудия и главное, - Мышлаевский указал рукою в дверь, где в вестибюле над пролетом виднелась голова Александра. - Достанется, - вежливо подтвердил полковник. - Ну как же, господин полковник?.. Малышев повернулся к Мышлаевскому, глядя на него внимательно, сказал следующее: - Господин поручик, Петлюре через три часа достанутся сотни живых жизней, и единственно, о чем я жалею, что я ценой своей жизни и даже вашей, еще более дорогой, конечно, их гибели приостановить не могу. О портретах, пушках и винтовках попрошу вас более со мною не говорить. - Господин полковник, - сказал Студзинский, остановившись перед Малышевым, - от моего лица и от лица офицеров, которых я толкнул на безобразную выходку, прошу вас принять наши извинения. - Принимаю, - вежливо ответил полковник.

***

Странные перетасовки, переброски, то стихийно боевые, то связанные с приездом ординарцев и писксом штабных ящиков, трое суток водили часть полковника Най-Турса по снежным сугробам и завалам под Городом, на протяжении от Красного Трактира до Серебрянки на юге и до Поста-Волынского на юго-западе. Вечер же на четырнадцатое декабря привел эту часть обратно в Город, в переулок, в здание заброшенных, с наполовину выбитыми стеклами, казарм. Часть полковника Най-Турса была странная часть. И всех, кто видел ее, она поражала своими валенками. При начале последних трех суток в ней было около ста пятидесяти юнкеров и три прапорщика. К начальнику первой дружины генерал-майору Блохину в первых числах декабря явился среднего

роста черный, гладко выбритый, с траурными глазами кавалерист в полковничьих гусарских погонах и отрекомендовался полковником Най-Турсом, бывшим эскадронным командиром второго эскадрона бывшего Белградского гусарского полка. Траурные глаза Най-Турса были устроены таким образом, что каждый, кто ни встречался с прихрамывающим полковником с вытертой георгиевской ленточкой на плохой солдатской шинели, внимательнейшим образом выслушивал Най-Турса. Генерал-майор Блохин после недолгого разговора с Наем поручил ему формирование второго отдела дружины с таким расчетом, чтобы оно было закончено к тринадцатому декабря. Формирование удивительным образом закончилось десятого декабря, и десятого же полковник Най-Турс, необычайно скупой на слова вообще, коротко заявил генерал-майору Блохину, терзаемому со всех сторон штабными птичками, о том, что он, Най-Турс, может выступить уже со своими юнкерами, но при непременно условии, что ему дадут на весь отряд в сто пятьдесят человек папахи и валенки, без чего он, Най-Турс, считает войну совершенно невозможной. Генерал Блохин, выслушав картавого и лаконического полковника, охотно выписал ему бумагу в отдел снабжения, но предупредил полковника, что по этой бумаге он наверняка ничего не получит ранее, чем через неделю, потому что в этих отделах снабжения и в штабах невероятнейшая чепуха, кутерьма и безобразье. Картавый Най-Турс забрал бумагу, по своему обыкновению, дернул левым подстриженным усом и, не поворачивая головы ни вправо, ни влево (он не мог ее поворачивать, потому что после ранения у него была сведена шея, и в случае необходимости посмотреть вбок он поворачивался всем корпусом), отбыл из кабинета генерал-майора Блохина. В помещении дружины на Львовской улице Най-Турс взял с собою десять юнкеров (почему-то с винтовками) и две двуколки и направился с ними в отдел снабжения. В отделе снабжения, помещавшемся в прекраснейшем особнячке на Бульварно-Кудрявской улице, в уютном кабинетике, где висела карта России и со времен Красного Креста оставшийся портрет Александры Федоровны, полковника Най-Турса встретил маленький, румяный странненьким румянцем, одетый в серую тужурку, из-под ворота которой выглядывало чистенькое белье, делавшее его чрезвычайно похожим на министра Александра II, Милютина, генерал-лейтенант Макушин. Оторвавшись от телефона, генерал детским голосом, похожим на голос глиняной свистульки, спросил у Ная: - Что вам угодно, полковник? - Выступаем сейчас, - лаконически ответил Най, - прошу срочно валенки и папахи на двести человек. - Гм, - сказал генерал, пожевав губами и помяв в руках требования Ная, - видите ли, полковник, сегодня дать не можем. Сегодня составим

расписание снабжения частей. Дня через три прошу прислать. И такого количества все равно дать не могу. Он положил бумагу Най-Турса на видное место под пресс в виде голой женщины. - Валенки, - монотонно ответил Най и, скосив глаза к носу, посмотрел туда, где находились носки его сапог. - Как? - не понял генерал и удивленно уставился на полковника. - Валенки сию минуту давайте. - Что такое? Как? - генерал выпучил глаза до предела. Най повернулся к двери, приоткрыл ее и крикнул в теплый коридор особняка: - Эй, взвод! Генерал побледнел серенькой бледностью, переметнул взгляд с лица Ная на трубку телефона, оттуда на икону божьей матери в углу, а затем опять на лицо Ная. В коридоре загремело, застучало, и красные околыши алексеевских юнкерских бескозырок и черные штыки замелькали в дверях. Генерал стал приподниматься с пухлого кресла. - Я впервые слышу такую вещь... Это бунт... - Пишите требование, ваше превосходительство, - сказал Най, - нам некогда, нам чегез час выходить. Непгиатель, говогают, под самым годом. - Как?.. Что это?.. - Живей, - сказал Най каким-то похоронным голосом. Генерал, вдавив голову в плечи, выпучив глаза, вытянул из-под женщины бумагу и прыгающей ручкой нацарапал в углу, брызнув чернилами: „Выдать“. Най взял бумагу, сунул ее за обшлаг рукава и сказал юнкерам, наследившим на ковре: - Ггузите валенки. Живо. Юнкера, стуча и гремя, стали выходить, а Най задержался. Генерал, багровея, сказал ему: - Я сейчас звоню в штаб командующего и поднимаю дело о предании вас военному суду. Эт-то что-то... - Попгобуйте, - ответил Най и проглотил слюну, - только попгобуйте. Ну, вот попгобуйте гади любопытства. - Он взялся за ручку, выглядывающую из расстегнутой кобуры. Генерал пошел пятнами и онемел. - Звякни, гвупый стагик, - вдруг задушевно сказал Най, - я тебе из кольца звякну в голову, ты ноги пготянешь. Генерал сел в кресло. Шея его полезла багровыми складками, а лицо осталось сереньким. Най повернулся и вышел. Генерал несколько минут сидел в кожаном кресле, потом перекрестился на икону, взялся за трубку телефона, поднес ее к уху, услышал глухое и интимное «станция»... неожиданно ощутил перед собой траурные глаза картавого гусара, положил трубку и выглянул в окно. Увидал, как на дворе суетились юнкера, вынося из черной двери сарая серые связки валенок. Солдатская рожа каптенармуса, совершенно ошеломленного, виднелась на черном фоне. В руках у него была бумага. Най стоял у двуколки, растопырив ноги, и смотрел на нее. Генерал слабой рукой взял со стола свежую газету, развернул ее и на первой странице прочитал: «У реки Ирпеня столкновения с разъездами противника, пытавшимися проникнуть к Святошину...» Бросил газету и сказал вслух: - Будь проклят день и час, когда я ввязался в это... Дверь

открылась, и вошел похожий на бесхвостого хорька капитан - помощник начальника снабжения. Он выразительно посмотрел на багровые генеральские складки над воротничком и молвил: - Разрешите доложить, господин генерал. - Вот что, Владимир Федорович, - перебил генерал, задыхаясь и тоскливо блуждая глазами, - я почувствовал себя плохо... прилив... хем... я сейчас поеду домой, а вы будьте добры без меня здесь распорядитесь. - Слушаю, - любопытно глядя, ответил хорек, - как же прикажете быть? Запрашивают из четвертой дружины и из конно-горной валенки. Вы изволили распорядиться двести пар? - Да. Да! - пронзительно ответил генерал. - Да, я распорядился! Я! Сам! Изволил! У них исключение! Они сейчас выходят. Да. На позиции. Да!! Любопытные огоньки заиграли в глазах хорька. - Четыреста пар всего... - Что ж я сделаю? Что? - сипло вскричал генерал, рожу я, что ли?! Рожу валенки? Рожу? Если будут спрашивать - дайте - дайте - дайте!! Через пять минут на извозчике генерала Макушина отвезли домой. В ночь с тринадцатого на четырнадцатое мертвые казармы в Брест-Литовском переулке ожили. В громадном заслякощенном зале загорелась электрическая лампа на стене между окнами (юнкера днем висели на фонарях и столбах, протягивая какие-то проволоки). Полтора ста винтовок стояли в козлах, и на грязных нарах вповалку спали юнкера. Най-Турс сидел у деревянного колченого стола, заваленного краяхами хлеба, котелками с остатками простывшей жижи, подсумками и обоймами, разложив пестрый план Города. Маленькая кухонная лампочка отбрасывала пучок света на разрисованную бумагу, и Днепр был виден на ней разветвленным, сухим и синим деревом. Около двух часов ночи сон стал морить Ная. Он шмыгал носом, клонился несколько раз к плану, как будто что-то хотел разглядеть в нем. Наконец негромко крикнул: - Юнкер?! - Я, господин полковник, - отозвалось у двери, и юнкер, шурша валенками, подошел к лампе. - Я сейчас лягу, - сказал Най, - а вы меня газбудите чегез тги часа. Если будет телефоног'амма, газбудите пгапогщика Жагова, и в зависимости от ее содегжания он будет меня будить или нет. Никакой телефонограммы не было... Вообще в эту ночь штаб не беспокоил отряд Ная. Вышел отряд на рассвете с тремя пулеметами и тремя двуколками, растянулся по дороге. Окраинные домишки словно вымерли. Но, когда отряд вышел на Политехническую широчайшую улицу, на ней застал движение. В раненьких сумерках мелькали, погромыхивая, фуры, брели серые отдельные папахи. Все это направлялось назад в Город и часть Ная обходило с некоторой пугливостью. Медленно и верно рассветало, и над садами казенных дач над утоптаным и выбитым шоссе вставал и расходился туман. С этого рассвета до трех часов дня Най находился на

Политехнической стреле, потому что днем все-таки приехал юнкер из его связи на четвертой двуколке и привез ему записку карандашом из штаба. «Охранять Политехническое шоссе и, в случае появления неприятеля, принять бой».

***

И вот Анжу. В окнах нет пушек, в окнах нет золотых погон. В окнах дрожит и переливается огненный, зыбкий отсвет. Пожар? Дверь под руками Турбина звякнула, но не поддалась. Турбин постучал тревожно. Еще раз постучал. Серая фигура, мелькнув за стеклом двери, открыла ее, и Турбин попал в магазин. Турбин, оторопев, всмотрелся в неизвестную фигуру. На ней была студенческая черная шинель, а на голове штатская, молью траченная, шапка с ушами, притянутыми на темя. Лицо странно знакомое, но как будто чем-то обезображенное и искаженное. Печь яростно гудела, пожирая какие-то листки бумаги. Бумагой был усеян весь пол. Фигура, впусив Турбина, ничего не объясняя, тотчас же метнулась от него к печке и села на корточки, причем багровые отблески заиграли на ее лице. «Малышев? Да, полковник Малышев», - узнал Турбин. Усов на полковнике не было. Гладкое синевыбритое место было вместо них. Малышев, широко отмахнув руку, сгреб с полу листы бумаги и сунул их в печку. «Ага...а». - Что это? Кончено? - глухо спросил Турбин. - Кончено, - лаконически ответил полковник, вскочил, рванулся к столу, внимательно обшарил его глазами, несколько раз хлопнул ящичками, выдвигая и задвигая их, быстро согнулся, подобрал последнюю пачку листков на полу и их засунул в печку. Лишь после этого он повернулся к Турбину и прибавил иронически спокойно: - Повоевали - и будет! - Он полез за пазуху, вытащил торопливо бумажник, проверил в нем документы, два каких-то листка надорвал крест-накрест и бросил в печь. Турбин в это время всматривался в него. Ни на какого полковника Малышев больше не походил. Перед Турбиным стоял довольно плотный студент, актер-любитель с припухшими малиновыми губами. - Доктор? Что же вы? - Малышев беспокойно указал на плечи Турбина. - Снимите скорей. Что вы делаете? Откуда вы? Не знаете, что ли, ничего? - Я опоздал, полковник, - начал Турбин. Малышев весело улыбнулся. Потом вдруг улыбка слетела с лица, он виновато и тревожно качнул головой и молвил: - Ах ты, боже мой, ведь это я вас подвел! Назначил вам этот час... Вы, очевидно, днем не выходили из дому? Ну, ладно. Об этом нечего сейчас говорить. Одним словом: снимайте скорее погоны и бегите, прячьтесь. - В чем дело? В чем дело, скажите, ради бога?... - Дело? - иронически весело переспросил Малышев, - дело в том, что Петлюра в городе. На Печерске, если не на

Крещатике уже. Город взят. - Малышев вдруг оскалил зубы, скосил глаза и заговорил опять неожиданно, не как актер-любитель, а как прежний Малышев. - Штабы предали нас. Еще утром надо было разбежаться. Но я, по счастью, благодаря хорошим людям, узнал все еще ночью, и дивизион успел разогнать. Доктор, некогда думать, снимайте погоны! - ...а там, в музее, в музее... Малышев потемнел. - Не касается, - злобно ответил он, - не касается! Теперь меня ничего больше не касается. Я только что был там, кричал, предупреждал, просил разбежаться. Больше сделать ничего не могу-с. Своих я всех спас. На убой не послал! На позор не послал! - Малышев вдруг начал выкрикивать истерически, очевидно что-то нагорело в нем и лопнуло, и больше себя он сдерживать не мог. - Ну, генералы! - Он сжал кулаки и стал грозить кому-то. Лицо его побагровело. В это время с улицы откуда-то в высоте взвыл пулемет, и показалось, что он трясет большой соседний дом. Малышев встрепнулся, сразу стих. - Ну-с, доктор, ходу! Прощайте. Бегите! Только не на улицу, а вот отсюда, через черный ход, а там дворами. Там еще открыто. Скорей. Малышев пожал руку ошеломленному Турбину, круто повернулся и убежал в темное ущелье за перегородкой. И сразу стихло в магазине. А на улице стих пулемет.

***

Наконец на перекресток выскочил последний бежавший, в бледных золотистых погонах на плечах. Николка вмиг обострившимся взглядом узнал в нем командира второго отделения первой дружины, полковника Най-Турса. - Господин полковник! - смятенно и в то же время обрадованно закричал ему навстречу Николка, - ваши юнкера бегут в панике. И тут произошло чудовищное. Най-Турс вбежал на растоптанный перекресток в шинели, подвернутой с двух боков, как у французских пехотинцев. Смятая фуражка сидела у него на самом затылке и держалась ремнем под подбородком. В правой руке у Най-Турса был кольт и вскрытая кобура била и хлопала его по бедру. Давно не бритое, щетинистое лицо его было грозно, глаза скошены к носу, и теперь вблизи на плечах были явственно видны гусарские зигзаги, Най-Турс подскочил к Николке вплотную, взмахнул левой свободной рукой и оборвал с Николки сначала левый, а затем правый погон. Вощенные лучшие нитки лопнули с треском, причем правый погон отлетел с шинельным мясом. Николку так мотнуло, что он тут же убедился, какие у Най-Турса замечательно крепкие руки. Николка с размаху сел на что-то нетвердое, и это нетвердое выскочило из-под него с воплем и оказалось пулеметчиком Ивашиным. Затем заплясали кругом перекошенные лица юнкеров, и все

полетело к чертовой матери. Не сошел Николка с ума в этот момент лишь потому, что у него на это не было времени, так стремительны были поступки полковника Най-Турса. Обернувшись к разбитому взводу лицом, он взвыл команду необычным, неслышанным картавым голосом. Николка суеверно подумал, что этаким голос слышен на десять верст и, уж наверно, по всему городу. - Юнкегга! Слушай мою команду: сгивай погоны, кокагды, подсумки, бгосай огужие! По Фонагному пегеулку сквозными двогами на Газъезжую, на Подол! На Подол!! Гвите документы по догоге, пгячьтесь, гассыпьтесь, всех по догоге гоните с собой-о-ой! Затем, взмахнув кольтом, Най-Турс провыл, как кавалерийская труба: - По Фонагному! Только по Фонагному! Спасайтесь по домам! Бой кончен! Бегом магш! Несколько секунд взвод не мог прийти в себя. Потом юнкера совершенно побелели. Ивашин перед лицом Николки рвал погоны, подсумки полетели на снег, винтовка со стуком покатила по ледяному горбу тротуара. Через полминуты на перекрестке валялись патронные сумки, пояса и чья-то растрепанная фуражка. По Фонарному переулку, влетая во дворы, ведущие на Разъезжую улицу, убегали юнкера. Най-Турс с размаху всадил кольт в кобуру, подскочил к пулемету у тротуара, скорчился, присел, повернул его носом туда, откуда прибежал, и левой рукой поправил ленту. Обернувшись к Николке с корточек, он бешено загремел: - Оглох? Беги! Странный пьяный экстаз поднялся у Николки откуда-то из живота, и во рту моментально пересохло. - Не желаю, господин полковник, - ответил он суконым голосом, сел на корточки, обеими руками ухватился за ленту и пустил ее в пулемет. Вдали, там, откуда прибежал остаток най-турсова отряда, внезапно выскочило несколько конных фигур. Видно было смутно, что лошади под ними танцуют, как будто играют, и что лезвия серых шашек у них в руках. Най-Турс сдвинул ручки, пулемет грохнул - ар-ра-паа, стал, снова грохнул и потом длинно загремел. Все крыши на домах сейчас же закипели и справа и слева. К конным фигурам прибавилось еще несколько, но затем одну из них швырнуло куда-то в сторону, в окно дома, другая лошадь стала на дыбы, показавшись страшно длинной, чуть не до второго этажа, и несколько всадников вовсе исчезли. Затем мгновенно исчезли, как сквозь землю, все остальные всадники. Най-Турс развел ручки, кулаком погрозил небу, причем глаза его налились светом, и прокричал: - Ребят! Ребят!.. Штабные стегвы!.. Обернулся к Николке и выкрикнул голосом, который показался Николке звуком нежной кавалерийской трубы: - Удигай, гвупый мавый! Говогю - удигай! Он переметнул взгляд назад и убедился, что юнкера уже исчезли все, потом переметнул взгляд с перекрестка вдаль, на улицу, параллельную Брест-Литовской стреле, и

выкрикнул с болью и злобой: - А, чегт! Николка повернулся за ним и увидел, что далеко, еще далеко на Кадетской улице, у чахлого, засыпанного снегом бульвара, появились темные шеренги и начали припадать к земле. Затем вывеска тут же над головами Най-Турса и Николки, на углу Фонарного переулка: «Зубной врач Берта Яковлевна Принц-Металл» хлопнула, и где-то за воротами посыпались стекла. Николка увидел куски штукатурки на тротуаре. Они прыгнули и поскакали. Николка вопросительно вперил взор в полковника Най-Турса, желая узнать, как нужно понимать эти дальние шеренги и штукатурку. И полковник Най-Турс отнесся к ним странно. Он подпрыгнул на одной ноге, взмахнул другой, как будто в вальсе, и по-бальному оскалился неуместной улыбкой. Затем полковник Най-Турс оказался лежащим у ног Николки. Николкин мозг задернуло черным туманцем, он сел на корточки и неожиданно для себя, сухо, без слез всхлипнувши, стал тянуть полковника за плечи, пытаясь его поднять. Тут он увидел, что из полковника через левый рукав стала вытекать кровь, а глаза у него зашли к небу. - Господин полковник, господин... - Унтег-цег, - выговорил Най-Турс, причем кровь потекла у него изо рта на подбородок, а голос начал вытекать по капле, слабея на каждом слове, - бгосьте гегойствовать к чегтям, я умигаю... Мало-Пговальная... Больше он ничего не пожелал объяснить. Нижняя его челюсть стала двигаться. Ровно три раза и судорожно, словно Най давился, потом перестала, и полковник стал тяжелый, как большой мешок с мукой.

Произведения художественной литературы на тему последнего этапа Гражданской войны (Перекоп) и эмиграции Первой волны

Гончар О. Перекоп. - М., 1980

Тихонов Н. Перекоп// Собр. соч. Т. 1. - М., 1973

Цветаева М.И. Лебединый Стан. Перекоп// Собр. соч. Т. 1-3. - М., 1997

Славин Л. Интервенция// Избранное. Т.2. - М., 1970

Маяковский В. «Хорошо!» Октябрьская поэма// Собр. соч. В 6 тт. Т. 5. - М.: Худ. лит., 1969

Использованная литература

Hausmann C. Anderes Denken in der Sowjetunion. - Frankfurt/ Main, 1990

Meyers Enzyklopädisches Lexikon. In 25 Bd; 9-te, völlig neu bearbeitete Auflage... Mit 100 signierten Sonderbeiträgen. Bd. 19: Pole – Rene und 6. Nachtrag. – Mannheim: Lexikonverlag, 1977. - S. 137

Wright A.C. Mikhail Bulgakov: Life and Interpretations. - Toronto, 1978

Белозерская-Булгакова Л.Е. Воспоминания. - М.: Худ. лит., 1990

Библия. Новый Завет.

Булгаков М.А. Письма: Жизнеописания в документах. - М.: Современник, 1989

Бунегин М.Ф. Революция и Гражданская война в Крыму (1917 - 1920 гг.) - Симферополь: Крымгосиздат, 1927

Виленский Ю.Г., Навроцкий В.В., Шалюгин Г.А. Михаил Булгаков и Крым. - Симферополь: Таврия, 1995. - С. 93 - 128.

Гуль Р. Красные маршалы. - М.: Мол. гвардия, 1990

Датюк Н. Штурм Перекопа. - М.: Воениздат, 1939

М. А. Булгаков - драматург и художественная культура его времени: Сборник статей/ сост. А.А. Нинов. - М.: Союз театральных деятелей РСФСР, 1988. - С. 39 - 95, 190 - 201

Нинов А. Михаил Булгаков и театральное движение 20-х годов// М.А. Булгаков. Пьесы 20-х годов. - Л.: Искусство, 1990

Революция в Крыму: Исторический сборник Истпарта Крыма. - Симферополь: Крымиздат, 1924. - № 2 (4)

Революция и гражданская война в воспоминаниях белогвардейцев. Деникин, Юденич, Врангель. - М.: Отечество, 1991

Сахаров В.И. Михаил Булгаков: писатель и власть. - М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. - (Досье)

Слащов Я. Крым в 1920 году. Отрывки из воспоминаний. - М.: Госиздат, 1923

Соколов Б. Булгаковская энциклопедия. - М.: Локид; Миф, 1996 или: его же, Булгаков. Энциклопедия. – М.: Алгоритм, 2003. – С. 42 – 57.

См. также: Р. Гуль «Красные маршалы» (очерк «Блюхер»); «Записки добровольца» С. Эфрона и созданные на их основе «Лебединый Стан» и «Перекоп» М. Цветаевой (архив Публичной библиотеки г. Базеля, отдел рукописей, фонд М. Цветаевой); справочную статью «Рождение Добровольческой армии» (информация взята из книг Волкова С.В. «Первые добровольцы на Юге России» и «Белое движение в России: организационная структура», а также воспоминаний Деникина, Черепова. Сверено с работой Р.Г. Гагкуева «К истории марковцев»/ «Марков и марковцы». - Москва: Посев,

2001) и подборку материалов об обороне Крыма зимой 1919-20 годов на <http://www.civwar.hotbox.ru/main.htm> (Комендровский И.Н.)